Апрель. Книга первая

Апрель - 1

Сергей Семенович Петренко

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Какой мальчишка в Королевстве не хотел бы отправиться в путешествие на воздушном корабле?! Эти творения заморских мастеров появились на материке давным-давно — говорят, двести лет назад принес их из-за океана ураган — на гребне чудовищной Волны. Говорят, чудесными кораблями управляют особенные маги — Ветряные. Кружится карусель времён, открывая тайны бесстрашным. Оказывается, были в древности и сказочные Острова, народ которых создал воздушные корабли, были маги, умевшие летать без всяких кораблей, играючи подчинявшие ветра. Но были и другие маги — и тайны их куда опаснее беззаботных полётов мальчишек-ветров. Чем дальше в глубь веков уходим по тропинкам времени — тем мрачнее истории открываются нам, и тот, кто доберётся до истоков, узнает, что замыслы древних магов воплотились в настоящем самым причудливым образом…

- Сергей Семенович Петренко
  - Часть 1. Альт
  - Часть 2. Нимо
  - Часть 3. Белый корабль
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Сергей Семенович Петренко
Апрель. Книга первая

Сделай мне, братик, барабан!
И палочки к нему — из дерева Эхо.
Я буду бить в барабан,
Бить, призывая дракона!..

В тебе самом тот, кого ты зовешь

Quando flam uti chelidon…

Часть 1. Альт

Ничего не знаю, ничего не помню, не вижу, не слышу! — говорил я тем, кто пытался меня задержать, выбегавшего из дома ранним-ранним утром в солнечный выходной. Говорил я тихо, так что люди вокруг думали, будто я мурлычу какую-то песенку. Они отмахивались от меня, а я проносился мимо по старым деревянным ступенькам. Как сказала однажды бабушка — точно утренняя горячая булочка, падающая с противня. Не поймать.

На самом деле они меня и не пытались удержать. Дедушка, если оказывался внизу, шутливо расставлял руки. Иногда он ловил меня, приподнимал и переносил через порог, но теперь я стал тяжеловат для него. Мне кажется, изменился не я, а дедушка, он теперь всё больше сидит и смотрит в окно, и я каждый раз мельком вспоминаю об этом, когда бегу; эта мысль, как потемнелое, запятнанное зеркало в углу: оно на миг отражает что-то такое, чего мне не хочется видеть… и я сразу забываю.

Весь выходной у меня в ладонях, я могу смотреть на него, как на большое, сочное яблоко, которое ещё предстоит съесть, и можно думать о том, с какого же боку его надкусить сначала: с ярко-красного или с желтоватого, с маленькими серыми крапинками и буроватыми прожилками. Начать с самого вкусного, или отложить на потом?

* * *

В королевстве рассказывают эту Историю то так, то эдак, но я и сам не знаю, где у неё настоящее начало, потому что, если попробовать его поискать — можно потеряться во мгле других, более древних историй, и болото времени незаметно утащит нас с головой.

Можно начать с середины, середина ничем не хуже. Начать, например, с того, как Брэндли Водохлёб не на шутку увлёкся воздушными кораблями.

Брэндли происходил из старинного рода Хлюпастых, хозяйничавших на большущих Морхлых Болотах. Говорили, что Брэндли спознался с болотными ведьмами, а те свели водяника с шайкой Бродяг.

Бродяги — вот была легенда! Загадочные личности, появлявшиеся то там, то тут, в уединённых местах; на древних, полуразваленных кораблях времён Волны, случившейся при Северных Бородатых Мохоногах. Бродяги эти вроде бы

оказывались совершенно безобидными, ни на кого не нападали, не грабили (ну, разве что утащат с чьего-то огорода пяток морковок да кочан капусты, да и то — застать их за этим делом никто не заставал, может, сами же деревенские и присочиняли, для пущей приятности размеренного существования).

Едва юному водянику исполнилось двенадцать, он исчез из дома, наделав изрядного переполоху. Да что там — Чёрный Гнилень самолично ходил к ведьмам, и те разводили для старейшины рода огонь под Большим котлом. Бродяг с Брэндли не высмотрели (куда там!), но сомнений ни у кого не возникло.

— Да вы не беспокойтесь, — сказала старшему Хлюпастому Большая Ха. — Не могли они малого силой увести. Не таковские они. Им до вас дела нет.

— Мне до них дело будет, — значительно проскрипел Гнилень.

— А я вам больше скажу, Хозяин: малый ваш, по всему похоже, к Бродягам, небось, тайком от них же и пробрался. Небось, нашли его, когда уже поздно было.

— Ишь, заступница! — разбух от злобы Гнилень. Да тут же увидел льдистые огонёчки в пустых глазках ведьмы. Такой-то поди, погрози…

Сами Бродяги строить воздушные корабли, как известно, не могли. Да и никто не мог, если уж говорить о Настоящих воздушных кораблях. В небо поднимались разнообразные корабли Скальной столицы и Одинокого Угла, их видели едва ли не каждый день все жители равнин. Но эти корабли были не Настоящие, а спросите любого юнца из рыбацкой деревушки, и он вам объяснит, что «новоделы» сами никогда взлететь не смогут, потому запускают их с воздушных гаваней, со скал или с гигантских катапульт. Хорошие корабли — наполовину «заморские», наполовину из кедров Срединного леса, — взлетали и с земли, но только в сильный ветер. И уж никто из здравомыслящих капитанов не поднимал в воздух своё судно без «ветряного мага» — таких, рассказывали, специально готовят в школе ветряных магов, в Лисипке.

Настоящие воздушные корабли считались большой редкостью. Все они были построены несколько веков назад, а о том, каким образом появились они в Обитаемых землях, легенды ходили разные. В семье Хлюпастых рассказывали, например, что огромный флот принесло ураганом из-за Великого океана. Это был чудовищный ураган, и маленький Брэндли ужасно любил слушать историю о Волне до неба, которая шла стеной с Запада в

венце из молний. Море тогда на несколько бесконечных минут отхлынуло от берегов, и над Болотами нависла тишина. У многих водяников заложило уши, и они в испуге метались туда-сюда, а некоторые в панике совали головы в ил (чего, вообще-то, водяные давным-давно уже не делают).

Небо стало очень-очень странным — кто смотрел вверх, рассказывали, будто небо загустело и натянулось, висело над головами, как плавательный пузырь громадной рыбы. Всем было страшно — думали, небо прорвётся, и то, что сверху, обрушится на землю.

Потом упала Волна. Прибрежные города погибли. За одну секунду их совсем не стало. Города и посёлки, расположенные подальше, в половине дня пути от берега, были тоже разрушены, но в них ещё остались живые люди. Они видели, как со стороны океана, из-за Волны, вырвалось странное облако. Оно пронеслось над равнинами и обрушилось на лесистые отроги северных гор.

Уцелевших воздушных кораблей из облака над Волной было мало. Тот, кто находил такое сокровище, мог считать себя и своих детей сказочными богачами и всю оставшуюся жизнь получать хорошие деньги, перевозя по воздуху богатых особ и срочные грузы; либо мог продать корабль за баснословную сумму. Корабли переходили из рук в руки часто очень сомнительными, а то и просто преступными путями. Многие потом исчезали; а те, что остались, Государь попытался взять под свою охрану, но вскоре после этого был убит.

Случилось однажды, что братья, не поделив наследство по уму, разобрали корабль на части. Каждый из них попытался потом достроить свою половину из обычных материалов. Наняли лучших мастеров. Так и получились «ненастоящие» воздушные корабли — они планировали с экипажем и грузом на борту, но сами отрываться от земли не могли.

Тогда в леса северных гор бросились полчища «искателей». Они правдами и неправдами добывали обломки воздушных кораблей и продавали их за бешеные деньги мастерам-строителям. Ко времени рождения Брэндли в стране было около трёх десятков кораблей-новоделов, в лучших из которых было до половины древесины от Настоящих кораблей с Запада. Части эти тщательно скрывались, маскировались, чтобы охотникам за летучей древесиной было труднее их уворовать.

К слову, материалы эти, да и сами Настоящие корабли вовсе не отличались по весу от обычных. Пробудить их волшебные свойства, поднять в воздух могла особая магия. Откуда секреты заморских магов попали к здешним корабелам — в точности

неизвестно, но полагают, что не все прилетевшие из-за океана погибли. От них-то и выведали секреты. Самих чужаков никто будто бы не видел — во всяком случае, никаких достоверных свидетельств нет. А слухи ходили — самые разные, диковинные и совершенно противоречивые. Говорили даже, будто Бродяги — и есть те люди из-за моря, которые выжили после Волны. Корабли свои они кое-как починили, но очень странно — кто видел, рассказывали, что суда эти уж больно ветхи, пробоины не заделаны, мачты как были сломаны, так и остались торчать обломками; щелястые борта жутко скрипят, то и дело какая-нибудь деревяшка и вовсе отваливается.

Когда корабль не выдерживает и рассыпается окончательно, Бродяги с помощью верёвок и гвоздей собирают из груды драгоценных останков странные сооружения: то ли плоты, то ли сараи, то ли что-то ещё диковинное, ни на какую привычную постройку не похожее. Путешествуют Бродяги скрытно, и чаще — «стаей», видимо, для безопасности. Появляются вдруг, невесть откуда, в пустынной местности; обыкновенно — среди лесистых холмов, чтобы удобнее было прятать свои «летающие сундуки».

* * *

Чёрный Гнилень очень сердился. Поделать с ведьмами он ничего не мог, а сами ведьмы болотных жителей не боялись, однако ссориться с Хлюпастыми им тоже радости мало — соседи удобные, с понятием, все старинные привычки друг друга знают. Поэтому-то Большая Ха сказала гостю, чтоб тот обождал. А сама вышла из хижины, припала к колодцу, истаяла, комком серого тумана просочилась по болотным подземным протокам…

На самом краю болот, у холмов, жила девочка-хромушка. Чудная такая девочка. На одну ногу хромая, на один глаз косая, ходила летом и зимой в ветхом платьице, а кто её первый раз на снегу видел, думал: пропащее дитё, ещё до ночи схрупает её Мороз.

Но «дитё» не пропадало; только, выбираясь к человечьим тропам, накидывало на хрупкие плечики тяжёлую кожушину, чтоб человеков не смущать. Косы она странно заплетала: до плеч волосы прямо лежали, а от плеч тугими хвостиками мотались. В косичках ленточки — синяя и зелёная. На ногах зимою валенки болтались, но тоже — больше для виду.

Рассказывали, ехал однажды через холмы чужой человечина

на санях, догнал девчонку. А девчонка как раз без кожушины шла и без валенок. Пригласил человечина её к себе в сани, горячим питьём угостил, под шубу упрятал. Доехали до постоялого двора. Человечина девчонку в комнату увёл, велел чан большой с горячей водой ставить.

Утром хозяин двора, не достучавшись, дверь с петель сбил, ни девчонки, ни человечины не нашёл. Коней с санями по-честному в город вернул, родичам, и деньги, что при человечине были. Родичи только спросили, что и как.

— Так ведьмы ж… — объяснил хозяин.

…Позвала Большая Ха девчонку:

— Ты водяника заморочила?

— Че морочила? Ниче не морочила. Всё рассказывала, как сама знаю.

Большая Ха зубы на нижнюю губу положила и шипит:

— Ну, тогда началось.

А Большая Ха знала, что говорит. Потому что сама девчонке когда-то расписала, как первый раз всё увидела.

…Ночь. Вылезала из-за гор луна — здоровущая, ноздреватая, даже запах ночных трав от неё менялся, острый делался, будто с перцем. То, что в тень ушло — ещё чернее становилось, чего сияние коснулось — то будто из мармелада сделано. Аж лизнуть хочется. И весь мир будто в дырках. Каждая дыра — нора, из норы что угодно вылезет, или сам ныряй в те места, куда ногами не дойдёшь.

Небо странное. Далёкое-далёкое. Ну, то есть оно и всегда далёкое, но так оно просто далеко, а тогда как бы слоилось: ближняя даль, а за нею — дальняя даль, и всё это без края — хоть лети всю ночь, и всюду — свои звёзды.

Жуки ночные орали, как резаные. Наверное, очень им воздух и свет нравились.

И тут из-за холма, заслонив луну, вынырнули эти. Гуртом. Десяток их или больше. Ни на что не похожие развалюхи: не то корабли, не то сараи. Беззвучно над высокой мягкой травой скользнули, пронеслись, уселись в редколесье.

Пока по небу летели, думалось — луна в их дыры просвечивает. Но корабли опустились, а два-три слабых огня сквозь ветви и траву всё маячат.

Большая Ха сама хотела подойти к Бродягам поближе. Посмотреть. Потрогать заморские деревья, которые летают. Ей казалось, они на ощупь — как те самые вещи, что иногда так хочется унести из снов.

Не пошла. Почему не пошла… Вроде понятно, словами не расскажешь.

* * *

Кто говорит, будто ведьмы летают? Ничего они не летают, вовсе. Скользят они. Над самой землёй, над водой стоячей, над травою. Иногда, если туман — над туманом; тогда поднимаются выше — выше кустов, переносятся через овраги, над самыми верхушками деревьев. Бывает, ведьмы катаются на ветре. Когда буря, ураган, мгла. Ведьмы умеют становиться лёгкими. Очень-очень лёгкими. Но всё-таки они не могут летать.

* * *

Девчонку звали Дзынь. Это целая история, хоть и небольшая.

Однажды к Рогатой косе причалил корабль. Много дней держался глухой штиль. Такой мёртвый, что даже ветряной колдун на корабле ничего не мог поделать, и капитану пришлось посадить «Лунную бабочку» у края болот, между топями и морем. Он, конечно, мог посадить «Бабочку» в море, дождаться ветра и идти по воде; но, во-первых, «Бабочка» слишком долго оставалась в воздухе, пересохла и требовала кое-какой работы в доках. Водяные обычно не брались за «человековскую возню», но могли поспособствовать, да и случай оказался особый. К тому же, цель путешествия была довольно далеко от моря, в Цветочной долине, оттуда даже реки не текли, поэтому «Лунной бабочке» всё равно пришлось бы ждать большого ветра.

«Лунная бабочка» была как раз одним из тех удивительных кораблей, что по слухам состояли из заморской древесины не меньше чем наполовину. Неудивительно, что юный водяник Брэндли в тот же вечер вертелся у причальных мачт. От немедленной авантюры с проникновением на борт его удерживала одна мысль — хозяином «Бабочки» был, по слухам, известный живодёр и скряга Буций Лух, любивший распускать руки. Кулаки у него были тяжёлые, и говорили, что двоих чем-то не угодивших матросов он лично прибил, а ещё изуродовал юнгу-сироту только за то, что тот пробежал прямо перед его носом. Юнга ослеп на оба глаза и потом утопился, так что жертв Луха по-настоящему было трое. Как бы ни был сказочно богат Лух, у правосудия давно чесались по нему руки, поэтому говорили, будто Буций последние года три носа не кажет из своего замка на

горе Шикелетине. Само собой, поднять руку на младшенького Хлюпастого — это вам не сироту изувечить, но ведь всё это объяснять предстоит потом… Вот Брэндли и вертелся вокруг да около, облизываясь и сопя.

В сумерках водяник заметил ещё одну невысокую фигурку неподалёку — она сидела на кочке, ссутулясь и самозабвенно ковыряя в носу. Брэндли всегда хотел найти себе хорошего приятеля для игр и путешествий, но такого всё не случалось встретить, поэтому каждый раз, завидя незнакомца своих лет, Брэндли внутренне замирал в ожидании чего-то удивительного. Вот и сейчас…

Но это, во-первых, оказалась девчонка. И что за девчонка — вся какая-то серая, как изъеденное молью чучело мыши; кривая, с дурацкими косами.

Увидев водяника, девчонка перестала возиться в носу, вытерла пальцы о грязь под ногами и добродушно улыбнулась. Брэндли пришлось тоже улыбнуться — хотя бы из вежливости: уж кем-кем, а грубияном, задирой и драчуном он не был.

— Ждёшь? — спросил водяник. Девчонка непонятно чмокнула губами и снова улыбнулась, задумчивей, и перевела взгляд на «Лунную бабочку».

— Щас он придёт, — сказала она.

— Кто?

— Хозяин. — И вытянула губы, дунув так, что послышался звук, как будто ветер ворвался в длинную, гулкую трубу.

— Ведьма! — крикнули на корабле. Встревоженно и обрадованно. Брэндли вспомнил, что самые древние ведьмы очень хорошо умеют призывать ветер. Управлять им — нет, но звать бурю, непогоду…

— Ты вовремя пришёл, — сказала девочка загадочно. Брэндли подумал и решил, что, пожалуй, да — сейчас уж что-то да начнётся… и вдруг испуг ледяной волной окатил его:

— Хозяин?! Лух!!

— Кто? — засмеялась девчонка.

— Буций Лух!

— Ба Цзинь Лун! Он очень старый и совсем не страшный.

С «Бабочки» по трапу мелкими шажочками сошёл, почти сбежал маленький старичок в халате. Старичок был почти лысый, со сморщенным тёмным личиком и чудными косичками волос, почти как у незнакомой девчонки.

— Ох! Какие гости! — негромко воскликнул он, кланяясь. Девчонка встала и тоже кивнула. Старичок, казалось, был человечиной, но очень необычным.

Так Брэндли оказался на «Лунной бабочке».

Ба Цзинь привёл гостей в свою каюту. Ступив за порог, водяник вздрогнул от неожиданности — на полу, на толстом ковре сидел мальчик, тоже человечий и совершенно слепой. Он был тоненький; сидел, скрестив ноги, а ладонями упирался в ковёр. Глаза его, большущие и как будто не совсем человечьи, смотрели на Брэндли непонятно — водяник чуял, что мальчик слепой, но что-то он этими своими удивительными глазами видит.

Ведьмучка ткнула Брэндли острым пальцем под ребро, чтобы он не загораживал дорогу.

Попался, подумал водяник. Сейчас ветхий старичок Ба Цзинь сгребет в охапку девчонку, они превратятся в мерзкого Луха…

Слепой мальчик неожиданно и звонко рассмеялся.

— Аль? — удивился Ба Цзинь.

— Я чувствую ветер. Очень много ветра, он совсем рядом, его надо только чуть подтащить.

Старичок заулыбался.

— Как замечательно. Сейчас я принесу чай.

И тут Брэндли разволновался ещё сильнее. Он понял, что слепой мальчик — это и есть ветряной корабельный маг.

Потом оказалось — не просто ветряной маг, а один из лучших. Ба Цзинь сказал это при нём, спокойно и запросто. Мальчик, которого старик звал Алем, видно, и сам прекрасно всё знал.

— На магов никто не учится. И опыт с возрастом тут ни при чём. Ты либо чувствуешь ветер, либо нет. Это как со слухом и голосом, только ещё сильнее разница.

— А я слышал про школу ветряных магов в Лисипке… — сказал водяник… и тут же понял, что зря. Мальчик Аль чуть вздрогнул, хоть лицо его и не изменилось, зато сам хозяин Ба Цзинь даже как будто сгорбился. Ведьмучка, кажется, тоже ничего не знала про школу.

— Я могу вам рассказать, — проговорил Аль медленно. — Не вижу особенных причин скрывать от вас, только… это плохая тема для первого чая. На самом деле это вовсе не школа…

Старичок мелко и часто закашлял. Аль замолчал, задумчиво улыбаясь; тогда Ба Цзинь стал готовить чашки, обливая их кипятком. Крошечные чашки иногда тонко позвякивали, девчонка то и дело касалась ногтем края чашки и слушала. Она так увлеклась, и обнаружила, что все замерли и смотрят и слушают только её. Она подняла чашку к лицу.

— Дзынь! — сказала она.

— Цзынь? — переспросил старичок-хозяин.

— Это её имя, — сказал Аль.

…Они втроём вышли на палубу. Ба Цзинь проводил их и что-то тонко крикнул — как чайка, подумал Брэндли, — человеку на вантах, потом спустился вниз.

— А почему, — спросил Брэндли, — нельзя вынуть из корабля все летучие части, сделать из них судно поменьше, зато оно будет совсем летучим.

— Им нельзя будет управлять, — откликнулся Аль. — Части «забудут» своё предназначение. Ты слышал легенду о Доме Сумасшедшего Ацки?

— Слышал, конечно.

— Так вот, его замок стоял близко от дорог, которыми добытчики обломков переправляли мастерам найденные в лесах куски кораблей. Ацки скупал добычу поплоше — дешевые обломки, вплоть до щепы, — у тех, кто не хотел или не мог сам доставлять её крупным скупщикам. У него была идея — построить летающий замок… или хотя бы дом.

— И у него получилось!..

— Получилось. Только дом вышел неуправляемым, появлялся то тут, то там, и поделать с этим ничего было нельзя. Ацки предлагали за дом большущие деньги, но он отказался. Люди стали считать его сумасшедшим; думали, будто он сам виноват, что Дом переносится куда попало. Потом Ацки совсем пропал, и больше не видели ни его, ни Дома.

— Аль, а ты видел… — Брэндли поперхнулся, поправился: — Ты встречал Бродяг? Почему они летают вместе, стаей? Как ты думаешь?

— Я видел Бродяг.

* * *

В нашем городе самые красивые мостики. Перила у них необыкновенные, столбики резные, между ними — переплетение цветов и листьев; зверей, настоящих и волшебных; всяких замков и завитушек. Если смотреть с нижних улиц, когда солнце восходит, можно разобрать слова вычурными буквами и даже целые стихи, в которые складываются узоры перил. Поэтому многие мосты и мостики называются по этим строчкам. Например, в мостик у моего дома вплелась такая фраза: «Осенние золотые листья усеяли голубую ленту ручья у тихих, высоких деревьев, остановивших небо».

Я не знаю, откуда взялись эти строчки, кто их придумал. Говорят, это был странноватый, или даже немного сумасшедший архитектор, он спрятал в нашем городе целую книгу своих стихов. Есть несколько списков «мостиковых стихов» — но ещё ни у кого не получилось так соединить все строчки, чтобы получилось единое, большое стихотворение, о котором бы все сказали: «Да, это именно оно, всё именно так и должно звучать!»

Мой мостик — «Осенний».

И он — особенный.

Мой дом стоит у овражка, сбегающего почти с самой вершины Холма. Ореховый ручей журчит громко, протекая под моими окнами; я слышу его всегда — а когда не слышу, я знаю, что наступила настоящая зима.

Но дело не только в этом. Над моим мостиком есть ещё три. Они — выше. Самый высокий — Майский Звон, — кажется тоненьким и хрупким. Почти точно под ним — мостик Цветочниц-Одуванчиков. И ещё ниже — Гребешок.

В день Карнавала Августа этот неприметный овраг с каскадом мостиков становится самым удивительным местом в Городе. Потому что с них устраивают прыжки. Участвуют ребята не старше четырнадцати лет и легче сорока килограммов. Вообще-то прыжки с мостиков запрещены Мастерами. Но по рекомендации Старшего Часовщика прыжки разрешают — один день в году. Часовщик решил, как нам рассказал учитель рисования Денник, что лучше проводить «это безобразие» один раз в году, под присмотром лекарных колдунов, чем запретить совсем — и тогда всё равно будут прыгать, но только «с более печальными последствиями». И Часовщик сказал, что если сами ребята будут соблюдать запрет весь год, кроме Карнавала Августа, то соревнование останется, а за победу в нём положены замечательные призы… Угадайте, какие? Ну конечно, летучки! Это такие небольшие дощечки с петлями для рук. Они сделаны из настоящего заморского летучего дерева и стоят бешеных денег. Если схватиться за петли, поднять летучку над головой и быстро-быстро побежать с холма — так, чтобы ветер засвистел, — то скоро почувствуешь, что ноги едва касаются земли…

С летучками и прыгают с Майского Звона. В день соревнований их выдают участникам, те тренируются с утра и до пяти часов вечера. А в семь часов вечера начинается финал. Прыгуны, схватив летучку, бросаются с перил Майского Звона. Самое опасное — эти первые мгновения, когда ты падаешь совсем по-настоящему, и, кажется, ничто тебя не спасёт, а летучка — обыкновенная доска. Земля несётся на тебя… Нужно не одуреть от страха. И метров через двадцать начинается волшебство.

Летучка «просыпается», почувствовав воздух. Ты и сам становишься легче, почти как во сне. А доска, будто зонт в сильный ветер, тянет вверх. Перед самым Одуванчиком летучка относит тебя чуть-чуть вперёд. Тут надо подогнуть ноги, оттолкнуться от перил второго мостика и прыгнуть дальше. Или, если не получилось, если промахнулся, то хотя бы просто стать на ноги на мосту. А не шлёпнуться в овраг и не шандарахнуться об перила каким-нибудь не тем местом. Перила, конечно, накрывают набитыми травою мешками, но всё же…

После Одуванчика ты отталкиваешься от Гребешка, а потом точно так же летишь к Осеннему. Самым шиком считается, коснувшись перил последнего, четвёртого, мостика, отбросить летучку; удержав равновесие, пробежать по перилам и спрыгнуть на траву у самого ручья.

Теперь я вам открою мою тайну… Ну, это я так для красивости написал, на самом деле я ни от кого особенно не скрываю.

Я боюсь прыгать с мостиков. Дело в том, что прыгать надо обязательно с самого верхнего, Майского. Потому что между остальными расстояние маленькое, летучка не успеет почувствовать воздух и не удержит тебя. Те, кто прыгают первый раз, сильно-сильно отталкиваются от перил и стараются приземляться на дно оврага, минуя мостик. Тогда ты почти наверняка довольно мягко коснёшься травы у ручья. А ещё — пока не привык, надо обязательно привязывать к летучке верёвку и наматывать её на ладони, чтобы, если пальцы разожмёшь, не шмякнуться. Но всё равно это очень страшно. У кого есть своя летучка, те идут на Косогоры. Там хорошо — ты бежишь по склону, почти не чувствуя земли, а потом начинаешь перелетать небольшие буераки, и в конце — планируешь с откоса, уже почти ничуть не боясь.

У меня нет друзей с летучкой. Вот в чём беда. Чудак Чумчум устраивает полёты на Косогорах, и половина городских мальчишек и девчонок соберётся там, чтобы побегать с летучками. Чумчум делает это уже второй раз. Но на прошлой неделе я пришёл слишком поздно. Летучек было семь, а желающих попрыгать с ними — семьсот, если не больше. Я посмотрел на эту сумасшедшую толпу орущих, визжащих и бестолково толкающихся ребят, мне стало грустно… и я ушёл, даже не стал смотреть, как они прыгают.

А вчера случилось маленькое чудо… или даже большое. Только я боюсь про это думать — вдруг ничего не получится.

Я встретил очень странного человека. Он был грязный и оборванный. Он стоял у ручья, как будто в нерешительности:

будто хотел умыться, но то ли опасался воды, то ли не хотел, чтобы грязь испортила ручей. Я немного расстроился — не понравилось, что бродяга торчит тут, у моего ручья.

Увидев меня, бродяга испугался. Он попятился в тень мостика. Приложил руки к груди, потом крепко сжал губы и коснулся их указательным пальцем. Я почему-то сразу перестал на него сердиться и кивнул. Подумал, что бродяга не хочет, чтобы его видели. Ну и ладно, у меня тоже бывает такое настроение, я же понимаю. Я кивнул и зашагал в обход…

Вечером я вернулся на это место. Шёл я осторожно, чтобы не напугать бродягу. Но его нигде не было. И следов никаких. Ручей весело щебетал у моих ног, я подумал, что сегодня его плеск — словно настоящая песня. Мне иногда хотелось петь, но я стеснялся. А ручей как будто пел за меня. И воздух вокруг как-то по-особенному тёк — я чувствовал его всей кожей, даже сквозь одежду.

У мостика я присел, опустил ладони в воду. И замер. У края воды, почти занесённый илом, лежал удивительной формы кусок дерева — это был треугольник с волнистыми краями. Поверхность деревянной штуковины тоже была какой-то странной; я не сразу сообразил, что это выпуклые буквы.

Руки у меня дрожали, когда я вытаскивал её из воды. Я чувствовал волшебство так, что хотелось вопить, смеяться и плакать сразу. Пришла мысль, что кто-то сейчас будет идти мимо и решит отнять у меня это сокровище — но тут же я и понял: никто не сумеет, не сможет отнять. Потому что эта находка — не просто кусок дерева с воздушного корабля. От неё струилась сила, и она уже соединилась со мной, узнала, приняла меня. Теперь я её друг, и если кто-то захочет унести волшебную доску, она снова вернётся, сама.

* * *

Я не хотел учиться летать на виду. И не потому, что боялся. Это раньше, когда видел других ребят, прыгавших с досками, — боялся. А теперь, когда у меня в руках моя летучка — совершенно исчез страх. Теперь даже непонятно, как это было раньше.

Пробежав вниз по ручью, я замер перед длинной, с изгибами, деревянной лестницей. Она тянулась по склону ещё дальше, к самому подножию Холма. Ступеньки шатались, а некоторые и вовсе рассыпались — здесь мало кто ходил. Давным-давно; наверно, когда ещё мой прадед был мальчиком, там, «под горой», добывали руду. Лестница вела в заброшенные рудники.

А ветра нет совсем, подумал я. Давай…

И шагнул через две ступеньки. Сердце бултыхнулось тугим комочком, наконец пришёл страх — ничего не получится… И время как-то странно растянулось или даже попятилось: я всё ещё не коснулся ступенек, падал — и стоял, а ступеньки были всё там же, внизу, в полуметре подо мной…

Тёплый ветер подул в затылок, потом облетел вокруг и растрепал волосы на лбу. Ступеньки оказались чуть дальше внизу… я сжал внутри себя воздух — просто не сумел вдохнуть. Потому что я не опускался вниз, как это делали все, у кого была летучка. Лестница уменьшалась. А держаться за летучку было совсем не трудно — всё равно, что просто нести её в руках.

Город подо мной оказался таким… Я не представлял, что это будет так. Даже слёзы текли (хорошо, что не нужно никого стесняться)… Я знал, знал, что наш Город очень красивый. Я знал, что он ещё красивее сверху. Но такое я представить не мог…

Как странно. Какой мальчишка не мечтает о славе?.. И я думал, как бы здорово было, если бы у меня появилась летучка, и я бы прыгал лучше всех, и все ребята завидовали бы. А теперь я не хотел летать на виду. Не хотел участвовать в соревновании. Победить — это запросто. Потому что никто из ребят не может так летать. Потому что они всё равно не летают по-настоящему. Они прыгают. Я же могу делать всё, что захочу. Хоть кувыркаться в воздухе целый час, и мне не нужно ждать ветра.

И не нужно, чтобы кто-то на меня смотрел. Как раз потому, что они будут завидовать. И будут выстраиваться в очередь и подлизываться, чтобы я дал подольше полетать на доске. Будут обижаться и ссориться. Да нет, мне не жалко; я знаю, что с такой летучкой ничего не случится. Но это будет по-другому, совсем не так, как я хочу.

Вот бы встретить человека, с которым можно летать весь день, просто так…

…А пока я убегал каждый день — рано-рано утром, — за Город, на Нижние холмы. Я просыпался часов в шесть, и бабушка не взаправду охала — что со мной такое?! Я хватал бутерброды и летучку.

— Бабушка, не бойся!

Она смеялась. Она ни о чём не спрашивала больше.

Я возвращался поздно, когда солнце уже скрывалось за Городом. Запад впереди светился алым, башни Города чернели, будто кто-то нарисовал их сажей прямо на небе; только изредка там вспыхивали искры — закатный луч отражался от позолоты шпилей или распахнувшегося где-то окна.

Бабушка с дедушкой смотрели в это время «картинки-истории» в рамке. Картинки были скучные, про любовь. И, по-моему, совершенно одинаковые. Старенькая рамка уютно мерцала, порою от неё к стене проскакивали синие искры. Когда я был совсем маленький, я любил на них смотреть. Однажды я попробовал поймать искорку в ладонь, но искорка проскочила насквозь, уколов меня, будто иголками. Я испугался и долго не подходил к рамке, а потом как-то сам собою страх прошёл.

Я подбирался к бабушке сзади, обхватывал её шею руками и тихо шептал:

— Что, кроме всегдашнего?

— Не уморился? — так же тихо, одними губами спрашивала она.

— Не-а… Я там выспался. В траве, на холмах.

— Поешь-то сперва.

— Не, не хочу сперва. Потом.

И бабушка перечисляла те дела, которые оставили для меня. Если надо было что-то купить, приходилось бежать в дальнюю лавку «Колокольня», потому что ближняя, «Песочница», была уже закрыта, а в «Колокольне» отпускали и за час до полуночи. Мне жутко хотелось слетать в лавку с доскою, и однажды я решился. Взял сумку на ремне, повесил через плечо. Было уже совсем поздно, половина одиннадцатого. Я нарочно так тянул, чтобы на улицах стало пустынно. Если даже кто-то заметит, то не разберёт толком, что да как.

Дорога вела в гору. Я опустил летучку перед собой на высоту бёдер, чуть подтолкнул вперёд. Она понимала. Она заскользила над мостовой, а я бежал следом, чуть опираясь на неё, как будто помогал набирать скорость качелям. Потом лёг на летучку животом и полетел вниз — там, у Серебристого мостика, улица чуть опускалась. Потом снова вверх — и уже очень быстро, и уже не касался мостовой ногами! Летучка взяла выше, выше, я раскинул руки…

И тут что-то дёрнуло меня за щиколотку.

Рывок был сильный, летучка выскользнула, я упал на одно колено, но не расшибся. Потому что рядом со мной очутился человек. Он поддержал меня, подставив ногу. Летучка пролетела ещё пару шагов, замерла и тихо опустилась на мостовую, сделав вид, будто она — самая обыкновенная.

— Ку-ку! — сказал человек. — Приве-е-ет!

Он выглядел, как сумасшедший. Как ни странно, я успокоился — от сумасшедшего можно просто удрать. У него были длинные руки, болтающиеся, точно у куклы, которую

дёргают за верёвочки. Он ухмылялся, рассеянно блуждая взглядом.

— Я давно тебя иска-а-ал. У тебя моя доска-а-а…

— Фига с два! — крикнул я, отпрыгивая. — Уж точно не твоя!

Глаза психа остановились. На мне. Ухмылка осталась, но она превратилась в какую-то задумчивую, словно этот тип и правда размышлял о чём-то.

— У меня есть документ, — сказал он уже почти нормальным голосом. — Видишь? — Он вынул из кармана пиджака кусок толстого пергамента. Во второй руке оказался маленький фонарик. Псих посветил на пергамент, и там проявилась странная восьмиугольная звезда. Сияющая… — И здесь — тоже.

Он направил луч на летучку. И… на одном крае доски высветился точно такой же знак. Я оцепенел.

— Да не бойся, — прошептал он. — Не отниму.

Взял мою руку. Я так ослаб, что даже не подумал вырываться. Ладонь у него была горячая, как клешня вулканного огнерога.

— Нам нужно поговорить. Прилетай завтра днём, в любое время, к башне Тогородора. Знаешь её? Войдёшь во двор, там мы и встретимся.

Я кивнул. Мир рушился, я ничего не чувствовал. Конечно, я знал эту башню, только…

— Меня разве пустят? Это же башня Высшего Мастера.

— Пустят, — снова усмехнулся он. — В любое удобное для тебя время…

Повернувшись, он зашагал — неуклюже, как на ходулях, — в темноту.

* * *

День был невероятно солнечный. Ярко сияли даже камни стен и булыжники мостовой. Листья на деревьях блестели липким соком. Ветер уносил солнечный жар, и мне хотелось плакать оттого, что я иду по улицам в логово врага — именно так я называл вчерашнего кривляку! — а мог бы лететь сейчас, купаясь в ветровых потоках…

Я сделал всё, что мог. Спрятал летучку. Всё равно почти не спал. Мне казалось, спрятал надёжно, но когда речь идёт о Мастерах из Башен — в глубине души осознаешь, какой ты наивный и беспомощный.

У нас в Городе всякие начальники-управители стараются зря не вмешиваться в дела простых людей. Есть магистрат, есть стража, есть суды… Но обычный человек вроде меня или бабушки

с дедушкой почти не обращает на них внимания. Я слышал рассказы чужестранцев о том, что у них всё по-другому. А почему — не особенно интересовался. Помню только, что от рассказов тянуло страхом и злобой. Было неприятно про такое думать, и я забывал. Но Мастера — они же оттуда, из чужого мне мира. Кажется, я первый раз это почувствовал так отчётливо. На самом деле они ведь могут всё, что захотят… И счастье ещё, что правителям и важным господам прежде не было никакого дела до моей жизни.

Калитка во двор башни была не заперта. Внутри оказался небольшой сад и дорожка, вымощенная белым камнем. Дальше, почти у самых стен башни, блестело зеркало прудика. У воды стояло кресло, а в кресле сидел старик. Других людей я не увидел. Было тихо, только птицы перекликались в ветках.

Старик, одетый в белое и сам белый — длинные волосы и борода, и даже кожа какая-то очень уж белая, — он почувствовал меня… да-да, именно почувствовал, не увидел, он слепой, догадался я. Он повернул ко мне длинное лицо, и я понял, что у него хорошее настроение.

— Какое чистое утро, Аль, — произнёс он. — Ты в нём — как светлая птичка. Свободная, чудесная птичка — но Троготт тебя испугал ночью, да? Твоё сердце бьётся, как будто тебя поймали и хотят посадить в клетку. Но ты свободен, Аль. Можешь играть, летать — никто не отберёт у тебя твою волшебную игрушку, никто не придёт к тебе и не потребует ничего. Мастера, Аль, не создают своё могущество из радости и свободы летающих мальчиков. Они только предлагают.

Я молчал. Пересохло во рту, да и не знал я, что нужно сказать.

— Если бы ты не был так напряжён, напуган — я показал бы тебе сад, башню, город… Город с башни так прекрасен, ты… Ах, да; ты наверняка уже поднимался выше самых высоких шпилей!.. Но, если захочешь — если тебе будет грустно, одиноко, если захочется спросить о чём-то важном, а рядом не окажется человека, способного выслушать и тем более понять… Приходи сюда в любое время. Тебе откроют. Или прилетай. Ты любишь читать? У меня прекрасная библиотека, сам я букв различить не могу, приходится приглашать чтеца… Ты мог бы брать книги из башни домой. В удобное для тебя время… Ты так стиснул губы, Аль… Ты, наверное, охрип, выпей воды. Я хочу услышать от тебя хоть слово — наверняка твой голос мне понравится…

Это было невыносимо глупо — но я не мог говорить. Чем больше слов произносил старик, тем сильнее сжимались, словно сведённые судорогой, мои губы. Я кивнул, понимая, что Мастер

этого не видит. Надо было сказать: до свидания, мне пора идти. Но как?! И уходить молча… невозможно.

Он замолчал, прислушиваясь к чему-то. И кивнул:

— Ничего-ничего. Это всё неважно. Приходи… — Взгляд Мастера, сковывавший меня, изменился. Я понял, что позади кто-то есть. Повернулся, обмирая… — Нимо! Прошу тебя, проводи… нашего гостя. Его зовут Аль.

Солнце ударило всей июньской силой — и сияли у дорожки кусты неведомого растения золотистыми и белыми соцветиями и блестящими, будто мокрыми, листьями; слепили дрожащие блики в пруду; и пронзительно синело небо. А среди всего этого стоял он. Нимо.

На нём была одежда… я не знаю, как назвать этот цвет. Сперва показалось, что она белая, но когда Нимо чуть шевельнулся, я понял, что золотистый оттенок — не от солнечного света, а на самом деле. Но он лёгкий, исчезающий… Я вспомнил словосочетание «белое золото». Никогда не видел такое; а может, видел, но не знал, что это — оно. Но слова эти были лучше всего.

Нимо, тонкий и лёгкий, как наваждение, взмахом руки позвал за собой. Раздвинулись кусты; время растворилось, как на границе сна — и я уже стоял за оградой. День потускнел, как будто погасили половину светильников. Улицы были пусты. Мысли кристально чистые и какие-то хрупкие, точно корочки наста над пустотой растаявших сугробов… Откуда эта снежная фантазия?.. Я опять подумал о Нимо и понял, что не знаю, мальчик он или девочка? Он нереальный, как призрак, и вместе — может быть, больше настоящий, чем весь мир. Когда он открыл для меня двери и отодвинулся, пропуская — и сад, и тропинка, и небо, и ограда сделались зыбкими, далёкими, неясными.

* * *

Ветер налетел — свежий и незнакомый. Брэндли привык к запахам болот. Привык узнавать, откуда дует ветер, по запаху — морскому, солёному, или пахнущему снегом с гор. Этот ветер был другим. Он ворвался, как будто распахнули дверь в душной комнате. Он, ветер, и сам удивился — куда это я попал? Пах смолистыми деревьями, хватал с земли мелкий, летучий мусор — матросы ругались, кому-то запорошило глаза.

Ругался боцман — на команду, на морских чертей: корабль оказался недостаточно готов, и непонятно было, что делать — поднимать паруса или ждать, пока ветер не станет ровным.

— Вертится, как юла, — смеялся Аль. — Как щенок у ног.

Брэндли таращился на Аля. Волосы мальчишки плескались, словно невидимые чертенята плясали у него на голове. Аль вытянул губы «трубочкой»; водяник подобрался, ожидая свиста — но звука не было. Аль обеими руками обхватил себя за плечи, чуть покачиваясь из стороны в сторону. И тогда протянулся тихий и непрерывный свист — откликнулся ветер: сверху, откуда-то от самых трюм-рей. Сперва Брэндли решил, что тон звука не меняется. Но он медленно-медленно дошёл до такого низкого, что водяник изумился — как может ветер рычать, словно дракон?

— Мы отправляемся немедленно, — объявил водянику Ба Цзинь. — Такой ветер, мы не можем сомневаться.

Брэндли кивнул — зачарованно и грустно. Он уже двинулся к трапу, но поискал глазами Дзынь. И не увидел бы её, но ведьмучка запела — хрипло, как будто скрипело дерево. Дзынь взобралась до фор-стеньги и висела там, как-то по-звериному зацепившись ногой и рукой, другую руку и ногу отставила в сторону. Брэндли стало страшно, только непонятно — отчего. Дзынь полетит на «Лунной бабочке»…

Водяник отодвинулся, прислонившись спиною к фальной лебёдке. Ему хотелось съёжиться, быть крошечным и незаметным, на какое-то время просто исчезнуть, чтобы всё случилось помимо его воли. Он не виноват, он ничего не решал — просто так вышло.

…Ближе к ночи небо очистилось от облаков, только далеко над скалами висела обширная туча. Сизым брюхом она касалась трёх пиков, и всё это вместе было как чудовищный треножник демонов, под которым вот-вот должен разгореться огонь. Брэндли пожалел, что солнце не садится на востоке — тогда бы оно, оказавшись между тучей и скалами, устроило грандиозную феерию пламени…

Ведьмучка, подкравшись неслышно, пихнула его в бок:

— У тебя на носу сопля! — и расхохоталась. Брэндли дёрнул локтем… ох, нет; конечно, это опять её дурацкая шутка! Третий или четвертый раз за день. Водяник уже почти привык. И даже не злился — у Дзынь была манера вот так шутить наедине. Человековские дети, насколько он их знал, разыгрывают друг друга в компании, чтобы над одним посмеялось побольше народу. Дзынь делала всё наоборот. Это было… странно.

…На рассвете «Лунная бабочка» оказалась по ту сторону гор.

В каюте воздух застоялся. Когда Брэндли вышел на палубу, что-то показалось неправильным, и, как нарочно, водяник глубоко вдохнул… и выпучил глаза от ужаса — подумав, что всё

внутри сейчас разрежут крохотные льдинки! Чудилось, будто воздух превратился в поток острых, как лезвия, льдинок.

«Бабочка» плыла неимоверно высоко.

Водяник никогда не видел, чтобы корабли поднимались в такую высь.

Белые сверкающие гроздья кристаллов — скалы во льду, — остались далеко позади и внизу. Они замерли неподвижно. Они виделись отсюда совсем не такими, как с болот. Там горные хребты были мягкого тёмного цвета — от укрывших подножия лесов, а вершины — угрюмо-мглистые. Здесь — царство контраста, сверкание льда и чёрные трещины до самой сердцевины тьмы. И воздух был таким же.

Водяник в смятении закрыл глаза. Что там, впереди? Дымка облаков и просыпающееся солнце, больше Брэндли не рассмотрел. Так высоко… и так неподвижно. Весь мир — словно громадный хрустальный шар, а в самой серединке на ниточке подвешен корабль со съёжившейся пылинкой — малюсеньким водяником, вцепившимся пальчиками в леер у самой границы бездны… Леер-струна чуть-чуть гудит, звенит, и Брэндли страшно — порвётся в любой миг. Но оторвать от него пальцы и сделать шаг назад — никак.

Палуба стала наклоняться… Темнота.

…Брэндли понял, что его перенесли в каюту. Кто-то сухо шуршал, зажурчала вода — кипяток, понял по звуку водяник. Звякнула чашка. Долгий, умиротворённый вдох. Выдох.

Легче пуха конёк
Сел на ветерок.
Красный сок
По травам тёк.
Стрёкот, цокот,
Острова
Видно
Летят

Что за дурацкие стишки? — подумал Брэндли. Потом голос Аля продолжал что-то декламировать, но слова стали совсем уже непонятные, и водяник успокоился. Наверное, стишков таких и не было, это из бессмысленных звуков в голове сложились несуразные слова.

Распахни окно!
Блеск небес

Даль летит
На тебя
Звон сквозь сон
Проведёт
Нас вдвоём
На Острова

Ему и правда приснился мгновенный сон — будто он смотрит на окно, закрытое шторами. И тут откуда-то вбегает в комнату кто-то, раздёргивает эти занавесы — тяжёлые, золотые, будто налитые мёдом соты… и в комнату врывается свет, и плывут в этом сиянии далёкие, зелёные холмы — всё выше и всё дальше, а над ними, прямо на Брэндли, скользит огромный, пылающий парусами корабль.

Водяник вздрогнул; сильно, как будто пихнули. Сел на постели, вытаращил глаза:

— Что это?!

— Книга Бродяг. — Аль и правда держал в руках книгу. В тёмно-жёлтом, потрескавшемся кожаном переплёте.

— Ты её читал?! — изумился Брэндли. И тут же ахнул про себя — какой же он идиот!

— Я читал её… давно. Сейчас я вспоминал… На самом деле она на чужом языке. Нимо успел мне рассказать из неё немного, но даже из этого я помню только обрывки. Я помню, как звучали эти стихи, но точные слова не даются мне.

Водянику ужасно захотелось выспросить Аля обо всём. Кто такой Нимо? Что это за книга такая? Куда они летят? И самое главное — услышать историю самого ветряного мага! Но он боялся… кто знает, каким-нибудь неловким вопросом не испортит ли он всё?

— А где Дзынь?

— Она ушла. Ночью ушла.

— Как?! — растерялся Брэндли. — Прямо… с корабля ушла? Зачем?

Аль пожал плечами.

— Она ушла, едва горы проплыли под нами. Ба Цзинь так сказал. Она будто увидела что-то внизу. Засмеялась и прыгнула.

— Почему же он её не остановил?

— Зачем? Она же ведьма. Когда хочет — уходит.

Брэндли почувствовал растерянность и обиду. Будто его обманули, бросили. Ведьмучку он почти не знал, но всё-таки она оставалась самым «домашним», самым привычным ему существом на этом чудном корабле далеко-далеко от дома. Заманила меня,

подумал водяник. Я и сам хотел… Но разве я бы решился… без неё на такое.

— А где мы сейчас?

— Сейчас? — Аль сморщил переносицу, потёр пальцем висок. — Думаю, над Дикоречьем. Ветер пахнет сосновыми лесами, озёрной водой, но в нём уже есть струйки с пыльцой из Цветочной долины.

— А вы торгуете пыльцой?

— Это страшная тайна! — нахмурился Аль. Но тут же рассмеялся. — Ну конечно! Самое выгодное и приятное занятие для тех, кто знает дорогу и способен одолеть этот путь. Знаешь, сколько кораблей разбили бури над Костяным хребтом? — Водяник помотал головой. — Не меньше пяти. А теперь думай сам, если их всего десятка три было! Какою бы сказочной прибылью ни манила Пыльца, немногие рискнут кораблём. Но это такое искушение… — Аль закончил шёпотом: — Летать в Цветочную долину!..

* * *

Ведьмучка, щурясь, наблюдала за густыми, волокнистыми струями тумана. Казалось, посередине леса овальным пятном лежит голова седого великана, а его волосы упали на деревья, на поляны; упали и плывут, удлиняясь, распускаясь.

Ночной ветер нёс «Лунную бабочку» осторожно и тихо — так женщина вносит свечку с крохотным огоньком на фитильке в спальню к ребёнку. Ветер дремал — он был околдован картинками из сонных видений Аля.

Ведьмучка вскрикнула несколько раз ночной птицей. Раскинула руки. Засвистела — тихо, протяжно; почувствовала, как ветер встрепенулся в забытьи, тут же ласково хлопнула по нему ладонями — полно, лети спокойно, а то Аль проснётся, встревожится.

Оглянулась, прыгнула — и полетела вниз, в туман.

Под головой косматого туманного великана пряталось лесное озеро с чёрной гладью воды. Ведьмучка падала в него, соскальзывая с упругих лоскутов тумана. В смоляной тьме мелькнули звёзды, потом погасли, небо перевернулось: вот оно было вверху — и вот оно уже внизу, и вот снова вверху. Ух! Ведьмучка уселась на скользкий от тумана и плесени пень-выворотень, переводя дух. Прислушалась: знакомо скрипела старая ракита, жалуясь на обожженный молнией бок.

Долго сидела, скрючившись, маленькая ведьмучка. Щипала

губу, сопела — думала. Ничего не надумала… нет, надумала — что надо совета и помощи просить у Большой Ха.

Большую Ха мало кто знал из неведьм. Старшие из водяных знали, ясное дело. Старый людской король знал, а молодой, скорее всего, даже не слышал о ней. Откуда ему? Старый король обошёл, объехал, облетел всю страну — а новый сидит сиднем. Колдуны когда-то знали Большую Ха — но колдунов давным-давно не видали в Болотных Украинах, никто их тут не замечал со времён Волны. Ведьмучке доводилось читать человековскую сказку о том, что колдуны сгинули, когда все вместе встали против Волны в надежде магией остановить стихию… Как же!

Однажды ведьмучка пересказала легенду Большой Ха, и та ехидно засмеялась.

— Есть такая человековская поговорка: «носить воду решетом».

— Зачем?

— Низачем. Собрать колдунов вместе и заставить их делать одно дело — так же трудно, как вычерпать решетом воду из колодца.

А сейчас белые глаза Большой Ха уставились на ведьмучку. Дзынь говорила о мальчишке, ветряном маге. А Большая Ха молчала и смотрела. Долго-долго. Мало кто знал Большую Ха, но не было никого даже среди ведьм, кто мог спокойно выдержать её взгляд. Кроме Дзынь. Никто не знал, почему ведьмучка не боится Большую Ха. Даже сама Ха.

— Я пойду в человечий город, — сказала ведьмучка.

— Вот как?

— Я хочу найти место, где делают ветряных магов. — Большая Ха промолчала. — Ты почему молчишь?

— Ты странная. — Ведьмучка засмеялась. — Такая же странная, как я… Знаешь, почему мы не ходим к людям в города?

— Там мало тумана и влаги, и много огней, железа; подземные реки далеко и заслонены камнями, а ещё ихние маги убивают нас.

— Правильно. Хотя тех магов, которым это под силу, я не видела давно… очень давно. Но главное, в людских городах много, слишком много еды.

— Человековской еды?

Большая Ха долго и хрипло смеялась. Даже до писка в груди — давно не случалось ей так забавно поговорить.

— Нет. Нашей еды.

Ведьмучка таращилась на неё, и это ещё больше веселило

Большую Ха.

— Моя маленькая, забавная… Как же мне не хочется это говорить… Помнишь, как зимою тебя подобрал человечина на санях? — Ведьмучка молча наклонила голову. — Конечно, я знаю об этом. Любая ведьма хотя бы раз… Расскажи мне, что случилось в трактире?

— Горячая вода… — прошептала Дзынь. — Я никогда не сидела в горячей воде. А он… сделал целый большой чан горячей воды и посадил меня туда. Мне стало так странно… Поплыл туман… пар. Я видела какие-то места. А потом он вынул меня, и он тоже был горячий. Я обхватила его, потому что… Кажется, мне стало холодно, страшно холодно. Я испугалась, мне никогда не было так холодно. А он был горячий. Я грелась, пока не заснула. Потом видела странные сны… Ужасные сны.

Большая Ха кивнула:

— Самое страшное, что ты была не собой.

— Да… Даже мысли были чужими. Я была большущим, неуклюжим человечиной, я вспоминала разные непонятные места и каких-то других человечин, которые были мне противными, но тому, большому человечине они нравились. Потом… я увидела себя — голую и жалкую, как раздавленная лягушка. Мне захотелось ту, другую, оттолкнуть, но тут человечина пересилил меня… Понимаешь?! Я испугалась. Никогда человечина не мог пересилить меня, я же сильнее. И мне стало так жутко, что я потерялась в человечине, и долго-долго его сны мучили меня, я будто куда-то шла… то я думала, что уже стала просто собой, то снова оказывалась человечиной… Потом я нашла омут, замечательный, чёрный омут посреди замёрзшей реки. Я кинулась туда, и только один миг был ужас и холод — а потом я поняла, что всё стало хорошо и по-прежнему. Но я ещё много дней сидела под корнями вяза…

— Ты съела его, — покивала Большая Ха. — Иногда мы съедаем человечину. Ты испугалась, потому что не знала, как это бывает. Взрослого человечину есть не так приятно, потому что в них много дурных памятей. Я знала немало ведьм, которым это нравится — человечина упирается своими памятями и долго не хочет становиться нами. Случалось, мы брали маленьких, у которых уже есть память, но мягкая, светлая, податливая. Они сами хотели стать нами — им интересно. Взрослых, старых человечин плохо съедать — их дурные памяти портят нас. Я знала одну, она сошла с ума от чужих памятей и ушла к человечинам. Она долго мучилась, пока их маг не разорвал её горячим железом.

…Плохо, когда вокруг мало болот и много еды. Мы не можем

удержаться, едим их и жиреем, и сходим с ума. Город опасен. — Большая Ха помолчала. — Но ты всё равно пойдёшь туда, я знаю.

* * *

Случалось, что во сне начинался страх высоты. Или… не знаю, как правильно его назвать. Может быть, страх падения или страх пространства? В какой-то миг я начинал чувствовать, как натянулись нити сил. Этот страх никогда не обнаруживался, пока я летал низко над холмами, кувыркался, скользил над откосами, сияющими от залитой солнцем травы. Но вот я взлетал выше, поднимался над крышами и чувствовал неуверенность. Легкость и беззаботность исчезали, а чтобы подниматься ещё и ещё, я должен был сжимать в себе какие-то пружины, иначе воздух переставал меня держать. Но желание продолжать полёт было сильнее, и крыши или холмы оказывались далеко-далеко внизу… Иногда сил хватало подняться так высоко, что от бесконечности пространств я словно превращался в неудержимый комок энергии, в музыку, заполнявшую весь мир. Случалось, я так и не находил границ и исчезал за пределами.

* * *

Они летели ещё один день и ещё одну ночь, а наутро водяник увидел бескрайнюю равнину, зелёную от трав, белую от тумана, с синими жилками рек. Корабль висел неподвижно — так подумал Брэндли, пока не посмотрел вниз. Впереди и справа была только равнина и небо. А слева на горизонте виднелось что-то непонятное.

Вышел штурман с трубой, стал изучать это самое непонятное — далёкое, протяженное, скрытое дымкой. Брэндли робел в обществе взрослых человеков на корабле, как будто они в любой момент могли опомниться, заругаться: мол, как же так, кто позволил, откуда посторонние детишки на «Бабочке»?!

Штурман был высоченный, в чудном, долгополом сюртуке, на вид таком жестком и блестящем, что Брэндли казалось — если ткнуть в него пальцем, раздастся жестяное звяканье. Лицо человека — тоже длинное, худое, «лошадиное», — заворожило водяника; он пялился, пока из-за ворота сюртука не высунул мордочку крысюк штурмана и не показал ему маленькую фигу.

Брэндли снова всмотрелся в дымчатую полосу… и вздрогнул: ну, конечно же! Это были ещё горы. Они вырастали, почти

отвесные, из зелени равнины, и вздымались на невероятную высоту. Ветер дул прямо оттуда.

Водяник увидел матросов — их сразу стало как-то много на вантах; водяник не разбирался в парусной премудрости, но ясно было, что корабль начинал какой-то маневр, часть парусов убиралась, кто-то отрывисто командовал. «Бабочка» сменила курс. Пойдёт против ветра, понял Брэндли.

Горы вырастали. Брэндли не мог оторвать взгляд от каменной стены впереди. «Бабочка» неслась прямо на неё, боцман сорванным голосом кричал на матросов… Но он же знает, что делает, ошеломлённо уверял себя водяник…

Вдруг «Бабочку» швырнуло ударом ветра, она почти легла на левый борт. Закричали разом несколько голосов, но водяник уже ничего не понимал — бесконечные минуты висел между небом и землёй, не зная, падает он уже или каким-то чудом остаётся на корабле.

«Раззява» прямо по курсу! — холодно сказали почти над самым ухом.

— Я понял. — Чистый, почему-то весёлый голос Аля. И… стало тихо. Тихо-тихо. Точно заложило уши. Водяник сжался, недоумевая, пока не увидел обвисшие паруса — ветер пропал, как будто корабль накрыли стеклянной банкой.

«Бабочка» двигалась по инерции — медленно, величественно, — прямо в узкую щель между скалами.

Скалы по обе стороны разошлись, и Брэндли представился занавес — когда-то, очень давно, ещё совсем маленьким был он на представлении человековского театра. Брэндли плохо запомнил представление, больше — яркие костюмы актёров, их громкие голоса, звон каких-то блестящих инструментов… и занавес. Очень долго маленький водяник считал, что занавес сделан из малахита. Такой зелёный камень лежал у деда на столе, Брэндли касался его пальцами и гадал, как человековские мастера сумели сделать огромную, движущуюся махину…

Долго-долго было очень тихо. И посреди этой тишины вдруг заскрипели «крылья». Водяник перегнулся через леер, чтобы лучше рассмотреть: он знал о такой штуке, но первый раз видел, как корабль выпускает «крылья» — небольшие деревянные лопасти выдвигались из бортов метра на два справа и слева. Их всегда делали только из «летучей» древесины, и кораблей, у которых имелись «крылья», было мало — три или четыре.

«Лунная бабочка» тихо поднималась вверх. Равнины остались далеко внизу, за скалами. Впереди, как в чаше, в кольце неприступных гор лежала потаённая страна, затерянный мир.

Без ветряного мага туда подняться нечего и думать,

сообразил водяник. Холодный воздух с ледяных вершин всегда тёк вниз. Сейчас Аль остановил его движение, но давалось мальчишке это трудно — Аль стоял, вцепившись ладонями в фок-мачту, закрыв глаза и запрокинув лицо. Рот его был открыт, как будто Аль кричал беззвучно.

Водяник, пошатываясь на затёкших ногах, двинулся к нему.

— Эй! — окликнули справа. Наверное, боцман. — Мелкий! Не лезь к мастеру!

Брэндли не послушался. Прижался лицом к локтю Аля — ледяному, в пупырышках.

* * *

…И вот тогда Дзынь впервые поняла, что совершенно не знает, как одеваются человековские дети!

Если бы не Большая Ха, ведьмучка, не задумываясь, шагала бы по городу, пока не разыскала школу ветряных магов. А там уж… И плевать на то, что думают и как смотрят на неё люди. Так ей казалось.

У Города-На-Холме она была до рассвета. Посмотрела на здания, утонувшие в сонном беззвучии… От них тянуло спёртым человечьим теплом… И поняла, что в город ей очень-очень не хочется.

Он был, наверное, красив. Башенки и мостики, высокие стрельчатые окна в деревянных и каменных домах. Сады. Причудливые флюгеры, черепица крыш, разноцветная — Дзынь видела это даже в полусвете конца ночи.

Дзынь всегда считала, что не зависит от людей. Они ей безразличны, она их не боится, не любит и не ненавидит. Иногда изучает или балуется с ними. Дзынь верила в это, пока людей было мало, и они приходили на её территорию — путниками, гостями.

Они мне ничего не могут сделать, подумала Дзынь — и сердито пнула правой ногой левую. Потому что твердила это, как заклинание, уже в двадцатый, наверное, раз. И решила дождаться рассвета, вспомнив, что люди настороженно относятся к темноте, а заодно и к тем, кто не боится ночи.

Утром по дороге прошли самые разные люди. В город и из города. Некоторые обращали на ведьмучку внимание, но чаще её просто не замечали. Сперва Дзынь радовалась этому, потом ей сделалось почему-то неуютно. Кажется, люди считали странную девчонку слишком незначительным явлением. Да к тому же…

— Мам, — сказал маленький мальчик на телеге, въезжавшей

город. — А вон дулочка!

Дзынь обернулась… И ей стало холодно… А потом она с бешенством втиснула кулак в дёрн между коленками. Я тебя высосу, мелкий какашник! — прошипела она беззвучно, отворачиваясь. Большая Ха была права — в городе ведьмучке придётся очень-очень трудно.

…Раньше Дзынь почти не имела дел с детьми. По болотам и в лесу путешествовали взрослые, их она встречала на постоялых дворах и на дорогах, за кострами бородатых охотников украдкой наблюдала из тьмы подлеска. И считала, что дети — такие же точно человечины, только вертлявые и мелкие.

— Эй, ты! — ухватила она за рукав конопатого пацана, раза в два её шире. — Где тут у вас одёжой торгуют?

Пацан раскрыл в изумлении рот — Дзынь аж захотелось пальцем ширнуть: вдруг оттуда, как из дупла, птица какая выпорхнет!

— Во! — выдохнул он. — Ты откуда такая взялась, кикимора?

Ведьмучка другой рукой защемила ему шею, подтянув лохматую голову поближе к себе.

— Не ёрзай. Отвечай тихо, о чём спрошено, и скачи себе.

Парень перепугался, вспотел. Ещё бы — такая хилая на вид мелюзговина…

…— Нет у нас никакой школы ветряных магов, это легенда. Ну, подумай же, девочка, зачем устраивать школу, если всего-то кораблей три десятка, и на каждом из них давным-давно есть свой мастер ветров?

— Но где-то же их учат!

— Если кто и учит, то каждый маг своего ученика сам. Да и то, не слышал я, чтоб детишек в маги брали… Девочка, ты про летучки-то знаешь? Доски такие особенные. А делают их из заморских деревьев, и детишки, пока не подрастут и не отяжелеют, прыгают с ними — про наш карнавал Августа ты тоже не слыхала? Откуда ж ты заявилась, такая… В день карнавала детишки всей толпой идут соревноваться на мосты. Как будто даже поверье у них есть, что лучших прыгунов на корабли летучие берут. Только сказки всё это. Я помню, как лет пять назад Мурзук Брюходав, купивший у наследников старого Робита обломки «Голубой Ящерицы», и вправду заявился на конкурс и присматривал там себе способного ветряника. Да так и ушёл ни с чем…

— Почему ни с чем?

— Да потому что, детка, всё это полная ерунда — насчёт детишек-магов, вот что я тебе скажу! Наука управления ветрами

слишком сложна для малолетнего шалопая. Мурзук потом нашёл мага настоящего; из тех, что учились не один десяток лет, да не в школах — забудь ты эту чепуху!

* * *

Не знаю, спал я этой ночью? То казалось — лежу, и в комнату дышит чуть прохладный, душистый ночной воздух, просеянный через сито лунных лучей. Но вот лучи вздрагивают, а с ними вздрагивает всё пространство, и я начинаю падать. Падаю… А потом снова оказываюсь на своей постели. И вдруг чудится, словно кровать — не моя. И комната… Всё очень похоже, но совсем другое. А как я тут очутился? — начинаю вспоминать. И вспоминается многое.

Будто убегал из дому, зажав летучку локтем, и через пару мгновений я уже на мостике, «Осеннем». Лунные лучи делали летучку почти живой — от неё к серебристому диску в вышине тянулись тугие нити. Нити дрожали, дрожала доска, а ещё — она чуть светилась. Светилось таинственное клеймо — теперь оно было другим, и нельзя понять, отчего это я решил, будто печать на пергаменте чудного чужака и на моей летучке — одинаковые? Сейчас… кажется, это была корона — три тонких луча, будто мечи…

На мостике я останавливался, вытягивал перед собой руки и отпускал летучку. Она повисала в воздухе, чуть покачиваясь. Я взбирался на перила, потом осторожно ставил одну ногу на летучку, замирал так… Наверное, я даже не боялся — скорее, хотел растянуть мгновения, когда ещё не знаешь: неужели всё взаправду случилось?!

Потом я вставал на летучку обеими ногами. Сердце холодело — летучка теперь не упадёт, но сумею ли устоять на ней я?

Но я не падал. Что-то изменялось — во мне или в окружающем. Если говорить словами из учебника — исчезал мой вес, инерция.

Ночной полёт над Городом — это совсем другое. Днём меня уносил ветер, я опирался на тугие тёплые или холодные течения; так, наверное, делают и птицы. А ночью меня поднимали и тянули лунные лучи.

Я думаю, если бы расслабился, забылся, улёгшись грудью на летучку, то не упал бы, а поднимался выше и выше, пока луна не слизнула бы, как искорку-пылинку. Несколько раз я закрывал глаза — и всегда оказывалось, что Город ушёл вниз. Чтобы опуститься, приходилось цепляться взглядом — за башни

Мастеров или за огоньки в Дозорной каланче. Если забудусь, и Город растает внизу, опуститься уже не получится, подумалось. Но почему-то я не испугался. То есть страх был, только какой-то ненастоящий, отстранённый.

Потом я летал совсем низко, над мостовыми; мелькали надо мной тёмные пятна окон, мостики, своды аркад, ветви древних деревьев. Светилось одно окно в ратуше, и я нахально заглянул туда — тучный краснолицый человек перекладывал какие-то листки, что-то записывал в книгу. Вдруг он поднял лицо… и я обмер. Я решил, что он видит! А самое ужасное — я был совершенно голый!

Секунда, две — и я нёсся в небесную черноту. Отдышавшись, стал вспоминать, зачем и когда снял одежду. Может быть, решил искупаться в крошечном пруду у фонтана, посреди красивого сада? Или хотел лучше чувствовать ветер и луну?

Хуже то, что я не помнил, где оставил одежду. Бабушка станет расспрашивать, но это ладно. А вот если мои шорты и рубашку в самом деле обнаружат в саду у господина городского судьи… Между прочим, Инья, его дочь, учится со мной в одном классе, она вполне могла их запомнить. Правда, Инья совсем не вредная, но всё же…

Я решил слетать и проверить.

Теперь я не стоял на доске, но вцепился в неё пальцами, вытянул ладони вперёд, превратившись в стрелу — и воздух засвистел, а лунные лучи, точно жёсткие травинки, щекотали и кололи мне кожу.

Почти у самой цели меня накрыл страх — что, если Инья тоже не спит? Она выйдет зачем-нибудь в сад… Ну и пускай, озорно подумал я. Нефиг бродить по ночам! А то и не такое можно увидеть.

Но до пруда я так и не долетел. Вспомнил о старом Мастере, о странном разговоре в его саду, о Нимо…

Я, конечно, знал, что ночью всё выглядит иначе. Можно не угадать полузнакомую улицу или дом. Но не найти башню Тогородора!

Их четыре, башни Мастеров. Две стоят пустые, третья принадлежит Мастеру Воды. Четвёртая, башня Мастера Тогородора, была самой высокой.

Но это днём. Сейчас все башни казались одинаковыми. Я растерялся, но только на пару секунд. Опустившись у самой ближней, сразу понял, что это не она. В крошечном дворике царило запустение…

Как здорово, подумал я, что можно прилетать сюда, если захочется побыть одному или поиграть в магов, в заброшенный

замок. А ещё… если бы у меня был друг, такой, от которого не бывает тайн, с которым интересно всегда! Мы бы придумали такое!..

Снова вспомнился Нимо. Впрочем, зачем я ему? Он, наверное, внук самого Высшего Мастера. Или… ученик. Таких, как он, запросто пропускают к королю.

Как он открывал тогда калитку в стене! Я вспомнил! Не было в том месте никакой калитки, то есть она была, только рядом, а Нимо почему-то прошёл по траве мимо. И стена расступилась перед ним. А у меня в те минуты вид, наверное, был одурелый.

…Но что за чертовщина! Я облетел уже четыре башни, и ни одна из них не была той самой. Сами башни похожи, вот только ни сад, ни пруд, у которого днём я увидел Мастера, не находились. Всё оказалось брошенным, другим.

Позже я долго бродил без цели, перелетал через ограды или чересчур длинные дома. Ощущение пустоты высосало силы, не хотелось ни скользить над улочками, ни подниматься в высоту. Даже то, что на мне не было одежды, казалось скорее забавным — если кто-нибудь увидит, пусть думает что угодно, почему я должен бояться?

Проснувшись, я, конечно, не понимал, что было взаправду. Летучка лежала на стуле, я мог дотянуться рукой. Под солнечным лучом блеснула на ней тонюсенькая паутинка — и вспомнилось свечение клейма-короны. Одежда моя была на месте, но всё равно я верил, что половину ночи провёл, летая и бродяжничая.

* * *

Брэндли думал, что Долина Цветов — это такое огромное поле, всё покрытое цветами. По полю бесконечной цепочкой идут девушки и собирают лепестки цветов. Красные бутоны — в красные мешочки, синие — в синие, жёлтые — в жёлтые. У каждой девушки к поясу привязано несколько таких мешочков, и, сорвав цветок, она сравнивает его с цветом мешка — ведь у каждого цвета бывает множество оттенков.

Когда мешочек наполняется, девушка свистит в дудочку, которая висит у неё на шее на цепочке, и тут же с края поля несётся мальчишка. Он должен быстро — пока лепестки не испортились, — доставить их в сушильню. Там из цветов струями горячего воздуха удаляется влага. Другие лепестки, наоборот, закладывают в прессы давилен и сразу выжимают сок. Иногда сок высушивают, а иногда — оставляют дозревать в чанах. В

некоторые чаны добавляют специальные порошки, щелочи или кислоты, чтобы улучшить или изменить цвет. Иные варят, а некоторые цветочные порошки ещё и прожаривают на противнях в печи. Чего только не делают в Долине Цветов с нежными лепестками…

Так было написано в увлекательных книгах о путешествиях в библиотеке отца, Сидоруса Водохлёба.

Долина Цветов казалась накрытой туманом. Или это были облака?.. Когда «Лунная бабочка» коснулась плоской вершины небольшого холма, Брэндли понял, что с земли туман не выглядит плотным — только в распадках над самой травой протянулись кое-где белые, густые, как молочный кисель, клочки. Холмы и низина пестрели цветами — самыми разными, — но водянику представлялось, что цветов должно быть ещё больше. Трава зеленела ярче — свежая, чистая, она как будто торопилась вырасти после обильного дождя. Там, где дымка над долиной рассеивалась, солнце прорывалось всей силой, изумрудное сияние трав прямо слепило. А ещё — водяник тихо ахнул, — там и тут висели кусочки радуг — побольше и совсем крохотные. Отовсюду доносилось журчание: ручьи, множество ручьёв — одни стекали с гор, другие пробивались из-под земли. Порой сила воды оказывалась такою, что родники превращались в фонтанчики.

Тоненькая черноволосая девочка и старичок — крохотный, просто карлик, — оказались единственными, кто пришёл встретить корабль.

— Пойдёшь со мной или останешься? — окликнул Аль.

— А куда? А где цветы?

— Цветочные поля там, за теми холмами, — махнула рукой девчонка. Старичок рассеянно улыбался и будто бы витал мыслями в своём далёком мире, а девочка то и дело останавливала взгляд на водянике — видно, ей ужасно хотелось понять, что это за странный гость такой?..

Из-за холма вырвалась стайка ласточек — стремительных чёрных птиц. Они словно ждали ветра; а может, прилетели с ним или принесли — внезапный, пахнущий снегом и чем-то глубоким и тайным. Одна, похожая на тёмную звезду, птица едва не задела волосы Аля; он вскинул руку, и тогда ласточка мгновенно развернулась; водянику почудилось, будто ей не пришлось даже описывать в воздухе дугу: она ударилась обо что-то невидимое и, возвращаясь, снова молнией пронеслась над пальцами мальчика.

— Аль, — прошептал Брэндли. — Это ласточки. Ты же их помнишь?

* * *

Как шёл к башне, я не запомнил. Не знал, который был час, и не обратил внимания, встречались люди на пути к вершине Холма или нет. Я взял с собой летучку, но если бы меня спросили, поверил ли я в то, что загадочный слуга Мастера больше не станет предъявлять права на неё — я бы только пожал плечами.

Если говорить правду — самая тайная, самая волнующая мысль была о Нимо.

Наверное, у Нимо есть своя летучка — мне трудно поверить, что высший Мастер не достал бы для него летучку. Но в голове сами собой придумывались всякие ситуации — например, Нимо почему-то не может сам летать. Может быть, он боится высоты? Так ведь бывает, и ничего ужасного, нужно только, чтобы рядом оказался тот, кто не будет насмешничать и упрекать, а просто покажет, как это здорово — летать! Если нужно, я приделаю к летучке верёвочную страховку, как и положено, вообще-то, по правилам, чтобы случайно не выпустить летучку из рук. Мы уйдём далеко на косогоры, где никто не видит, и будем вместе сбегать с поросших мягкою травою склонов. А потом… Нимо однажды оторвётся от земли, и глаза у него будут счастливые-счастливые. Горячий ветер поднимет нас, и мы полетим рядом… а потом возьмёмся за руки — я ведь могу летать, держась за летучку одной рукой!

А может быть, Нимо не отпускают летать одного далеко? Если я покажу, как замечательно умею управлять летучкой, старый Мастер отпустит нас в дальний поход на несколько суток вдвоём. Мы соберём рюкзак и будем лететь, пока солнце не сядет, а едва оно коснётся горизонта, поднимемся ещё выше и увидим, как оно раскрасит облака. Потом отыщем уютное местечко и устроимся на ночь в какой-нибудь пещере в горах или на берегу ночного озера. Хорошо бы полетать и ночью, и ещё — встретить рассвет; но это случится в другую ночь, потому что сначала мы устанем с непривычки…

Потом я подумал, что у Нимо может оказаться обычная летучка, не такая, как у меня. Ведь я ни разу не слышал, чтобы где-нибудь существовали летучки, с которыми можно делать такие удивительные вещи…

И тут я замер. Простая и очень неприятная догадка ударила, словно камень, упавший с мостика. Моя летучка — она на самом деле принадлежит Нимо. И её дали зачем-то мне. Но почему?! На вид Нимо никак не старше и не тяжелее меня, он запросто мог бы

летать ещё года два наверняка. Может, так случилось, что Нимо потерял летучку или её у него украли, а теперь её нужно вернуть, но Мастер и Нимо не хотят меня огорчать и пытаются сделать это деликатно?

На миг захотелось заплакать, когда представил, что летучки у меня не будет. А если ещё окажется, что Нимо и Мастеру я совсем не нужен… Верну летучку, они поблагодарят, даже подарят что-нибудь в утешение — пусть даже другую, но самую обычную доску-летучку… И всё. Сказка кончится. Летать по-настоящему я уже не смогу. Останется — сбегать с холма или прыгать с мостиков и обрывов вот так, по-дурацки, как все эти нахальные, глупые пацаны, которым самое главное — повыделываться; показать, что они круче других.

Я ещё могу передумать, уйти. Никто не говорил, даже не намекал, что летучку надо отдавать. Просто унести её и спрятать, пока не выясню наверняка, зачем я понадобился Мастеру.

Но теперь я уже стоял у калитки сада, надо мной протянулась тень башни, и я знал, что не поверну назад. Несколько секунд я, задрав голову, смотрел на башню, словно пытался угадать, что там творится внутри. На самом деле, я не помню, о чём думал эти мгновения.

Калитка отворилась. Меня ждал Нимо.

Да, точно. Тогда я ещё не понял, а теперь знаю — он как-то угадал, что я приду, и ждал.

— Аль? — спросил он очень тихо, почти шепотом. — Ты… входи.

Взгляд у него был каким-то странно сосредоточенным. Словно он хотел увидеть во мне что-то очень важное, но боялся оказаться невежливым, и поэтому отводил глаза — и снова…

А на летучку он даже не взглянул. Будто не заметил даже.

Я переступил порог и увидел мёртвую ласточку.

Она лежала у самого края дорожки на ярко-зелёной траве. Мне вдруг стало так страшно, что я вздрогнул — словно прислонился к ледяной стене.

Эта ласточка… она была… я на миг представил мальчишку с летучкой, который почему-то упал.

— Что с тобой? — напряжённо и звонко спросил Нимо. И протянул руку, но не коснулся меня — пальцы замерли, хотя я почувствовал даже их тепло.

— Тут… — Я охрип. — Ты не видишь?

Нимо покачал головой.

— Почти ничего не вижу. Это всё лебеа. У нас кончился порошок стэнции, а без него…

— Стэнции? Это лекарство? Тебе нужно достать лекарство?

Разве Мастер не знает? Давай, я сбегаю… слетаю… А если Мастер напишет записку, что от него — будет, наверное, ещё лучше?

— Аль, ничего… Лебеа — не болезнь. Я привык — это уже много лет. Много-много лет. Стэнции нет здесь… нигде. Мы искали.

— А что это, Нимо? Это…

— Это такие цветы. Они не растут по эту сторону Океана.

Тишина сделалась страшной.

— Мальчики! — окликнул Мастер. Он стоял на пороге башни. — Вы оба тут? Что-то случилось?

* * *

— Нинье… Ну, то есть Мастер… Он не полностью слепой. Он просто плохо видит.

— От старости, — ласково и всё-таки как будто чуть встревоженно засмеялся Мастер.

— Не от старости, — строго сказал Нимо. — Не надо Алю говорить неправду. Ты же испытывал на себе заменители стэнции и ещё всякую сомнительную магию вдобавок. Из-за чего у тебя испортилось зрение, теперь даже Троготт наверняка не скажет.

Старик опустил голову. Нимо коснулся меня — и тут же отдёрнул ладонь.

— Аль… Ты должен сразу узнать. Невыносимо будет потом… и сейчас… обманывать тебя.

— Что ты оттуда? Из-за Океана? Вы прилетели тогда, на кораблях, да? Я догадался…

— Не только это, Аль… Это даже не главное, не важное.

Он замолчал. Сжал губы, отчего лицо стало такое… я бы решил, что забавное, если б не всё это. Он был такой… странный. А глаза — серые, большие, такие живые, я бы ни за что не поверил… Он закусил губу, и я отвёл взгляд — всё-таки нехорошо так пристально разглядывать человека, если он тебя не видит.

— Я последний ветряной маг, Аль. Из тех, что прилетели с Волной. Последний настоящий.

— А другие? Те, что сейчас летают на кораблях?

— Они взрослые. Взрослые не могут так чувствовать воздух, не могут говорить с ним. Они всего лишь управляют примитивными приборами и амулетами с накопленной силой. Они, по правде, вовсе даже не маги.

— Но это же… что плохого, Нимо?

— Ветряной маг должен летать и сам, Аль. И он должен оставаться ребёнком. Всегда. Поэтому там, у нас, на Островах,

тот, кто… оказался ветряным магом, может принять Букет Лебеа — это такой сложный состав из трав, минералов… Но девочкам и взрослым, даже если они маги, его пить нельзя — они умирают. А мальчики… перестают взрослеть. Только у Лебеа есть ещё одно плохое свойство — от него постепенно пропадает зрение. И Лебеа нужно выпить только один раз, а стэнцию — траву-противоядие, для того, чтобы глаза продолжали видеть, — надо принимать каждый месяц. — Он прерывисто вздохнул. — У меня был большой запас. Хватило на семь лет. А потом…

— Нимо…

— Я теперь даже не помню, когда я родился, Аль. Я нарочно не считаю время, чтобы… Потому что я никогда не чувствовал себя взрослым. Мне кажется, время застыло и превратилось для меня в один бесконечный день… или теперь ночь. Я никогда не понимал взрослых и почти не участвовал в их делах и разговорах. Только ветер, и небо, и корабли, и ещё вот Нинье… Он с другого корабля, он спасся, потому что ветер его подхватил и не дал разбиться. Но он не пил Лебеа…

— Это был один из первых моих полётов, — грустно улыбнулся Нинье. — Как у вас говорят — практика… Нимо, я хочу признаться тебе хоть теперь…

— Что?! — Нимо вскинулся, изогнув брови. — Что? Ты…

— Я пробовал… Чуть-чуть. Но было уже поздно. Прошло четыре года после Волны, когда я понял, что должен решиться. Это было жутко… страшнее, чем риск… умереть от Лебеа. Помнишь ту ночь — ты думал, у меня лихорадка?.. Потом я сказал себе, что, может, всё к лучшему — как бы мы жили тут? А теперь я стал Мастером Тогородором, и…

Нимо наклонился, спрятав лицо в ладонях.

— Нимо…

— Уйдите! Дайте, я хоть пореву…

Мастер виновато отвернулся, отступил. А я… я не мог. Всё слишком быстро и сильно менялось, и минуту назад я не знал, кто такой Нимо — мальчик или… непонятно кто. Но сейчас… Я тронул короткий рукав его рубашки… странно, именно сейчас почему-то заметил, какая она необычная — я не видел у наших ребят ничего похожего.

Нимо поднял лицо. Клянусь, я понял: на какой-то миг что-то случилось у него с глазами — он увидел меня! Он округлил рот, и словно хотел вскрикнуть, и схватил меня за плечи… и глаза у него стали большущие, как…

А потом волшебство исчезло.

Он выдохнул и приложил ладони к глазам. И улыбнулся.

— Вот ты какой… Я… запомню. — А потом добавил: —

Значит, ещё можно…

У меня тогда первый раз мелькнула эта сумасшедшая мысль…

* * *

— Считается, Островов за Океаном больше нет. Теперь про это сочиняют легенды, даже наши, кое-кто… будто боги уничтожили Золотых магов за их эксперименты с подземным огнём. Я в это не верю, я вообще не очень-то верю во всяких богов, которым молятся… Это у нас наследственное. — Нимо улыбнулся.

— Что?

— А, ну это… не верить священникам.

— А твои родители? Они… остались… ты не знаешь, что с ними?

Нимо закрыл глаза.

— Я… их не знаю.

— Но ты же говорил, что… Прости…

— Я тебе расскажу… потом. Чуть позже.

— Ладно. А ваши корабли… Никто не пробовал вернуться?

* * *

Они вошли в маленький домик на берегу ручья, текущего меж холмов. Сильно запахло яблоневым деревом. Финетта открыла дверцу высокого и узкого шкафа, похожего на башенку или напольные часы. А за нею оказалось множество совсем уже крохотных дверок; в лицо водянику пахнуло прохладой, как будто из шкафа сочился сквозняк. Финетта, встав на цыпочки, достала из самого верхнего отделения мешочек.

— Это золотая, — и подала Алю. Достала второй. — Синяя. В этом году — необыкновенной глубины. Даже дед удивился, правда, де?

Старик тихонько засмеялся. Улыбнулся и Аль, погладил мешочки ладонью, передал Брэндли. Водяник, обмирая, принял сокровище. Мешочек обычной пыльцы из Долины стоит огромных денег. А эта…

— Аль, — сказала Финетта. — И ещё… возьми.

Откуда-то — Брэндли даже не уловил, в какой миг, — на её ладошке появился маленький мешочек, этакая ладанка на

шнурке. Аль протянул обе ладони — они чуть заметно дрожали.

— Она… — Мальчик облизнул губы. — Белая?

— Ага.

— Финетта… — Она приложила пальцы к его губам.

* * *

Дзынь знала — за нею следят. Знала вчера, знала позавчера. Но позавчера ей не было дела до чьих-то глупостей (а разве не глупость — следить за ведьмучкой?)..

Позавчера Дзынь ещё пыталась следовать первой идее — разыскать место, где из мальчиков делают странных существ, управляющих ветром. А мальчики при этом становятся слепыми. Её не удивляло, что такое место окружено плотной завесой тайны, — но не бывает таких тайн, которые человечины могли бы уберечь от ведьм, если те возьмутся за дело всерьёз. Мудрые человечины это знают и не станут зря кочевряжиться. А для дураков у ведьм есть много ключиков…

Вчера вечером она отыскала человека, к которому сходились все самые важные, невидимые и тонкие нити власти в Городе-на-Холме. Человек этот жил в небольшом доме поблизости от ратуши, был не старым и не молодым, лицо носил неизменно спокойное и благообразное, улыбался встречным детишкам, рассыпая тоненькие стрелочки морщин вокруг внимательных глаз. Ух, и глаза у него! Ведьмучке они нравились, и она же испуганно отвела взгляд, опасаясь, что не удержится, застрянет в них подольше, а тогда выбор простой — или убраться подобру-поздорову из Города несолоно хлебавши, или выпить эту человечину немедленно, сразу.

Следить за главным человеком оказалось интересно. В городе всё необычно — тут легко спрятаться, но легко и попасться. Ведь каждый миг из-за угла выныривает какая-нибудь очередная неожиданная человечина, в тёмных с виду оконцах поблёскивают глазцы бдительных старушек и любопытных детей. Открываются и закрываются двери. И происходит ещё куча разных неожиданностей, которых в Болотах и даже в лесу, как казалось ведьмучке, гораздо меньше.

Предугадать всё это было невозможно. Не стоило даже тратить на это время, и Дзынь просто представила себя маленьким юрким зверьком в чужом лесу, чьи единственные защитники — быстрота и незаметность. Дзынь скользила по улицам из тени в тень; встретив чей-нибудь удивлённый взгляд, застывала неподвижно, пока любопытная человечина протопает

мимо. Прохожие очень скоро забывали, что же привлекало их внимание, а Дзынь забывала о них ещё быстрее.

Интерес к «главному человеку» у Дзынь появился неожиданно — человек этот попадался на глаза ведьмучке и прежде, но по-настоящему она зацепилась за него на площади перед ратушей, поджидая там хоть кого-нибудь «важного», значительного. Человек вышел из своего домика с корзиной, накрытой белой холстиной. Вопли и беготня ребятни, катавшейся на «колёсиках»[1] затихли. Многие, особенно младшие, побросали дощечки и подбежали к человечине. Тот молча поставил корзину на мостовую, повернулся и ушёл, захватив холстину с собой. Детишки, как стайка разноцветных птиц, набросились на корзину, расхватывая из неё какие-то штуковины, — и тут же принимались жевать. На мордочках всех участников странного пиршества Дзынь видела такое наслаждение, что немедленно подошла к одной девчушке.

У девчушки в розовом сарафанчике в каждой руке было по пирожному. Заметив Дзынь, она протянула одно ведьмучке. Дзынь удивилась — наблюдая за человековскими детьми, она привыкла, что те не очень-то любят расставаться с добычей, будь то игрушка или лакомство.

— Я не хочу есть, — сказала Дзынь.

— Ты — приезжая! — уверенно заявила девчушка. И откусила от пирожного из другой руки. — Ужасно вкусно!

— Зря, — сказали сзади. Это был мальчик, постарше девчушки раза в два. — Никто не знает, когда Слон снова испортит столько.

Дзынь поняла, что мальчик — брат.

— Это — испорченные пирожные?

— Ага, — кивнул мальчик. — Но это Слон так говорит. Он говорит, что они немного слаще, или немного суше, или орехи чуть горчат. Но все знают, что ни в одной кондитерской ни за какие деньги не купишь таких обалденных сладостей, как те, что раздаёт Слон, если ему взбредёт в голову, будто они получились неудачными.

Дзынь покачала головой — действительно, удивительно.

— А кто он вообще такой, этот Слон?

— Аптекарь и кондитер городской управы. Он делает свои порошки и сладости только тем, кому захочет.

Ведьмучке стало интересно…

Она принялась следить за домом Слона. И примерно тогда же всерьёз обратила внимание на то, что за нею тоже наблюдают.

Это было… захватывающе. Никто никогда не играл с ведьмучкой в такую игру. Пожалуй, Дзынь была не прочь

растянуть её надольше, и тут желание поиграть сталкивалось с желанием разгадать тайну Аля. Если Дзынь выведает, почему ветряной маг перестал видеть, наверное, найдётся способ вернуть ему зрение. Любой колдун понимает, что самый правильный и надёжный способ отменить какое-либо действие — это проследить всю цепочку; от самого начала, первого толчка, ставшего причиной.

Дзынь могла бы спросить у Аля — но не хотела, чтобы он догадался о планах ведьмучки. Аль умный. Обмануть его будет непросто. Но был ещё один способ узнать всё, самый легкий, самый надежный, самый… Думая об этом, ведьмучка начинала дрожать, и горячие волны пробегали по телу, а потом горло пересыхало. В такие минуты она могла с собой не справиться. Нужно было не поднимать глаз. Но и не зажмуриваться — это тоже опасно, потому что можно соскользнуть в то место, которое нечаянно представишь. Особенно, если рядом окажется ручей или колодец… или даже подземная река.

— Господин С… Одоринус!

— Да? — Голос Слона. Удивительно тихий, и при этом — чистый, словно он поёт шёпотом.

— Вы можете посмотреть, что с моим Топиком? Со вчерашнего дня не ест ничего и лежит… — Этот голос — девчоночий. Дзынь слушала, распластавшись на крыше; потом Слон-Одоринус и девчонка с пёсиком на руках вошли в дом, а ведьмучка через форточку перебралась в соседнюю комнату, несколько секунд сосредоточенно искала способ не только подслушать, но и подсмотреть; наконец шмыгнула на чердак и пальцами, впиваясь в доски, как в глину, чуть-чуть раздвинула потолок в углу. Щель получилась совсем крохотная, всего лишь маленькому паучку пролезть…

В комнате был полумрак. Дзынь подумала, что светлее здесь не бывает вообще никогда. Тяжёлые занавески оставались полураздвинуты, но свет, проникавший сквозь стекло окна, казался каким-то мутным, словно преодолевшим плотный дымовой полог.

— Положи его в этот ящик, — велел Одоринус. Девчонкин пёсик недовольно тявкнул. — Становись сюда, к стене.

Вместо того, чтобы лечить собаку, Одоринус занялся девочкой. Он взял её запястье и кончиками пальцев легко провёл от ладони к локтю. Потом так же нежно, едва касаясь, тронул шею — там, где билась едва заметно артерия. И быстро, даже мгновенно наклонился…

Ведьмучка задохнулась от удивления — такой быстроты она не ожидала, не могла объяснить и не могла простить. Дзынь

смотрела во все глаза, ей хотелось перепрыгнуть в другой угол, чтобы лучше разглядеть, понять, что происходит, — и чувствовала, что именно в тот момент, когда она прыгнет, Одоринус совершит самое важное…

Он выпрямился. Махнул рукой, словно вытирая губы. Дзынь впилась взглядом в девчонку — конечно, Одоринус не мог быть вампиром, но ведь что-то же он сотворил сейчас?

Глаза девочки ещё больше удивили Дзынь — казалось, она видит нечто недоступное, далёкое, светлое, как сон. Или… вспомнила о чём-то, таком волшебном и приятном, и теперь стоит, заворожённая, оцепеневшая…

Одоринус отвёл девочку к дивану и легонько толкнул, чтобы она села. Потом… Дзынь почудилось, он достал из рукава какой-то сверкающий камень. Открыл шкафчик в стене и спрятал камень в шкатулку. Потом занялся пёсиком.

…-Ничего страшного, вот это нужно добавлять в еду или в питьё два раза в день по десять капель. Уже завтра он будет бегать, как ни в чём не бывало, но капли давай, пока не кончатся, чтобы выздоровление было полным.

— Спасибо, господин Одоринус! До свидания!

На залитой солнцем улице девчонка сделалась совсем обычной — казалось, она не помнит ничего из того, что очаровало её несколько минут назад.

Одоринус… Он смотрел ей вслед… То есть со стороны это так казалось. На самом деле Одоринус уже забыл про девчонку. С ним что-то происходило — для ведьмучки это представлялось так, как будто Одоринус изнутри превращался в другого человека.

И, забыв об осторожности, Дзынь забежала вперёд и заглянула ему в глаза.

* * *

— Входи, Троготт.

— Я не один…

— Слышу, слышу… Садись, девчушка, или, если хочешь, стой, как тебе больше нравится… Маленькая ведьмочка, так ведь? Как славно…

— Чего вам тут «славного»? Думаете, мозги мне закрутите? Вот щас выпью тебя, хрыч старый, и выплюну! Чего вы тута с детьми творите?

Старик беззвучно затрясся от смеха.

— Троготт, дорогой мой, какое чудо! Девчушка, подойди,

прошу тебя! Выпей меня…

Дзынь, зеленея от бешенства, встала перед стариком, и…

— Ты слепой, что ли?! Чёртова берлога…

— Да не злись ты так, милое дитя! Скажи, что тебе нужно — неужели же тайну лебеа? Или ты решила, будто Троготт делает с детьми что-то дурное?

— Мне плевать на ваши тайны… Аля вы ослепили?

— Он. — Старик вытянул длинный, костлявый палец в сторону Троготта-Одоринуса. — Выпей его, деточка, уничтожь поскорее, ибо надоел он мне, оборотень несчастный, почти так же, как сам я себе…

— Кто-то из вас врёт… — прошипела ведьмучка. — Вроде есть враньё, вроде нету… Зачем играетесь, Большую Ха позову — худо вам будет!

— Смех у нас, ведьмочка, милая, смех сквозь слёзы… Потому как плакать мы устали; давно устали, тебя тогда на свете не было… Так что не лжём мы, но говорить по делу разве возможно, когда ты так ненавистью пыхаешь? И тайн у нас страшных нет, хоть и не показываем мы всем нарочно, кто мы есть…

— Вы — Бродяги?! Из-за Океана?

— Из-за Океана, да. Только бродяжили не мы, другие, я их и след потерял. Давно уже…

— Аля зачем искалечили?

— Госпожа ведьма, поверь — чем хочешь, поклянусь; что пожелаешь, сделаю, чтоб поверила, — его это был выбор, осознанный и нелёгкий, но ни я, ни Троготт подталкивать в том его не смели. Нет у нас другого пути к Островам… и поздно, слишком поздно мы это поняли.

— Ты… Ты мне это про чего говоришь? Что, Аль вроде как тоже ваш?!

— Наполовину. Он не от наших женщин… Мы ведь пробовали вернуться… но оказалось, что не хватает сил… Из тех, кто способен противостоять Великому Западному ветру, с нами остался только Нимо. Но нужен был ещё один — Нимо не выстоит много суток подряд. А из местных детей силу Лебеа не смог принять никто…

Часть 2. Нимо

Я никому не говорил об этом.

В них не было ничего запретного. Просто — я не говорил.

Сны были тем длиннее и тем ярче, чем меньше времени я мог видеть наяву. Лебеа была не только убийцей, но то, что она отняла и что дала взамен — наверное, трудно, очень трудно сравнивать.

Из наших в Городе-на-Холме только я принимал Лебеа, поэтому рассказать мне об этом никто ничего не мог. В книгах, что я читал когда-то в храмах Алуэ и Эльвэ, тоже мало писали о Затмении Лебеа. О нём вообще неохотно говорили — словно это было неприлично или слишком тяжко.

Пока яд Лебеа не вошёл в мою кровь, я не любил спать вообще. Сны снились часто — яркие, интересные, длинные. Но спать я ложился как можно позже, а просыпался рано, чувствуя себя отдохнувшим и свежим. Мне всегда казалось странным, что другие дети с трудом поднимаются по утрам, а в выходной валяются в постели чуть ли не до полудня!

Сперва я считал изменение следствием усталости — приходилось учиться управлять ветром, чувствовать движение корабля (а это труднее, чем говорить с ветром); следить за тем, что захочется ветру в следующую минуту и помнить обо всём, что творится вокруг — насколько далеко земля, и как она прогрета, и нет ли за вон тем холмом какого-нибудь шалопутного вихорька, который выскочит внезапно, вздумав поиграть с моим ветром. А ещё были грозы… Самое дивное и невероятное — такое, что если забыться и наплевать на то, что ты всё-таки хочешь оставаться человеком, — можно улететь и не вернуться. Люди скажут, что Нимо сошёл с ума. А те, кто знают, прошепчут: он ушёл в грозу… И будет в этих словах странное соединение томления и восторга, боли и радости, печали и какого-то непонятного никому ожидания…

Потом, когда полёты в качестве ветряного мага стали для меня привычными, я смирился и с тем, что спать приходится больше. Иногда даже днём — что прежде было невозможным и невероятным! Свенни, мой когдатошний приятель, которому стукнуло уже пятнадцать, сказал по этому поводу:

— Организм у тебя хоть и остался в основном дитячий, а, наверно, какие-нибудь процессы неодинаково затормозились…

В тот момент я отмахнулся от его рассуждений. Был уверен, что Лебеа просто оставила меня в одном возрасте, а все домыслы

происходят от страха перед неведомым, от зависти либо от глупости.

Они мало что знали обо мне. Это моё право — я мог молчать, сколько хотел. Даже Инэль не рассказал сразу. Мне вообще можно было… почти всё, что угодно. В те годы Острова жили предчувствием больших перемен, свершений. Откуда это пошло, сказать не могу, но и самый распоследний угольщик ходил по улицам, многозначительно задрав подбородок, как будто именно его Небеса посвятили в главнейшую из тайн…

Мы, ветряные маги, никому не подвластны. Так уж получалось, что ограничивать нас не было смысла: небо, ветер — это самое важное для нас, и я не слышал, чтобы кто-то позволил себе забавляться безнаказанностью или применить её во зло просто для того, чтобы поглумиться над кем-то. Нам это не нужно, правда.

Однажды я слышал такую фразу: ветряные маги не умеют дружить. Я удивился — почему? Хотелось возразить: мы не хуже других людей, не злее, не черствее, не самолюбивее. Но… здесь скрывалась какая-то правда. Потому что на самом деле я не помнил, чтобы у кого-то из нас была такая дружба, как про это писали в книгах. Чтобы жить друг без друга невозможно.

Иногда мы играли с обычными детьми, однако потом я стал понимать, что отношения эти оказывались не совсем равными. Даже если нам не завидовали — то смотрели чуть иначе, чем на настоящих ровесников. Может быть, ждали от нас какой-то особенной штуки — что мы возьмём и поднимем в небо целый дом: то-то начнётся потеха!

А со взрослыми тем более дружить невозможно. У них жизнь отличается от нашей ещё сильнее. И почти нет таких взрослых, которые могут общаться с нами нормально, чтобы интересное нам волновало их… А чаще всего они просто не понимали, кто мы всё-таки — дети или взрослые.

Так я думал вначале, а потом стал понимать и другое. Нас, ветряных магов, слишком мало задевали насущные дела, обыденность. Мы могли сочувствовать людям, переживать за тех, кто нам нравился — но у нас всегда были небо и ветер, и земля, которую можно видеть оттуда, с высоты.

В то время я жил у бабушки. Дедушка рано умер, а бабушка Инэль была молодая и красивая. Я помню, когда люди, не знавшие Инэль и меня, с удивлением окидывали её взглядом, если я громко называл её «бабушкой» на улице. Потом я узнал откуда-то, что женщины не любят, если их считают старше, чем им хочется казаться. Я долго думал об этом и сказал бабушке:

— Можно, я буду звать тебя просто — Инэль?

Она странно посмотрела и притянула меня к себе, как маленького, запустила пальцы в мои лохматые волосы и долго качала голову. Обычно мне это нравилось, а сейчас почему-то стало смешно, и я фыркнул.

Инэль молчала.

— Ты чего молчишь? Я сказал глупость?

Но она засмеялась и поцеловала меня.

Гораздо позже я узнал, что Совет отступил от правил, назначив Инэль «бабушкой», хотя она была слишком молодой.

* * *

…День, когда всё изменилось… День, когда эдели, Золотые Колдуны, изменили наш мир…

Тот день начался неприятно. Но утро было хорошим, солнечным. Ровный, мягкий ветер летел над Островами с юга — широкий, такой, что я не чувствовал его края. В такие дни малышня отправлялась кататься с Горы на тэнки — крылатых санках, которые вместо снега использовали встречный ветер. Южный склон был пологим и очень ровным, двести лет назад Гора выплеснула туда целое море лавы, а Золотые Колдуны заставили её растечься так аккуратно, что старики шутили: Гора высунула красный язык, лизнула океан, да так и замерла, очарованная вкусом горько-солёной морской пены.

Южный склон был просто идеальным для забав младших. За всё время там никто не разбился. Только если начинался шторм, становилось опасно — волны жадно тянулись к вершине Горы, и выбраться из воды в большой ветер было почти невозможно. Хорошо, что к востоку от Языка, в узкой и глубокой бухте Красная Щель жила семья алуски — русалок. Несколько раз они спасали зазевавшихся летунов, и все родители просто молились на алуски.

Был апрель. В этот день я дежурил у нижнего края Языка. При таком ветре вероятность того, что понадобится моя помощь, была ничтожной, разве только ребятня расшалится и затеет выделывать очень уж опасные кульбиты. Малышам запрещалось подниматься высоко, и если кто-то нарушал правило, я должен был перехватить храбреца в воздухе, доставить на Крылышко — площадку у берега, и в наказание забрать его тэнки до завтра, заперев их в сарайчике. На самом деле мы смотрели не очень

строго. Что поделаешь, если человеку в десять лет уже разрешают летать на тэнки над лесами, а пока ему только девять с половиной — будь добр, катайся вместе с семилетками над Языком, покрытым упругим мхом, под присмотром ветряного мага, который на вид ещё такой же мальчишка…

Я дежурил внизу, хотя полагалось быть на верхней площадке Языка. Полагалось потому, что не каждый ветряной маг может рвануть снизу наперерез потерявшему ветер малышу. Ну, и потом, если наблюдать за небом снизу — быстро устают глаза. Но я смотрел мало, больше слушал. Вопли детей и голос ветра. На ветер я полагался больше. Даже такой большой, как этот — он понимает мои желания и прислушивается к играющим детям. Его шелест станет тревожным, если…

И почти сразу что-то случилось. Ветер недовольно качнулся. В нём была не то, чтобы тревога… скорее, он хотел обратить моё внимание на необычность, неправильность происходящего.

Снизу и вправду плоховато видно. Никто не падал и не просил о помощи. Малыши как-то странно рассыпались кто куда, словно их напугало что-то. В небе с противным верещанием летал кто-то большой.

Я разозлился. Каким идиотом нужно быть, чтобы мешать играть малышне? Ветер, почувствовав моё настроение, свернул небольшой, тугой вихрь, и кончик его податливо лёг мне в руку. Ну, держись!

Хобот вихря сдёрнул меня вверх с такой бешеной силой, что позади воздух зарычал и хлопнул, как будто ударил хлыст.

Большой летун оказался необычным двухместным тэнки — точнее, это был уже не тэнки, а биплан из двух досок тэллио, прикреплённых к раме. На нижней, короткой доске сидел юноша, обхватив руками девчонку, которая умостилась у него на коленях. Девчонка то и дело принималась визжать. Увидев меня, парень широко ухмыльнулся и запустил ладонь девчонке в вырез платья, оттянув его так, что оголилась грудь. Наверное, девушка была старше, чем мне показалось вначале, я ошеломлённо пялился целую секунду… а потом стал падать.

Самое странное — ветер словно забыл обо мне. Может, так показалось — всё-таки я упал в море, а не на покрытый мхом Язык. Высота была большая: ударься я даже об упругую моховую подстилку — наверняка бы покалечился… в лучшем случае.

Вытаскивали меня двое. Свенни и русалчик Тим.

— Ты чего, чудик, до сих пор плавать не научился? — отплёвываясь, спросил Свенни. Тим, неловко улыбнувшись, махнул мне рукой и, грациозно извернувшись, ушёл в глубину.

Он, видно, тоже растерялся — ещё бы, лучший из ветряных магов на его глазах рухнул с ветра, да к тому же и чуть не утонул. Тим мне нравился, мы по вечерам часто играли — он плыл у самой поверхности, лицом вверх, а я скользил на еле уловимом ветерке над зыбью. Так мы добирались до Жемчужных утёсов, лазили по ним до темноты, бродили в гротах…

— Придурок! — просипел я. — Нашёл где кататься! Большой вымахал, да? Перед младшими покрасоваться захотелось, перед девчонкой этой?

— Что б ты понимал! Со своей свистулькой, дурачок… и никогда не поймёшь.

Я был злой и не осознал тогда, что он имеет в виду. Подумал, что «свистулькой» Свенни обозвал ветер.

— Я прекрасно понимаю всё, что мне нужно.

— Какой ты умный! Может, научишь меня отличать нужное от ненужного ещё до того, как узнаешь, о чём идёт речь, а?

— Это просто. Если тебе охота делать глупости, иди и делай, только подальше, чтобы дети из-за тебя не покалечились.

— Дети… — засмеялся он.

* * *

…К полудню ветер на Языке менялся, летуны разбегались по домам, и моя смена заканчивалась.

Уходить не хотелось. Я сидел на верхнем гребешке Языка, а другой ветер, со стороны города, горячий и чуть-чуть жгучий, как будто в нём была рассеяна мельчайшая перцовая пыль, гладил мои плечи. Иногда чудилось — кто-то невидимый стоит сзади, ласково шепчет на ухо, положив лёгкие ладони…

В этом мире у меня не существовало врагов.

А друзья?

Даже ветер… Могу ли я теперь доверять ему? Так же, до конца, чтобы совсем-совсем, ни вот на капельку не бояться разбиться…

Я лёг на спину. Босые ноги болтались в пропасти (смешно звучит, да?), и казалось, океан поднялся выше, затопив весь мир, а я лежу на крохотном уцелевшем кусочке суши, болтая ногами в воде.

Мне не страшно!

Я вскочил, сбросил с себя одежду, вытянулся в струну — и рванул в зенит…

* * *

Тэнгу нашёл меня далеко от Островов, плывущим на ветре с закрытыми глазами неведомо куда. Гонец был на веретенообразном иллути — полом стволе с отверстиями для ног, чтобы не «чесать» воздух на скорости.

— Нимо… — Он старательно отводил глаза. Тоже мне… — Тебя срочно зовут Верховные. Там что-то важное… с Золотыми… Ваших собрали уже всех.

Я хмыкнул. Во всяком случае, прекрасный повод сменить мысли. Только вот… не помнил, когда и где я бросил одежду. А домой сейчас не хотелось, да и время…

— Тэн, дашь мне хоть рубаху, что ли, пока…

Тэн кивнул и вдруг засмеялся.

— Ты чего?

— Я… представил. Какие у них будут глупые лица…

— А… Ага… — И мне тоже стало весело.

* * *

На Островах используют три вида магии. Магию воздуха, магию огня и магию воды. Магия земли у нас слаба, и нет среди Верховных её адептов. Магия воды хоть и царит вокруг в океане, мы ею мало владеем, этой стихией управляет народ русалок, наши добрые соседи. Игаван, Верховный Мастер вод — скорее наш представитель среди морского народа, чем маг.

Понятно, что с воздухом имеем дело мы, ветряные маги. Правда, мы не заседаем в Совете, потому что законы и споры нам чужды. Старец Аллирион — человек, хорошо знающий воздух, но не принявший лебеа, обыкновенно представляет нас на Советах.

Золотые колдуны, владеющие огнём — эдели со страшными глазами одержимых. Их представитель в Совете, Адарион — далеко не самый могущественный посвящённый. Тайные дела Золотых редко становятся известны даже Совету: адепты огня предпочитают использовать чистую стихию и держать свои открытия за семью печатями.

Разрешает споры и выносит решения Верховный Мастер Сэлль. Он обычный человек и в перерывах между Советами управляет Островами сам, если не случается что-то такое, что касается напрямую адептов стихий.

Башня Совета похожа на гриб. Тонкая ножка и широкая шляпка. В «шляпке» собирался Совет. Когда дела оказывались простыми — четыре Верховных старца. Когда случалось что-то важное или торжественное — приглашали всех сколько-нибудь

могущественных магов и самых влиятельных людей Островов.

Уже у самой башни я почувствовал, что Совет будет необычным. Слишком необычным. И ещё подумал, что появление на нём в рубахе Тэна уже не кажется мне забавным.

…Но на меня смотрели почти с ужасом. Особенно горожане, старые Мастера цехов и старейшины Общин. И я не стал выходить к своему обычному месту возле Аллириона, а притулился у стены, рядом с Вэнни, самым младшим ветряном магом, который выглядел совсем малышом, лет десяти с виду. На самом деле ему и было не намного больше — всего тринадцать.

— Я что-то натворил? — спросил я шёпотом. — Чего они так?

— Не… По-моему, тебя приняли за воскресшего Илле.

— Кто это?

— Это… Сейчас будут говорить, Нимо!

Тэриол сделал это. Тэриол, Золотой маг, один из великих Мастеров, но я о нём раньше не слышал. Неудивительно — Золотые сидят по своим пещерам и творят свои дела, невидимые с поверхности.

Золотые редко берут учеников. Живут они долго. Способных овладеть магией огня мало, даже меньше, чем нас, ветряных. Точнее, не меньше, просто мы позволяем принять лебеа любому, кто способен её пережить. Золотые выбирают лишь самых достойных. Ветряные маги всегда на виду, у них почти нет тайн от людей. Дела Золотых скрыты за семью замками.

Тэриол взял ученика. Илле. Илле выжил. Целых два года он был жив. Да, этого я тоже не знал — к концу обучения у Золотых выживают лишь немногие из тех, кто прошёл отбор. Из десяти способных детей девять погибают от Силы Огня в первые годы обучения. Это была тайна Золотых. Наверное, о ней не знали даже старейшины цехов.

Адарион говорил:

— Огонь опасен. Его Сила страшна. Но нельзя овладеть ею, если сохранять осторожность. И нельзя оставить Острова без тех, кто способен управлять ею. Знаете ли вы, какая мощь рвётся из Сердца Горы много веков? Если бы не Печати Золотых, Острова затопило бы лавой давным-давно, и твердь раскололась, и ушли бы под воду одни берега и поднялись бы другие, как бывало в древности. Тому, кто в это не верит, мы позволим спуститься в Сердце Горы и увидеть, на что способен и к чему стремится бушующий Огонь. Если не поверите глазам, спросите у древнейших Водяных — они расскажут… многое. Из того, что

сейчас почти забыто. Из того, что сами они видели, опускаясь в чёрные глубины, где лишь тьма и жар подземного Огня…

…Илле жил и учился. Говорили, что Тэриол считал Илле лучшим из тех, кого он видел. Илле мог стать великим Золотым. Должен был стать.

В том, что Илле погиб, виноват был Тэриол. Он оставил Илле и Золотого из молодых одних в Первом колодце Афрага. Вдвоём они должны были управиться с очередным «малым выбросом». Но что-то случилось… Тэриол знал, что, но отказался сообщать Совету. Он только сказал, что виноват. И ещё он сказал, что попытался исправить…

Он почти успел. Илле был ещё жив, когда Тэриол забрал его из Огня. Тело мальчика не обгорело снаружи, потому что Илле успел перевести Огонь в «жгут силы» и взял в себя. Опытный Золотой сумел бы свернуть «жгут» в кольцо и выжить. Илле умирал. Сила Огня пожирала его изнутри. Слишком большая…

Тэриол связал эту Силу печатями Тогородора. И ринулся через колодец Киина к пещерам водяных.

— Разве ТЫ не видишь, что этот жгут всё ещё связан с Большим Огнём в Сердце Горы? — изумлённо произнёс древний Игур, старейшина морского народа у Островов.

— Я отсеку его. Но мозг мальчика повреждён, моих сил недостаточно, чтобы остановить разрушение в живом человеке. Нужно контролировать как минимум движения всех токов в организме.

— Ты одержим, Тэриол! Я помогу тебе, но после этого расскажу обо всём на Совете Островов. Ваши опыты стали слишком опасны. Сердце Горы растревожено. А мозг этого ребёнка повреждён необратимо. Зачем он тебе?

— Я согласен на все твои условия, Игур. Начнём, а то мне становится слишком больно держать Печать…

Игур кивнул.

Адарион говорил:

— Тэриол, как один из высших эдели, должен был знать, что, разрывая жгут Огня, он провоцирует выброс, и выброс неизбежный. Если бы Тэриол своевременно оповестил кого-нибудь из адептов Огня, выброс был бы локализован. Один эдели может контролировать лишь одну часть разорванного жгута. Вторая остаётся свободной и активно ищет выхода разбуженной силе. Напарник должен быть наготове: мгновенно перехватить конец жгута, увести его вниз и замкнуть на Источник. Любой ученик третьего года обучения понимает это, как одну из

основных истин жизни — чтобы жить, нужно дышать, например. Тэриол стал манипулировать жгутом в одиночку, понимая, что никто из прочих высших эдели не поддержит его затею — спасать ученика, чей разум необратимо повреждён Огнём; рискуя при этом нарушить стабильность подземных токов.

Когда мы заметили и перехватили выброс, он прошёл уже два уровня печатей. Пять из семи высших адептов сейчас замкнули круг, сдерживая Огонь. Но его то удаётся оттеснить вглубь, то он снова разрывает печати. Мы не можем сказать, как долго это будет продолжаться. Если Огонь не перестанет подниматься, силы высших адептов иссякнут, и тогда круг придётся держать посвященным низших ступеней. Адепты выстоят двое суток наверняка. Что случится дальше — предсказать невозможно. В наших хрониках описаны случаи, когда эдели гасили выбросы, по силе подобные этому и даже превосходящие. Но всегда это были спонтанные всплески, рождённые случайными процессами внутри хаотического сознания Огня. Их удавалось погасить за минуты или часы. Случай же, когда Огонь был разбужен и поднят самим эдели, в истории был только один. И кончился он…

* * *

Труднее всего переносить зиму. Дети Города-на-Холме радуются до визга, до обмирания, когда в небе закружится первый снег. А я с тоской думаю, что до следующего мая не смогу летать.

Ветер на Островах никогда не был таким колючим и жестоким. Наступил ноябрь, и люди укутались в тяжёлые, толстые свитера и штаны из шерсти, кожаные куртки и тяжеленные сапоги. Первая осень была для меня страшной. Я не мог чувствовать ветер. Щёки, уши горели от его хлёстких песен. Так заигрывания большой и глупой собаки оставляют отметины на коже. Только собаку всё же можно выучить. А ветер — никогда.

Нельзя летать, не чувствуя ветер всей кожей, ветер тёплый и сильный. Холод сковывает, съёживает, тяжелит.

Я отказывался принимать это. В октябре той самой первой осени долго стояли тёплые дни. Я летал в лёгких штанах и рубашке из прозрачной для ветра, пушистой фланели. Это было трудно, я чувствовал себя скованным, неуклюжим. Так человек, плохо видящий в сумерках, боится угодить ногой в канаву или запнуться о кочку.

Материковые ветра вообще были другими — вертлявые, суматошные, с коротенькими для стихий мыслями и быстрыми,

переменчивыми ощущениями. Иногда я думаю, что сошёл бы с ума, окажись мы на материке впервые поздней осенью или зимою.

Последний настоящий полёт случился двадцатого октября. С утра светило солнце, оно прогрело воздух после трёх прохладных дней, небо было ясное, и, если бы не посеревшая земля и стремительно чернеющие леса — можно было бы считать, что вернулось лето.

Я уже научился быть предусмотрительным: насморк — это ужасно! Это конец всего, потому что лихорадка и заложенный нос делают меня слепым и глухим для ветра. Абсолютно. Какие там полёты, ветер становится просто-напросто неживым, неприятным явлением, от которого хочется спрятаться. На Островах ничего подобного не могло произойти никогда! Горько-солёная, теплая морская вода, которою насыщен воздух, такая привычная, вездесущая… Заложенный нос? Больное горло? Что это такое, что за чепуха?!

Трогott, наш судовой врач, в то время ещё не открыл аптеку, но старательно изучал местные травы, минералы и труды материковых медиков. Он уже тогда начал ломать голову над проблемой стэнции, но нам об этом не говорил. Я захватил у него бутылочку согревающего снадобья и отправился на дальние холмы.

К вечеру небо затянуло тучами, похолодало. Пришлось надеть куртку, лететь без доски дальше нечего было и думать. Скоро стемнеет, а я забрался невесть куда, и усталость давила, просто прижимала к земле. Благоразумие подсказывало, что следует повернуть назад и лететь к Городу кратчайшим путём. Но я уже знал, что этот полёт последний в году, до самого лета, и не мог удержаться — впереди манила незнакомая долина с невероятно красивыми рощами. Хоть ненадолго, хоть одним глазочком, чтобы потом думать о ней зимою, сидя у трескучего огня…

В роще нашлось несколько кустиков боярышника. Плоды были мелкими и несладкими, глотать их суховатую, пресную мякоть тяжело, но я всё жевал и жевал… потом набрёл на куст незнакомых ягод — листва с веток облетела, зато самих ягод, чёрных, с липким, ядовито-жёлтым соком, сладковатых и очень странных на вкус, на кусте оказалось видимо-невидимо. Почти наверняка они были ядовитыми, но я не удержался и съел горсть. И запил настойкой Трогotта, которая, хоть и не считалась противоядием, но, во-первых, я просто ужасно хотел пить, а во-вторых, она бодрила и придавала сил.

Надо было как можно быстрее лететь домой. Но я всё-таки

нарвал ещё три-четыре горсточки ягод, спрятал их в мешочек. Вдруг пригодятся Троготту…

В Город я вернулся затемно. Измученный, плюхнулся за стол, выхлебал миску картофельного супа, а потом ещё пил обжигающий мятный чай.

Я спал и не спал. В каком-то дремотном оцепенении я слышал тихий разговор Троготта с Ливви, нашим корабельным плотником. Даже не разговор, а обрывки, они прилетали и улетали, колеблясь, как тени от свечей, делаясь то чётче, то расплывчатей.

Ливви настаивал, что следует торопиться.

— Чем больше проходит времени, тем призрачней надежда, что он сможет, Трог! Ты знаешь это лучше меня, ты же врач! Тем более, здесь у тебя нет ни достаточных запасов стэнции, ни других наших специальных препаратов. А Ниньо совсем юн, у него не было даже намёка на созревание.

— Ниньо не принимал Лебеа… У него всё впереди, Ливви.

— Даже так… Я не знал. Ну, так что, само существование ветряных магов должно зависеть от того, сможет ли один-единственный мальчишка, к тому же, далеко не лучший из магов, когда-нибудь продолжить род? Троготт, мне страшно! Мы одни в этой холодной стране… Острова погибли…

— Тише ты, не ной. Никто ничего не знает в точности про Острова…

— Обманывать себя? Это на тебя не похоже, я считал Троготта осторожным и трезвым адеп…

— Замолчи, Ли! Я не уверен, что Нимо не слышит…

* * *

На общем Совете не решили ничего определённого. Ясно, что всем следовало быть наготове. Распорядились приостановить всякие маловажные дела. Острова не вели войн, во всяком случае, в обозримом прошлом. Острова не переживали серьёзных катастроф — тоже в обозримом прошлом. «Обозримым прошлым» считались века, о которых имелись записи в открытых архивах. На самом деле существовали ещё и Старые века, и я давно уже имел доступ ко всем архивам Совета, но ни разу этим правом не пользовался.

А обязанности такой у меня не было.

Воздушные и морские суда на всякий случай решили отовсюду отозвать и расположить двумя кругами. Малым и

большим. Зачем был нужен большой круг, деликатно умалчивалось. Но в глазах тех, кто понимал, я видел страх.

Советники не из числа магов, цеховые и старейшины, разошлись на совещания, чтобы уточнить, что им нужно и что они ещё могут предложить.

Заседание Совета продолжилось в закрытом режиме.

Остались трое Золотых, Аллирион и незнакомый мне человек, чьё лицо скрывал капюшон… Даже Сэлль ушёл; перед этим он, правда, сунул мне короткий, но плотный шелковистый плащ. Я прислушивался к ощущениям — ткань оказалась удивительной, текучей, то тяжёлой, то лёгкой, а цвет её менялся, как будто она была живой — от пронзительной, глубокой синевы до нежной лазури.

Адарион чувствовал себя неуютно, я видел. Он должен был что-то сказать, но, наверное, плохо представлял ту грань, за которой сказанное необратимо и непредсказуемо изменит привычную реальность.

Он заговорил — тихо, как будто даже вкрадчиво… я вздрогнул, осознав, что Адарион обращается ко мне. Да, правда, Золотые и так всё знали, Аллирион наверняка изучал закрытые архивы. Адарион, кажется, был растерян. Я мало посещал Совет и почти не участвовал в обсуждениях. Золотые привыкли иметь дело с Аллирионом, убелённым сединами старцем. Как говорить о самых сокровенных тайнах Островов с мальчишкой без штанов, Адарион, видимо, не представлял.

— Мы говорим о «печатях Эделей», «печатях Золотых», но и все слова несколько искажают истинный смысл того, что произошло полторы тысячи лет назад на материке, которого больше не существует…

Я молчал. Видимо, Адарион ждал от меня намёка, знаю ли я эту историю, или её следует рассказывать сначала.

— Все записи о той катастрофе постепенно убрали в закрытый архив по нашему настоянию. Тор, Золотой, погубил нашу землю, но Золотые же потом и искупали веками эту вину непомерной ценой. Принимать на себе ещё и ненависть людей мы не могли. И вторая, не менее важная причина — любопытство непосвящённых просто опасно.

Острова когда-то были материком. Путешественники рассказывают, что далеко на востоке есть и другой материк, даже больше того, каким был наш. Возможно, это только легенды — вам, Ветряным, во всяком случае, про это лучше знать. — Он опять сверкнул на меня глазами, а я опять промолчал. Но теперь на самом деле стало стыдно, потому что сказки о Восточной стране давным-давно будили во мне неясную мелодию, зовущую

и странную. А я отделывался всегдашним: «ну, потом, когда-нибудь в следующем году…»

— Эдели и в те времена работали с силой Огня. Величайшим из нас тогда был Тогородор. Во всех концах страны устроили шахты, где под присмотром Золотых огонь из глубин плавил металлы, с его помощью создавались светильники и «вечные» очаги, новые, удивительные материалы, и множество других, позабытых ныне, важных и сложных замыслов было воплощено. Большая страна требовала намного больше сложных механизмов, чем нынешние Острова, которым вполне достаточно хорошей погоды круглый год и справедливых властителей…

На празднике Больших Хороводов Тогородор впервые показал людям свои Ракеты! Это было такое чудо, что люди по всей стране словно опьянели от восторга, и взрослые говорили о новом изобретении так, как будто снова стали детьми.

Ветряным ракеты тогда не понравились…

— Потому что ракеты не нравились Воздуху! — вставил Аллирион. — И только эта причина. Ракеты его раздражали. Но мы не стали мешать… Даже когда Тор построил Огненный корабль «Молот Грома»…

— «Молот Грома» был похож на перевёрнутый бутон тюльпана! — выдохнул Адарион. — Его установили на вершине Эрестаро, Срединной горы. Человек не создавал ничего подобного ни до, ни после…

— Он летал? — спросил я.

— Мы этого не знаем… Когда случилась катастрофа, некоторые из Эделей ушли к «Молоту Грома», но что с ними было дальше — неведомо.

…Но все эти замыслы представлялись Тогородору простыми забавами, игрой ума, не более. Я думаю, всему виной древние книги подземных карликов, чёрных дворвов — существ, которых никто из людей не видел, но следы их существования Эдели обнаруживали порою в самых глубоких и опасных пещерах; случалось, что Золотые находили рукотворные переходы и шахты, уходящие в такие бездны, что даже мы не рисковали туда спускаться. Там дышал первозданный Огонь… И мощь его была так велика и непостижима, что нечего было и думать совладать с нею обычной магией Золотых.

Дворвы считали Огонь живым и опасным существом, говорить с которым, а тем более, повелевать — невозможно не то что смертному, но даже им, созданиям тёмным и древним, куда более могущественным, нежели люди. Тем не менее, был среди них такой Тримир — величайший из великих; он считал первозданный Огонь силой, хоть и непостижимой, непохожей на

разумных существ, но способной каким-то особым образом соединиться с ними, впитать в себя разум дворва или даже смертного. И существу, сотворённому таким образом, будет подвластно невообразимое!..

Сами дворвы боялись идей Тримира. В их книгах мы встречали намёки на то, что Тримир преступал запреты и спускался в Бездну, и там разбудил древние силы Огня. Дворвы не писали об этом прямо, но мы уверены, что иначе истолковать их записи невозможно. По их хроникам, в начале мира был хаос, и все Стихии кипели вместе. Позже Огненные черви то ли сами по себе ушли в глубины, вниз мира, то ли их туда заперли, под каменные толщи — дворвы в точности не ведают. Ещё до появления Смертных Огненные вырывались наружу: говорят, их призывал один из Изначальных, Ворок. Многих он увёл за собой, за пределы мира; говорят, то были самые могучие и беспокойные твари, их называли Начальными Драконами. Считается, их было девять, и дворвы даже перечисляли их имена, и каждый из них мог разрушить мир, а, собравшись вместе, они заслоняли всё небо. Ворока считали самым страшным из Изначальных, но он же сделал и великое благо для нашего мира — не уведи он Драконов, кто знает, что бы случилось?

Но не все драконы ушли — меньшие из них остались спать под твердью, за что их ещё называют Каменными Червями или Огненными Червями. С ними-то и пытался говорить Тримир…

Всё это было так давно, что мы не можем и предположить, какими мерилами пользоваться в летосчислении — тысячелетиями или же сотнями тысяч лет? Но мы знаем другое — уже в истории людей Тогородор пожелал повторить опыты Тримира и дать душу смертного Огненному Червю. Он посчитал, что дворвы не сумели подчинить Червей только потому, что разум дворвов слишком неподатлив. Дворвы — существа «вечные», они живут до тех пор, пока что-нибудь извне не разрушит их. Их разум меняется медленно, тогда как человек за считанные минуты может преобразиться, стать иным; под действием какой-то силы в нём могут пробудиться неведомые ему самому свойства и способности. Малые вдруг становятся великими, а герои оказываются ничтожествами. И всё это происходит в мгновения по меркам Бессмертных. Разум людей гибок, изменчив. В этом их дар и в этом их проклятие…

Адарион замолчал, а я вдруг сообразил, что была же у нас, ещё малышей, когда мы кучей возились у песчаных круч, такая присказка: «Тор заберёт!» Ею пугали, если кто-то увлекался рытьём слишком уж длинной норы. Норы мы обожали, а взрослые ужасно боялись, что нас засыплет. Мы, замирая от страха, ползли

глубже и глубже, в темноту, представляя этого жуткого, чёрного Тора в сердцевине холма: у него обязательно длинные, кривые, волосатые руки, много-много, он рассовал их в разные стороны и ждёт… когда неосторожный ребёнок залезет поглубже, чтобы схватить, утащить в чёрную-чёрную «подземлю»…

— Там нечем дышать…

— Что? — переспросил Аллирион.

— Нечем дышать под землёю. Стишок такой был. «Глубоко залезешь в нору, Попадёшься в лапы Тору…»

Так странно, да. Так бояться этой тьмы — и всё равно ползти, вовсе не потому, что сзади пыхтит твой приятель — не будет он смеяться, если повернёшь назад. Он боится ещё сильнее. Если вскрикнуть — он, судорожно дёргая руками и ногами, рванётся назад и потом не спросит, что же там было, почему ты кричал.

Но тьма тянула…

Говорили, будто одного мальчика всё-таки засыпало насовсем. Мы верили. Одна девчонка, ужасно храбрая и выдумщица просто невозможная, рассказывала о нём всякие истории… Как он сидит в холме…

— Тогородор разбудил подземный Огонь? И наша земля погибла?

— Говорят, он сгорел в один миг. Глаза у него сияли ослепительно, и никто не понял, была ли то страшнейшая боль или величайшее счастье…

Потом скалы стали наливаться алым, и жидкое железо полилось из трещин земли. Наши Мастера успели замкнуть Круг, но было ясно, что Золотые не удержат Огонь долго. Люди кинулись к кораблям. Вениаар, тогдашний глава Совета, обратился к Адэви[2], но и они сказали, что, если попытаться остановить Подземный Огонь водой — может случиться не только конец этой земли, но и вообще конец мира. Водяные сделают всё, чтобы отвести Океан как можно дальше от берегов, когда Огонь вырвется на свободу.

Надежды не осталось. Все, кто успел, ушли на корабли. Если бы не Водяные, мало кто бы спасся, но они сумели удержать Океан. Наступила ночь, а люди всё ещё были близко от гибнущей земли. Детей всех отправили на воздушные корабли, взрослым места там почти не нашлось. Воздушные отошли на безопасное расстояние, чтобы дожидаться остальных.

Земля была чёрной и алой. Вся пронизанная красными трещинками, усеянная искрами. В любой миг она могла рассыпаться… но этого не случилось. Стояла странная тишина. Время от времени Океан всё-таки касался раскалённого камня, и тогда от берегов доносился тревожный свист.

Потом уже узнали, что высшие Золотые погибли быстро. Их учеников собирались отправить на корабли со всеми, но некоторые остались. Двоих позже унесли Ветряные, которые были с ними до конца. Они же и рассказали, что нашу землю спасли ученики. Вернее, кто-то из тех, кто не вернулся.

— Что они сделали?

— Считается, что кто-то из них сумел открыть свой разум Огню и соединиться с ним. Как всё было на самом деле, узнать невозможно. Но восхождение Червей остановилось, и земля стала понемногу остывать. Это длилось больше недели. От материка осталось несколько островов, но и они ещё некоторое время то поднимались, то опускались. Золотые — те, что не вставали в Круг, — вернулись на острова первыми и определили, что Огонь ушёл, осталось только несколько Колодцев, клубящихся Силой. Маги собрались на Совет. Надо было решать, искать ли нам новую землю или попытаться выжить здесь…

— И они остались…

— Да, и не спрашивай, почему. У них почти ничего не осталось: поля, леса, города сгорели, земля почти всюду была перекалена и не могла родить. Горы спекшейся золы — вот она была какая, наша земля. И снова нас спасали Водяные. Года три, пока почвы кое-как не ожили, мы большую часть времени проводили на кораблях. Хлеб делали из водорослей, дети вместе с русалками собирали моллюсков на тех островах, которые пощадила лава. Ивон, один из Водяных, преподнёс роскошный и жуткий подарок, о нём не принято говорить, и даже в закрытых архивах упоминается так, что понять могут лишь посвящённые. Ивон не признался нам в своём деянии; лишь много позже, когда голод перестал висеть над нами изнуряющим проклятием, об этом как-то узнали. По воле Ивона киты, огромные рыбы-звери, приплывали умирать к нашим берегам… Нам не приходилось на них охотиться: это были старые существа, возможно, разумные, и едва кит понимал, что жизненный срок для него истекает — он устремлялся к нашим Островам и выбрасывался на берег…

Когда земля снова стала плодородной, киты приплывали всё реже и реже. И в память об этом нашим рыбакам запрещено охотиться на китов.

* * *

…Я потом не раз вспоминал тот разговор, и чем больше проходило времени, тем проще было считать его сном.

Ниньо несколько раз заводил речь о том, что ему нужно

принять лебеа, иначе очень скоро он перестанет летать, и у нас на всех останется один-единственный Ветряной. Троготт говорил с ним наедине, о чём точно — не знаю, однако Ниньо потом всё-таки рассказал мне, что Троготт не хочет давать лебеа ещё кому-нибудь, потому что стэнции и так мало, а если оба Ветряных ослепнут, толку с них будет всё равно, что с диких ветерков…

Ниньо не принимал всё это очень уж близко к сердцу, потому что летать самому по себе, без доски, у него так и так получалось пока плохо. Его вполне устраивали полёты на тэнки, а это он мог делать ещё долго, если, конечно, в его организме что-нибудь не переключится, и тоненький Ниньо не примется расти с удвоенной силой. Но даже если такое случится — у нас были спрятаны ещё корабли, уцелевшие после Волны. Для меня корабли — утешение никакое, зато Ниньо иногда с восторгом говорил о том, как мы снова поднимем нашу армаду и полетим над бурей, и как это будет чудесно…

…Самое первое утро на новой земле… Я проснулся от солнца, которое, как ни повернись, как ни зажмурься, протиснется в щелочку между веками, точно назойливый малыш беспрестанно тянет и тормошит, чтобы поиграть…

Никого не было рядом. Но я не испугался. На «Сияющем» должны остаться живые люди. Кто-то уложил меня на сухое одеяло, а рядом стояла чашка с водой. Я протянул руку… и замер. За чашкой я увидел ласточку. Неподвижную.

Я закрыл глаза. Это было, или это только видение? Как будто она летела впереди. Я не выпускал её из виду всё время, пока «Сияющий» рвался сквозь бурлящий ад. И потом… Когда клубы туч распахнулись и на горизонте выросли горы.

* * *

В первую зиму мы строили Башни.

В Городе-на-Холме редко строили зимой. Но мы торопились. Если кто-то из наших после Волны потерялся, он увидит, он услышит про наши Башни. Он нас найдёт. Потому что это будут четыре Башни; не такие высокие, не такие дивные, как на Островах, но любой из нас их узнает.

С Башен мы будем смотреть за небом.

Король не знал, что это наши башни. Золотой Роварог под видом мага Севера пришёл к королю и сказал, что хочет

построить защитную тетраду от ударов Океана. Король в те дни напоминал медведя, из которого выпили кровь и вынули глаза. Так сказал старый маршал, когда в Скальной Столице собрали большой совет, и люди тихо повторяли его слова. А король сказал — стройте хоть стену до неба, может, это покажет людям, что королевство живёт. Роварог обещал золото всем подрядчикам, вдоволь золота, и на золото же будет подвозиться продовольствие из долин, и люди смогут жить и строить. Роварог только умолчал, что для Золотого золото ничего не стоит, ибо он может открыть жилы земли, и металл будет сочиться огненной сукровицей.

Потом оказалось, что построить башни так, как это делали на Островах, невозможно. Камень прибрежного королевства слишком тяжёл и хрупок. Мы не могли расширить башни наверху, мы не могли сделать их такими же высокими. И всё-таки они оказались красивы. К середине зимы уже закончили возводить одну. Она стала самой высокой и самой любимой.

А потом вдруг пришёл страх высоты…

Троготт тогда стоял рядом, он увидел, как побелело моё лицо и как стиснулись мои пальцы на тоненьком леере, натянутом по периметру верхней площадки. Он быстро шагнул ко мне и обнял, потянул назад, от края. А я долго не мог разжать пальцы. Я хотел улыбнуться и сказать ему, что это дурацкое наваждение, но губы тоже не разжимались.

На лестнице я перестал видеть. Я часто задышал, и тогда Троготт подхватил меня на руки и чуть не бегом понёс вниз. Там я слышал, как он звякал склянками, и запах стэнции поплыл, обволакивая меня сонными чарами.

Я спал долго-долго. Очнувшись, видел какие-то цветные тени и слышал гудящие, тревожные голоса. И забывался снова.

Я хотел сказать им, что ничего не случилось, просто дурацкая простуда, из тех, которым подвержены все жители этой несчастной земли.

Однажды я проснулся совершенно голым после странного и волнующего видения. И надо мною мелькнуло лицо Троготта, а за ним маячил кто-то чужой… чужая. Потом Троготт отступил, а она надвинулась, и вдруг мне стало горячо и стыдно, и невыносимо хорошо… и голоса загудели снова.

…— Не уверен, что с нею всё получилось…

— Ничего, у нас есть ещё и это… Этого достаточно…

— Холод, Ровар, холод, быстрее!

— Я стараюсь! Никогда не делал это так быстро и так сильно… Смотри, стол, на котором была пробирка, рассыпается от холода.

— Главное, чтобы стекло не рассыпалось.

— Нет. Это хрусталь Арота…

* * *

Немногие в городе знали, кто мы. Обычные горожане считали нас магами, прибывшими из-за гор помогать королю восстанавливать страну и охранять берег от новых разрушений.

Я думаю, Ивенн знала. Догадывалась. Она появилась в нашей башне ближе к весне, и с нею наши комнаты наполнили картины. Странные картины, я раньше и не представлял, что кто-то может так рисовать.

На картинах были невообразимые, неведомые страны. Чудовищные горы под ледяными небесами. Леса, такие дикие, что чудилось — сами деревья и есть единственные жители этих лесов. Пропасти, из которых поднимались одинокие утёсы. Речные долины, полные сияния летней зелени. Странные существа, взгляды которых были исполнены непостижимого разума…

Нельзя и представить, где могли существовать такие страны. Но они были, несомненно, были, потому что просто придумать такое нельзя!

Конечно, я спросил Ивенн, откуда эти картины? С тайным замиранием в душе я ждал, что Ивенн смутится и скажет, что картины рисовала она. И в этом была бы самая удивительная загадка — Ивенн осенью исполнилось только шестнадцать лет…

Но Ивенн призналась, что картины достались ей в наследство от отца. А тот купил их у хозяина каравана, явившегося из-за гор. И, что самое забавное, купил недорого. Люди, рассказывал отец Ивенн, смотрели на картины, удивлённо цокали языками, но не покупали. Картины были слишком необычными и непонятными. А караванщик ставил непременным условием продажу всей коллекции в одни руки.

Ивенн росла среди этих картин, и все её фантазии были связаны с ними. Именно картины и привели её в наш дом.

— Господин Троготт искал служанку, — объяснила Ивенн. — Господин Троготт такой серьёзный! Он не просто расспрашивал девушек, он приходил к каждой в дом и смотрел, как она живёт…

Ивенн не собиралась работать служанкой. У неё был свой дом и вот эти картины. Но дом после Волны остался в ужасном состоянии, отец сгинул вместе с тысячами других…

— Я хотела устроиться гувернанткой. Но господам из богатых домов нужны девушки постарше, опытные, а господин Троготт сказал, что работа служанки в доме магов даже интереснее и не

особенно трудна. Конечно, он прав! Тут так чудесно, и мои картины в безопасности…

Дом Ивенн надо было ремонтировать, он мог просто развалиться в любой момент. Так Ивенн и её картины попали к нам.

Троготт здорово угадал. Если бы не Ивенн, я бы закис в том сером месяце феврале. Ниньо, наоборот, много летал с кораблями, пропадал на целые недели и наловчился справляться даже с дикими февральскими ураганами. Он появлялся весёлый, взбудораженный, хоть и поглядывал на меня тревожно, но видно было, что все его мысли отданы кораблям. Линдон, картограф, сказал мне, что готовится большое путешествие за Костяной хребет.

— Мы же не знаем, сколько наших зашвырнуло ещё дальше на восток. Возможно, они там так и остались, выжили, но не могут преодолеть горы.

— Когда отправляемся?

— Нимо… Троготт хочет тебя оставить в городе…

— Почему? — шепотом.

— Опасно… Он лучше рискнёт всеми кораблями, чем последним настоящим магом… И он прав, Нимо, не обижайся…

И я понимал, что Троготт прав. Как ни крути. Никто не выбирал его главным, но всё, что он делал, выглядело единственно верным тогда. И я не стал спорить. Только стало совсем грустно.

Работы у Ивенн оказалось немного. Иногда она следила за камином (разумеется, дрова приносил истопник), за светильниками, порою протирала пыль на книгах, или приносила чай Троготту и мне. Ну, и ещё какие-то мелочи. Считалось, что я буду давать ей всякие поручения, но вначале я стеснялся, потому что на Островах никаких служанок у меня не было. А потом мы подружились, и Ивенн стала как будто сестрой. Я вспоминал Инэль, хотя они не были похожи. Инэль — высокая и красивая, но сейчас я понимал, что никогда не знал по-настоящему, о чём она думает и чем живёт. Иногда мне делалось очень грустно, последние месяцы на Острове мы почти не виделись, и я не знал, обижалась ли она на меня или у неё были свои заботы?

Ивенн была ещё почти совсем девчонкой. Повыше меня, круглолицая, с затаившейся смешинкой в глазах. На самом деле мы были ровесниками, но я всё равно ощущал странный промежуток между нами — с одной стороны, она выглядела старше, а с другой — в чём-то старшим чувствовал себя я.

Наверное, в сумме это и давало неповторимый оттенок наших отношений, устраивавший нас обоих.

Её очаровала наша библиотека. Там были книги с Островов, но больше тех, которые покупали Троготт и Роварог — первый год после Волны книги мало кого интересовали, их отдавали за бесценок. Мы же платили, не торгуясь — помимо того, что в золоте у наших магов недостатка не было, имелась и другая причина. Роварог считал, что книги сейчас следует спасать без разбору, хорошие они или плохие, не дожидаясь, пока ими растопят печи; да и людей, собиравших библиотеки, стоило «подкормить».

Ивенн могла читать часами, а мне было интересно, что же такое она читает. На Островах я летал много, а читал мало. Теперь книги стали для меня открытием, и проводником в их мир стала Ивенн.

Зима заперла меня в башне. Ездить верхом я не умел, ходить много не привык, особенно по снегу и льду; тяжёлые, тёплые одежды казались ужасными — в них я то упаривался, то мёрз, и быстро простужался. Но самое главное — я просто не знал, что делать на улицах зимнего города. Мальчишки, как сумасшедшие, носились по льду просто так, в башмаках, и катались на коньках. У меня же ноги мгновенно разъезжались в стороны, колени отказывались сгибаться, и единственное, что представлялось мне возможным — как можно осторожнее опуститься на четвереньки и так вернуться домой.

— Корова на льду, корова на льду… Великий ветряной маг Нимо — всего лишь корова на льду, — шептал я, не веря, что смогу когда-нибудь привыкнуть к зиме.

Мысль о том, чтобы познакомиться с местными мальчишками, просто не приходила ко мне в голову. Всё, что они могли делать — бегать с воплями по улицам, драться, играть в какие-то совершенно бессмысленные, чудовищно однообразные игры. Даже на Островах, когда мне надоедало быть одному, я уходил к русалкам-алуски или к таким же ветряным, как и я, в конце концов меня вполне устраивало и общество взрослых.

Однажды Тоша-молочница сказала Троготту, считая его, видимо, то ли отцом моим, то ли дядей:

— Дикой он у вас чего-то! Как птичек кинутый. У наших-то щёки румяны от мороза, глаза блестят, сами крученые… Хоть в прорубь сиганут, и то им ничего. Надо ему гулять всё ж таки…

Троготт не знал, что я слышал разговор. Он только кивнул Тоше, а на следующий день Ивенн предложила сходить с нею к

ручью.

— Там есть такой водопадик, он и сейчас не замёрз. Если кругом очень тихо, хорошо слушать, как он журчит.

Я посмотрел на неё растерянно, пытаясь понять, что в этих словах от Ивенн, а что придумано Троготтом. Впервые я испытал к Троготту что-то вроде злости: пытаться управлять мною через Ивенн — как глупо! Разве я веду себя, будто неразумный ребёнок, не слушаю советов и наставлений, топаю ногами и поступаю согласно минутным капризам? Что мешало сказать мне прямо? Теперь же в каждом слове Ивенн я должен усомниться — она ли этого хочет?..

Но Ивенн казалась искренней, и злость очень скоро прошла.

* * *

Говорят, Городу-на-Холме повезло. В нём уцелело больше половины зданий и около трети жителей. Во-первых, конечно, потому, что построен он был на холме, как и следовало из названия. Нижние кварталы — особенно западные, там, где улицы спускались к дельте Роны, — Волна уничтожила почти полностью. Дворцы и башни на вершине смахнул ураган. Зато в Среднем городе, окружённом четырьмя кольцами стен, разрушений оказалось гораздо меньше.

Стены Среднего города были возведены столетия назад, истории о врагах, штурмовавших приморские крепости, давно стали легендами. Прочные, двухметровой толщины стены кое-где разобрали, чтобы проложить удобные дороги. Дома тулились к стенам изнутри и снаружи, образовывая улицы, в которых для всех зданий одна, задняя стена была общая.

Так случилось, что завалы в Среднем городе разобрали далеко не все. Вытащили живых и мёртвых, кого смогли найти. Потом у людей нашлись другие дела. Кто-то уехал к родичам на равнины, кто побогаче и повлиятельней — купцы, чиновники и многие мастера цехов, — перебрались наверх, подальше от нижних кварталов, грозивших мором. К зиме верхние ярусы Города-на-Холме более-менее привели в порядок, но здания там строили почти сплошь одноэтажные.

Развалины и стены Среднего города манили мальчишек. Одни искали сокровища, другим просто нравились везде лазить, прятаться… До самого декабря в городе действовал закон о мародёрстве, потом барон Сизая Пятка здраво рассудил, что искать живых и мёртвых, охранять добро от разграбления больше нет смысла. Солдат и так было слишком мало; всё, что можно

было вернуть казне и владельцам — вернули. Начались снегопады. Последние стражники оставили развалины. Им на смену явились бродяги и нищие из нижних ярусов, коченеющими пальцами ворочающие с места на место камни и обломки брёвен.

Нищие скоро пропали куда-то — добычи было мало и ценилась она невысоко. А мальчишки продолжали играть в развалинах. Маленькие и верткие, они пролезали в такие места, которые не заметили солдаты и бродяги. И далеко не всегда радовались находкам. Я слышал один рассказ сына пекаря Вийке. Вийке скармливал эту историю крестьянским ребятишкам, мальчику и девочке, которых привезли к Троготту. У мальчика, кажется, открылась чахотка, а у девочки была обморожена ступня. Троготт иногда соглашался лечить детей. Не из великодушия — Троготта я всегда считал стоящим вне человеческой нравственности и переживаний. Тогда я думал, что ему нужна была практика, возможность испытывать новые методы и снадобья из местных минералов и трав.

Маленькие пациенты шли на поправку, а Вийке их развлекал. В тот раз он рассказывал историю про одного мальчишку, какого-то приятеля его приятеля:

— Все ж знают, городская стена не сплошная — там, внутри, тайный проход, чтобы солдаты, когда враги прижмут, могли перебежать из одного места в другое.

— Зачем? — спросила девочка.

— Ну, как это — зачем? Ударить с тыла, или на подмогу своим прийти, или отступить, если дело совсем дрянь… И вот, Томки пролез в завал, упёрся в стену, а там пролом, щель. Томки пацанам ничего не сказал, решил сам… Юркнул, а там глубоко, ну, ход в стене ниже земли. Обратно сам выбраться не может, пошёл куда-то. А, оказывается, между ярусами подземные переходы тоже есть. Томки и нашёл один такой. Он вниз вёл, ко Второй стене. А у Второй завалы ещё больше, их почти никто и не разбирал, народ там бедный, никому не надо. Томки говорил, воняло там… фу! — Вийке зажал нос и передёрнулся. — Лез он, лез, думал, никогда не выберется. Наконец, крыса его выручила…

— Крыса?! — ахнула девчонка.

— Ну да. Шмыгнула под ногами и куда-то вбок подалась. Томки и сообразил проверить, нету ли там лаза. Этот лаз уже совсем узкий был, Томки думал — всё, конец, застрял. Но протиснулся. Вонища там… Дом чей-то у стены завалило, вместе со всею семьёй. Так они и гнили там. Томки сам чуть не загнулся, пока выход искал. Да, оказалось, завал почти разобрали снаружи — видно, на дрова… — Вийке наклонился и тихо-тихо закончил. — Девчонка там была, Томки говорил, красивая-

красивая, аж в животе всё стыло. Лежит, а глаза раскрытые. Томки её до сих пор забыть не может; говорит, ночью она приходит. Сперва вроде кажется живою, а потом он дверь распахивает, и свет на неё падает, а лицо — всё в пятнах!..

Девчонка завизжала, кто-то тяжело затопал по лестнице, и Вийке ветром сдуло.

* * *

Ивенн ведёт меня к водопаду. Мне нравится держать её за руку, тонкую и горячую. Чем ниже мы спускаемся, тем больше неразобранных развалин на пути. Мы не обходим их, а перелазим по балкам и камням. Как будто кто-то соединил вершину Холма с подножием сотнями незаметных мостиков. Их не всегда легко отыскать, по некоторым очень трудно идти и прыгать. Это похоже на игру — обойти комнату, не ступая на пол, говорит Ивенн.

Камни скользкие. Я знаю, что много раз должен был упасть. И Ивенн. Много раз я понимал, что падаю, и обмирал от страха, Ивенн держала меня за руку, и я отчаянно бежал и прыгал. Потом я видел, как, зажмурившись и открыв в немом крике рот, падает Ивенн… падает, а я тяну её, и мы снова прыгаем, скользим, летим… Мне кажется, мы почти летим.

— Мы сумасшедшие! — шепчет Ивенн. — Я больше никогда не решусь так…

Мы стоим у моста, под которым журчит ручей. Он сбегает сюда от самой вершины Холма. Здесь он устроил себе узкий и глубокий овражек, а чуть выше срывается искрящимся, звонким водопадом. Над краями оврага иней повис серебристой бахромой, а замёрзшие края ручья кажутся облепленными мириадами снежных бабочек и цветов — тончайшие узорчатые лепестки-крылышки причудливо слепились друг с другом.

— Какое волшебство! — Ивенн, присев на корточки, попыталась взять одну «бабочку» в ладонь, но чудесные белые крылышки не хотели отрываться от ледяных берегов. — Жалко. А кажется, чуть только дунь — они все сорвутся облаком, улетят. Знаешь… я вспомнила стихи. Из книги в вашей библиотеке. Там их много, но эти сейчас такие подходящие:

А снег — такой, зачем-то сладкий, как халва.
Зачем, не знаю — снег не я придумал.
Снег — как застывший, хрупкий смех
Снежинок, танцевавших и уснувших…

Стихи действуют на меня странно. Я опускаюсь на снег и плачу.

— Ты что… Ты что?!

Я только мотаю головой. Я просто подумал, что если чувствовал бы это всё тогда так, в Колодце Аффрага… Наверное, у меня хватило бы сил… унести Илле…

* * *

…Ещё два дня. Не знаю, был ли в этом отчаянном ожидании смысл. Накануне почтовые ленки разнесли приказ Совета — отвести корабли до второго круга. Остров обезлюдел. На вершинах скал маячили Ветряные в оранжевом, и кружились ленки, выискивая на улицах зазевавшихся.

С каждой минутой становилось всё тише и тише. Сперва я решил, что в этом нет ничего удивительного — уходили люди, давно замерло последнее эхо щёлканья подошв по камням.

Потом случилось удивительное. Я оказался на одной из улиц, длинной и прямой, уходящей чуть вверх, прямо к утреннему солнцу. Вдруг мириады искорок замерцали впереди, они, как пылинки, танцевали в воздухе над мостовой — только пылинки не могли бы так чисто и ярко сверкать!

Я замер, раскрыв рот. И тут же понял, что от камней струится невероятный, жуткий холод!

Секунды две я просто стоял, ничего не понимая. Пока не вспомнились слова Адеви на последнем собрании малого Совета. Водяные призовут Седого, древнего кракена из глубин, чтобы в критический момент выгадать время. Чёрные кракены живут в бездонных океанских впадинах, питаясь жаром подводных извержений. Седой — самый старый из них, длины его щупалец хватит, чтобы обхватить половину нашего Острова.

Прощание закончилось.

С Иглы мимо меня пронёсся, махая рукой, оранжевый, как апельсин, Тэнгу. Мне захотелось опуститься на корточки, прижать ладони к камням — но теперь это были чужие камни, не те, тёплые, добрые, почти живые…

…— Нимо? — Человек в капюшоне был один. Он встретил меня у маленькой дверки в скале.

— Не обижайся, но я должен это сказать… Если станет очень страшно — тебе надо будет уходить. Мгновенно. На борьбу со страхом не окажется времени. А Огонь не щадит испугавшихся.

Илле и Тэриола нам важно спасти. Но есть одна простая истина, которую ты должен помнить постоянно. Никто не посчитает тебя виноватым или слабым, если ты не сумеешь. Но если ты погибнешь ТАМ, только чтобы доказать что-то самому себе или кому-то ещё… это будет… недостойно. Я знаю, что Ветряные практически лишены пустой бравады. Я всего лишь исполняю…

— Ничего, мастер, я понимаю.

— Хорошо. А теперь второе и самое главное. Открой эту шкатулку.

— Ох… Что это?!

— Сейчас ты соприкоснулся с тайной, доступ к которой имеют лишь посвящённые Эдели. Это кристалл Тионата. Сила Огня слишком велика, чтобы что-то из смертных мог взаимодействовать с нею и выжить. У кристаллов Тионата много свойств, но сейчас важно знать два из них. Первое и главное: если путь назад будет закрыт — воспользуйся кристаллом. Надень шнурок на шею… Если так случится… возьми кристалл в ладони, поднеси к лицу и УХОДИ в него! Я не буду объяснять, как это произойдёт — помни, у тебя получится. Дальше… мы тебя вытащим.

Второе… Илле и Тэриол связаны с Огнём через свои кристаллы. Мы надеемся, что, когда Илле окажется на поверхности, Тэриол разорвёт связь со стихией Огня сам. Его тело не спасти, но пусть это тебя не заботит, здесь уже ничего не изменить. Другое дело Илле. Если вытащить его, предварительно не освободив его сознание — шанса у него не будет.

— Я понял…

— Хорошо, Нимо… Войдя в эту дверь, отсчитай сто двадцать шагов. Для неопытных на стене устроены метки-наплывы. Можно отсчитывать шаги по ним: десять шагов — одна метка. Дальше — Колодец. Мы спускаемся по лестнице, но ты, если посчитаешь возможным, прыгай. Снизу идёт упругий ток воздуха, для тебя, наверное, этого больше чем достаточно…

— Я понял…

— Хорошо. Я ухожу, Нимо; я, к сожалению, не могу ждать исхода здесь.

Он отвернулся, шагнул по ступенькам вверх. Я потянул дверь. Тьма…

— Да, Нимо!

— А?

Он взмахнул рукой. Зашагал прочь.

…Я всё ждал, когда начнётся Страх. Это было странное любопытство. Оно напоминало давний-давний кошмар из раннего

детства. Привиделось, будто я заболел неведомой и как будто смертельной болезнью. Инэль пригласила лекаря, а тот, осмотрев меня, заявил, что выпустить болезнь можно, лишь проколов мне иголкою палец.

Они стояли и смотрели на меня, ждали, когда я соглашусь. Конечно, они не могли меня заставить — никто не имел права меня заставить. Но в этот раз было чувство, что на самом деле они могут сделать со мною что угодно. А потом я встретил взгляд лекаря — бездонный, чёрный, — и понял, что они лгут мне. Едва я протяну ладонь — клешня лекаря, страшно сильная, как железная, стиснет её и… им зачем-то нужен мой палец! Они отпилят мне палец!

И в тот момент, словно рассыпавшиеся картинки, развернулись передо мною множество случившихся вариантов. Потом, когда я уже подрос и не раз задумался об увиденном, я осознал, что это были именно варианты. А тогда я просто просуществовал сразу в нескольких версиях реальности.

В одной я легко взлетел и стал спасаться от страшного «лекаря», словно муха от мухобойки. Всё происходило в каком-то запутанном большом здании, выбраться наружу я не мог — окна и двери были закрыты. А потолки в здании оказались низкими, и я чувствовал, что рано или поздно «лекарь» меня поймает…

А в другой реальности я покорно протягивал руку — как под гипнозом…

А в третьей я просто понимал, что всё это — не взаправду. Я понимал, что могу проснуться в любой момент, как только решу, что оставаться в этом видении слишком страшно.

И продолжал смотреть сон-кошмар…

…Наверное, я не верил, что сгорю. Я не боялся Огня… Или не так. Если бы рухнуло горящее здание, огонь бы испепелил меня, как любого из смертных. Но я не верил, что невозможно договориться с Огнём, древней и невероятно могущественной стихией. Да, я — маг Воздуха. Но сказки, в которых Стихии изображаются врагами — чепуха полнейшая! Стихии — истинные, изначальные, разумные, — не враждовали никогда. И если люди перенесли на них своё видение отношений — это касается только людей. Не больше.

Будь у меня время, можно бы задуматься, почему сами Золотые погибают от Огня? Может, просто потому, что пытаются им управлять? Приходить к Огню со своей волей, волей крохотной пылинки, отдающей приказ урагану!

Так это или нет — мне теперь не у кого спросить.

Внизу светился золотой глаз. Дракон наблюдал за

пришельцем. Бесстрастно, далеко шевелился зрачок. На миг пронеслась в сознании фантазия — человек в капюшоне вовсе не собирается спасать Золотых. Он всего лишь хочет принести мага Воздуха в жертву дракону.

Поток воздуха снизу не будет меня держать. Он просто тек мимо и был неживым.

Я вдруг с невыносимой тоской понял, что нет такого человека или иного существа, для которого я, мои мысли, мои фантазии, желания, радости и печали по-настоящему дороги.

И ещё я понял, что не смогу прыгнуть. Дело не в страхе. Физически не могу. Как будто во сне, когда знаешь, как нужно поступить — но что-то оказывается сильнее твоей воли.

Отступить назад и попробовать уговорить себя спуститься по лестнице. Это долго, но это всё, что я могу. И это бессмысленно. Когда Огонь вырвется наружу, я не спасусь, как было задумано, потому что воздух не удержит меня. Здесь он пахнет безумием. Его струи не чувствуют моих прикосновений, они до конца заполнены хаосом огня.

Свечение в Колодце становилось ярче. Я невольно сделал шаг назад. И ещё один. Огонь поднимался. Сейчас я видел его сквозь камень — он был похож на расправляющего щупальца колоссального спрута. Одно из щупалец, раскалённое, жидкое и трепещущее от еле сдерживаемой страсти, тянулось ко мне.

Всё? Поздно? Кончено? Бежать? Или ждать, пока треснет скала, и пытаться лететь? Или пробовать «уходить в кристалл»?

Я закрыл глаза и прислонился к скале. Она была холодной и трещала, как будто два гиганта сжимали друг другу рёбра, пытаясь победить в борьбе.

— Алвэ?![3]

Я увидел Золотого, стоявшего в шаге передо мной. На руках он держал ребёнка. Тэриол с Илле?! Они вырвались!.. Огонь вынес их…

— Бери его и беги! — прошептал Тэриол. — Я не могу…

Он светился. Он был насквозь пропитан Огнём! Едва Илле упал мне на руки, Тэриол отступил, переливаясь текучим, раскалённым золотом и опал вниз.

Я не могу бежать! Этот Илле весил как статуя из свинца! Он становился то нестерпимо горячим, то холодел.

Скала пошатнулась! Кажется, я весь перекосился от ужаса и стоял, ничего не предпринимая. Илле упал рядом со мной. И вдруг — с новым, страшным ударом хлынул холодный, небесный свет…

Я видел глаза Игура, старейшины Водяных. Я видел глаза кракена, который выпустил остров из объятий и последним

ударом расколол скалу. Глаза Седого были полны боли, когда он поднимал нас с Илле выше и выше, чтобы я мог взлететь — но я только присел на корточки, оцепеневший.

— Лети же! Лети…

Кракен мигнул. Глаза его раскрылись на миг широко-широко, потом слились в одно чёрное, бездонное отверстие. Я не мог оторваться от них… пока жгучая пощёчина не встряхнула…

— Я ухожу, — сказал Игур. — Там корабли. Их надо защитить.

И я стал падать.

Наверное, долго. Я ни о чём не думал, чувствуя, как ветер лижет мне щёки, как он скользит куда-то вверх, как будто я нёсся вниз между двумя шёлковыми полотнищами. Потом какая-то часть моего разума поняла, что скоро всё кончится. Ветер не узнаёт меня, не слышит, не чувствует. А руки стали болеть от напряжения. Потому что в ладонях я сжимал ладони Илле.

Дело не в том, что он был тяжёл. Он был пропитан Огнём, и Огонь тянул его вниз, стремясь воссоединиться.

Как долго тянулись секунды! Можно не бояться, я успею прожить тысячи жизней… или посмотреть в небо.

Честно говоря, я надеялся увидеть там кого-нибудь из своих. Спешащего на помощь. Или хотя бы облачко, чтобы зацепиться за него взглядом и тянуться, тянуться, тянуться вверх.

Небо было пронзительно пустым и бездонным. Оно звучало, как одна нота, бесконечная, первая нота, которую можно слушать вечно.

— Пусти! — сказал мальчик подо мной. — Отпусти! Я хочу туда!

Мне вдруг стало легче. Наверное, к Илле вернулось сознание, и он на несколько мгновений стал ребёнком из плоти. Жар разомкнулся. Я увидел, что стою на воде. Илле теперь не тянул вниз, он тоже опирался на воду, переминаясь с ноги на ногу, словно перескакивая с волны на волну.

Я хотел посмотреть Илле в глаза, понять, что в них? Но Илле не поднимал взгляд. Проговорил:

— Идём со мной. Хочешь?

— Туда?! Вниз?

— Да. Ты не думай, там хорошо. Огонь тоже можешь летать. Мы когда-то летали… с драконами. Просто сейчас нет таких, кто может. Кто способен поднять Огонь в небо. Ты бы смог. Я это знаю, Нимо.

— Откуда? — Илле был лет на пять младше меня, по-настоящему — Золотые взрослели, как и обычные люди. Откуда Илле мог знать такое?!

— Огонь живой. Он чувствует и понимает. Он бы принял тебя, Нимо, как одного из нас. Нимо, ты… ты бы мог стать Наездником!

— Как это, Илле?

— Их нет сейчас. Но Огонь помнит, что они были… где-то и когда-то. Огонь и Воздух хотят быть вместе, только нет никого, кто бы их соединил. Это должен быть… дивное существо, способное принять бешеную силу Огня и слышать песни Воздуха… Нимо, идём!

Он наконец поднял глаза. И я обомлел. В них распахнулась такая бесконечная, пылающая тьма, что весь мир словно вывернулся наизнанку чёрной бабочкой; невыразимо страшно — и так заманчиво! — было соединиться с этой тьмой!

— Нимо! — Он обхватил меня руками и притягивал к себе. Я понял, что он хочет поцеловать меня, и это показалось чудовищно странным и безумно приятным…

…Но назад я не вернусь. Никогда… Никогда.

Как-то необычно изменилось зрение. Передо мною были глаза Илле, но я смотрел сквозь них и видел мерцающую, плотную даль. Она была составлена словно из бесчисленных колыхающихся занавесов. Мне казалось, что из другого конца этой бесконечности спешит сюда кто-то большой и важный, расталкивая руками занавесы и глухо ворча.

Потом мы встали на причудливом выступе скалы. Подводной, сообразил я, запоздало подумав о том, как возможно здесь дышать. В груди было очень жарко — наверное, пока мы опускались, я дышал вместе с Илле его Огнём. Впрочем, всё это было незначительным, потому что Илле в следующий миг повернулся, и я повернулся с ним, и увидел, что скала под нами и перед нами дрожит, переполненная багрово-алым существом, похожим то ли на клубок змей, то ли на уставшего ждать своего часа зародыша…

Илле снова взглянул на меня:

— Я дал тебе Огонь. Теперь ты можешь коснуться его, и он примет тебя и пойдёт за тобой, преданный тебе, как щенок. Выпусти его!

— Он сожжёт весь мир…

— Нет! — Илле замотал головой совсем по-детски. — Он будет горячим и безумным только сперва, недолго, как любой малыш… Потом примет форму, и у него будут мысли, и, если ты захочешь — он улетит далеко-далеко и уснёт, дожидаясь, пока ты не позовёшь. С ним ты сможешь многое — воздвигать горные хребты или гасить вулканы, заставить сиять ночное небо или

путешествовать в сердце Земли… Он кажется диким сейчас, но научи его — и он будет самым верным твоим спутником! — Илле сжал мои пальцы: — Пожалуйста! Других нет, кто способен. А если эта сила вырвется сама… она так и останется безумной.

Я понимал, что Илле говорит правду. И я не боялся самого Червя. Я знал, что сделав шаг сейчас навстречу этой силе, в Огонь, я навсегда изменюсь. Эта мощь слишком велика, чтобы просто управлять ею. Они возьмёт не меньше, чем даст, она действительно станет моим другом или верным слугой — но и сам я взамен отдам что-то важное. И самое страшное — я не знал, что и сколько. Останусь ли я вообще самим собой? Или это будет какой-то совершенно иной Нимо?

Илле словно слышал мои мысли; казалось, он говорил со мной шёпотом, спорил — но, скорее, это я возражал себе сам — или та моя часть, которую поцеловал Огонь:

— Чего ты боишься? Ты ведь каждую ночь засыпаешь, а наутро просыпаешься, что-то теряя из прежнего «Я», а что-то — унесённое из снов, — приобретаешь. Каждое сновидение изменяет тебя, каждое забытье прерывает твоё существование, каждый закат несёт с собою новую маленькую смерть для каждого из людей…

— Не сравнивай, пожалуйста! Мы едины с нашими снами с раннего-раннего детства и приспособлены к их дарам так же, как они — приспособлены для нас.

— Нимо! Ты станешь немыслимо, невероятно великим! Никогда такая сила не давалась смертному. Ты сможешь сделать весь мир таким, как захочешь ты!

— Но зачем? Я не хочу ничего такого… Я не хочу менять, я… у меня есть ветер и небо, и я хочу туда, к ним! — И, сказав (или подумав) это, я внезапно сбросил наваждение. Я задыхался в душном коконе горячих газов, поднимавшихся из расщелин, из клубящейся мглы. Илле как-то съёжился и отдалился. Он стоял, опустив плечи, как будто до конца исчерпав отпущенные ему силы и волю.

— Идём, Илле! Дай руку. Тебя ждут. Там, наверху.

Илле вздрогнул, присел, смешно, как курица, раскинув руки в стороны, и срывающимся голосом прокричал:

— Никто! Меня! Там не ждёт! Понял?! Убирайся вон, дурак летучий… Я сам выпущу Его, я возьму Его кровь, и сам стану Наездником. А ты будешь чирикать у нас под пузом, как ощипанный воробей!

Я отшатнулся от неожиданности. Не обиделся, просто не успел, не понял. Я знал, что должен был сказать какие-то слова, что-то сделать, не дать Илле уйти — но не смог.

Илле взмахнул руками ещё раз, и снова нас как будто опахнула крыльями чёрной бабочки тьма. Меня мягко, но сильно вытолкнуло из кокона, и я понял, что сейчас же, вдохнув, захлебнусь и умру…

* * *

Наступил март, и все говорили, что это самый холодный март на их памяти. Экспедицию за горы откладывали. Весенние ветра были безумными, безумнее наших ураганов; хотя шторм на Островах, конечно, сильнее, но его всё-таки можно предсказать и направить. Здесь же вихри, как стая ошалевших от свободы и переполненных энергией щенков, толклись, сшибались, возникали ниоткуда и уносились мгновенно невесть куда.

Один корабль Ниньо всё-таки грохнул о скалы. Ниньо никто не упрекал, но он и так неделю ходил пришибленный, однако долго это продолжаться не могло, потому что весна теребила и звала всех. Даже холодная, с морозами и вьюгами, она пела совсем другие песни.

В голове у Ниньо забурлили идеи. Он метался и хотел что-нибудь придумать эдакое, на время неистовых ветров.

— Если взять тележку, к ней приделать крылья от наших кораблей, а потом покатить с горы — тележка оторвётся от земли и сможет долго планировать! Если подобрать вес так, чтобы ветер не мог ею играться, а только нести…

— И где ты будешь планировать? Над землёю опасно, море сейчас дико холодное.

— Я сделаю несколько пузырей, надутых воздухом, чтобы не разбиться, если что…

Я удивился. Насчёт пузырей — это необычно. Но всё равно — слишком опасно. Я знал, что Троготт отговорит Ниньо, возможно, он даже подаст сам какую-нибудь идею, чтобы Ниньо не захандрил окончательно, но и не убился, экспериментируя. Мне почему-то захотелось опередить Троготта. Тем более, недавно мы с Ивенн раскопали в библиотеке любопытную рукопись.

— Тележка — слишком громоздко. Что с нею будешь делать, когда ветер утихнет, а сам ты в это время за тридевять земель? Взгромоздить её на холм и ждать ветра — а если лес кругом? А если холмы далеко? А если ветра нет много дней?

— Да ладно тебе! Если бы все так рассуждали, ни одного корабля бы не построили…

— Постой, не дуйся, я же не отговариваю, предложить хочу…

Видел я такое изобретение… оно, правда, пока только на чертежах. Там два колеса всего. Автор писал, что соорудил себе такое устройство и даже ездил на нём, хотя и непонятно, почему оно не падает. Мне кажется, сделать его нетрудно, зато будет эта штука поудобнее тележки; если научишься с нею обращаться — даже без ветра можно далеко укатить.

— А почему про неё никто не знает? Про эту штуку?

— Наверное, из-за того, что она может либо с горки, либо по ровной дороге катиться, и то надо ногами от земли отталкиваться. Неудобно это, наверно. Да и вообще — я тебе говорю — непонятно, как она не падает, но это можно решить… А самое главное — изобретатель хотел её летающей сделать! Он потом к ней крылья пририсовал, большие, громоздкие. А она всё равно летать не стала. Даже с горы если разогнаться. Но то были обычные крылья, а у нас — из тэллио! Чтобы тебя в воздух поднять, совсем маленькие крылья нужны.

— Пошли, покажи мне!

…Но Герник, наш механик, сказал, что для полётов конструкция из рукописи не годится.

— Когда она будет касаться земли, опускаясь, всегда очень сильный удар. Колёса нужно покрывать каким-то особо прочным и упругим материалом, да ещё ставить на пружины. Но и тогда после нескольких неаккуратных приземлений обода будут гнуться или рассыпаться. Я не знаю, как сделать их надёжными.

Мы приуныли. На самом деле меня уже успела захватить идея.

— Подождите. Про эти дела с полётами мы все думаем… И даже надумали тут кое-что… Это тайна, но не от вас же.

Ниньо аж «встал в стойку», почуяв необычное.

— Вообще главный тут наш травник, Анис. Идея Троготта, но когда мы попробовали решить дело с налёта — ничего не вышло.

А задумка такая. Мы всё ломаем голову, как рациональней использовать те остатки тэллио, которые не приспособишь в корабли. Сперва надо было озаботиться с хранением. Чтобы не съела их гниль, не источили жучки. Сложность в том, что тэллио должно дышать. Как человек, как любая тварь живая. Если древесину тэллио надолго лишить живого воздуха, она умрёт. Станет обычной деревяшкой. Сами понимаете, смолить её нельзя. Морская соль не вредит тэллио, пока корабли омываются свободными водами океана. Но когда мы заливали древесину соляным раствором для консервации — она тоже умирала. Не так быстро, но умирала… Поэтому запасы тэллио сейчас хранят в хорошо проветриваемых складах, в них поддерживают особую температуру и влажность, на окнах стоят частые сетки, чтобы

жучки не проникали снаружи, а смотрители тщательно следят за состоянием дерева. К счастью, тэллио и само по себе устойчиво к разрушению и насекомым…

Для экспериментов мы брали опилки и щепу. И вот однажды Троготт предложил попробовать сделать из них особое волокно. Оно должно быть прочным, и при этом нельзя погубить летучие свойства тэллио. Наши мастера долго возились со способами обработки и составом клея, и в конце концов Анис вроде бы нашёл хороший состав. Он называет его «отдушкой». В клеевую массу добавляют пыльцу цветов аурики, стоит она сумасшедших денег, но зато древесные опилки продолжают дышать, волокна остаются прочными и гибкими. И летучими…

— Это… — Ниньо раскрыл рот. — Это будет… что?!

— Пока мы надеемся изготовить пару ковриков. Волокна для них уже почти готовы. Сперва мы хотели спрессовать проклеенные опилки, придавая им форму досок, но так они не чувствуют воздух и не могут летать. Зато ковры будут гибкими, лёгкими, удобными. А если где-то порвутся — нити из них можно использовать снова.

* * *

…Гирлянды, пышные кусты сосулек вырастали на крышах, мостах, карнизах! На Островах не бывает таких сосулек, и ещё — я слышал, как нравятся они ветру. Он лижет их так же, как мы с Ивенн. Ивенн научила меня лизать сосульки. Подносить их к глазам, чтобы увидеть жгучие солнечные точки. Сосульки пахли ветром и какими-то странными горными цветами. Эти цветы растут высоко-высоко, на обледенелых склонах самых высоких скал. Ивенн так сказала, и я понял, что она видела их.

Заполдень мы возвращались от реки, мы несли большущую рыбину, подаренную нам Сэри, мальчишкой-рыбаком. Однажды во время шторма я, кажется, спас его — лодка Сэри бултыхалась в заливе, наполовину полная воды. Сэри бешено работал черпаком, но толку было мало. Я увидел его с утёса, и вмиг вспомнился Язык на Острове, и я снова превратился в ветряного мага-спасателя, но не взлетел, а просто побежал по волнам — это было совсем легко, ветер рычал вокруг меня и, кажется, смеялся. Когда я схватил Сэри в охапку, он ничего не соображал, наверное — как-то отчаянно пискнув, вцепился руками в борт, и я еле-еле оторвал его от лодки…

Потом Сэри ни о чём не расспрашивал, а я не рассказывал. Однажды он увидел меня на берегу и подошёл.

Я смотрел на горизонт, Сэри встал рядом. Облака бежали, словно бесконечный табун лошадей. Сэри молчал очень долго, а потом сказал:

— Ты будешь строить корабль?

Я покосился на него, не зная, что сказать.

— Когда построишь, я уже вырасту. Возьми меня матросом!

Я встретил его взгляд, и Сэри кивнул:

— У нас в роду все были очень хорошими матросами… Нет, не обещай, я знаю, ты возьмёшь.

…А сегодня, на пути домой, Ивенн вдруг остановилась и вытянула руку, указывая на башню.

— Смотри! Вчера я не видела такого!

Под верхним, широким ярусом башни сверкала звезда. Я не сразу понял, что это. Громадные ледяные гроздья…

— Жалко… но надо их сбить. Не будешь же огораживать всю площадку перед башней, а с такой высоты попробуй угадать, как далеко она может отклониться, падая. Надо сказать Трогготту…

— Не нужно. Я сам.

— Ты… Там опасно!

Я пожал плечами. Словно огненные демоны толкали меня…

— Нет, ничего опасного — для меня.

…Ивенн пошла со мною. Мы взяли старинную алебарду, ею можно было дотянуться до сосулек с широкого карниза.

— Нимо… пожалуйста… обвяжись верёвкой!

— Я не упаду. А верёвка только сделает хуже. — Я не решился прямо открыть тайну… не смог. Наверное, я привык к мысли, что Ивенн догадывается, кто я. Она просто не могла столько пробыть вместе с нами и не понять. А в ту минуту я был занят собой, своим страхом высоты. Он вызывал у меня бешенство. Он был абсурдным и ненормальным. Я, как одержимый, рвался сразиться с ним, доказать, что ветер — по-прежнему мой друг и никогда не позволит мне разбиться. Жить, сомневаясь, становилось уже невыносимо. А верёвка… тьфу, это было мерзко — повиснуть, когда она рванёт тебя, и болтаться мешком на глазах у всего города! Верёвка уж точно не даст мне взлететь…

Я ступил на карниз, и уже тогда услышал, что Ивенн тихо плачет от страха. Проклятье! Скорее бы это кончилось! Я бил алебардой в основание сосульки, не сосульки — чудовищной ледяной глыбы… она стала моим врагом… Солнце ударило мне в глаза, я зажмурился…

…Та льдинка была удивительно сладкой.

— Попробуй, — сказала мне Ивенн.

Я лизнул. Ивенн держала сосульку в покрасневших от холода пальцах. Я обхватил их. Мы потянулись к ледяной игле разом. Губами…

…— Нимо!!!..

Что тогда случилось?!.. Почему падала она?! Я не знаю, не могу вспомнить, понять. Солнце ослепило… Я рванул за нею вниз. Я почти удержал её. Почти успел.

— Ив… где больно? Что с тобой? Ты можешь пошевелиться? Я сейчас позову Троготта…

— Я, кажется, цела… Не нужно, Нимо… Он рассердится… Я цела, кажется, Нимо… Только…

Она задохнулась, заплакала. Такая боль в её глазах — но боль не от удара, она не обманывала меня, она шевелилась, и я чувствовал, что у неё ничего не сломано. Случилось что-то другое…

— У тебя кровь, Ив… Я всё-таки позову… Или попробую поднять…

— Нет, Нимо, не надо, ты… Нимо, пожалуйста, наклонись ко мне… скорее!

Она обхватила меня руками, страшно сильными, словно нечеловеческими, в черноте зрачков я увидел мерцание звёзд в ночи, и услышал чужие, дикие, странные песни. Там туман тянулся над болотами и кричали ночные птицы. Там было прохладно и тепло. Там ароматы кружили голову, пьянили, утягивали в бездонные омуты…

…— Тварь! Ты ведьма!.. Что творишь!!!

Она закричала. Так страшно… Отпрянула от меня. Троготт стоял над нами, и в ладонях его сияло лезвие жёлтого огня.

— Малыш наш… ребёнок… господин… ты же сам говорил — он… я хотела его спасти…

Троготт взмахнул лезвием. Я метнулся к нему, Троготт попытался отвести огонь…

…На этот раз Затмение Лебеа длилось очень долго. Наплывали и улетали в пустоту голоса. Моей кожи касались чьи-то руки. Мне казалось, я на время приходил в себя и видел Троготта. Я умолял его сказать, что с Ивенн. Не знаю, ответил ли он, или ответ сам явился в моё сознание…

— Я виноват. Я не разглядел, что она ведьма. Попыталась сохранить ребёнка, выпивая у тебя силу…

— Она жива?!

— Что с нею сделается, с нежитью… Ушла в свои Болота через ручьи…

Я хотел спросить про ребенка и не решался… Странный ночной мир Болот кружился, мелькали звёзды, и я снова падал в пустоту.

Я пытался понять глубину твоих слов…
И не мог — я был слишком серьёзен.
Ты же мне говорил, как среди облаков
Видел остров с травой и ручьями.
Там вода так свежа, что не пьёшь, а кричишь,
Там дрожит тишина, как большой, спящий зверь,
Там весь мир можно взять на ладони.
С ветром ты говорил. Ветер звал тебя вниз.
Ты решил восходить ещё выше.
Там тропинки в пыли, а из трещин огонь
Твою кожу неистово лижет.
Ты хотел прикоснуться к истоку огня,
Ты хотел, чтобы боль прорвалась и сожгла,
И остыла, и снегом на землю легла.
И, коснувшись земли, ты увидел бы сон —
Белый-белый, как в самом начале…

Мне снова снился тот сон. Он был бесконечным. Я забывал о нём при свете дня, забывал, случалось, на многие месяцы, пока он не продолжался. Казалось, там текла моя вторая, такая непохожая на эту, жизнь. В ней не было настоящих страхов, бед и забот. Не было мыслей о неминуемом конце самой жизни. Фрагменты из неё я проживал в этих снах, но никогда не мог уловить связи между ними. Словно набор картинок, перетасованных ветром.

Чаще всего мы — да, я был не один, нас много — летали над бесконечным океаном. Над нами всегда было пронзительно-синее небо и ослепительное солнце. Такое горячее, что мы иногда падали в океан и неслись в его прохладных течениях, чтобы остудиться.

Нам никогда не бывало скучно! Никогда. Мы могли перекликаться друг с другом, смеясь от радости, или петь, или просто лететь рядом, касаясь друг друга. Иногда мы рассказывали о том, что с нами случалось в разных удивительных местах. Даже не знаю, было ли это пересказом настоящих событий или фантазиями. Разницы никакой.

Случалось, мы разделялись и оказывались в странных краях, где было много всего интересного. И тогда обворожительные

цветные приключения сыпались, как конфетти…

Каждый раз, когда сон обрывался, я некоторое время лежал обалдевший. Мир яви казался нереальным, а зрение, слух, осязание суматошно перестраивались под этого второго Нимо — так дети, при внезапном появлении строгого учителя, прервав увлекательную игру, превращаются в считанные секунды в сосредоточенных, послушных маленьких взрослых.

В такой миг Затмение Лебеа представлялось мне светлым даром, который я напрасно прежде отвергал. Страхи и переживания осыпались шелухой. Она нарастёт снова — но позже.

* * *

…— Нимо! Нимо! Да очнись же! Ой… Я не успею!

Тим. Русалчик Тим. Его глаза близко-близко. В них — тревога. Страх. Но во мне перемешалось всё — прошлое, настоящее, будущее. Я не знаю, где я. Мне кажется, я миг назад был ветром и только-только нырнул в океан, чтобы понежиться в волнах… А Тим тоже летал со мною — но почему он так дрожит?!

— Тим! Что случилось?..

— Остров дрожит. Он… Он… как… Нимо, я боюсь, я не успею, я не могу нести тебя быстро. Взлети, ну, пожалуйста!

Будто ударила молния. Всё вспомнил. Отчётливо и страшно. Надо мною — небо, чужое, пустое, напряжённое. Я смотрел туда, в бесконечность, не зная тех слов, которые нужно сказать, чтобы оно снова стало моим.

— А где… дельфины? — тускло спросил я.

— Они все далеко… — Тим опустил глаза. «А ты?!!» — хотел вскрикнуть я. — «Как они оставили тебя?!»

Но времени на всё это не было. Ни одной лишней секунды.

Ветер! Где же ветер? Почему так тихо, почему замерло всё, неужели они все разлетелись, испугались… оставили.

— Плыви отсюда! Я спасусь. Продержусь на воде, а когда всё начнётся, вскочу на шторм.

— А если его не будет? Нет, Нимо…

— Вот же проклятье!.. — Наверное, я оттолкнул его. Тим протянул руку ко мне и вскрикнул, попав ладонью в кристалл. А в небе что-то треснуло, словно свод раскололся на две половины.

На востоке от поверхности океана ввысь ударил багровый огненный хобот. Несколько мгновений он, будто ослепшее чудовище, метался взад-вперёд. Мне казалось, я кожей чувствую

боль и гнев неба. И рёв ветров, в ярости взвихрившихся над безумцем, выпустившим в небо этот пламень. Потом хобот шатнулся к нам и пропал. Океан задрожал, взбитый ветром, ураган нёсся к нам…

— Что это?.. — прошептал Тим.

— Это он… Золотой… Решил так разбудить ветер… Хватай меня за шею, быстро! Нас сейчас вырвет отсюда, как пушинки!

Тим послушался мгновенно. Вцепился в меня так, что я охнул. Пожалуй, из-за Тима я не разберу, где верх, а где низ, когда… Но сначала взлететь!

И в следующий миг пропало всё. Я не думал, что смерч — так страшно… Я перестал существовать…

* * *

Картины мне не давали покоя.

Их собирались унести в подвал, но я накричал на Троготта, чтобы он не совался со своими интригами в мои дела.

Картины светились странным светом — неведомые страны на них были настоящими. Нужно только перелететь горы.

Как я ждал мая! Первый горячий ветер, уже густой от запахов ранних цветов. Ивенн мне рассказывала, что в этой стране почти все первые цветы — жёлтые. Солнце от них словно набирается горячей медовой силы, и тогда наступает июнь…

…Что-то не ладилось с коврами. Ниньо бродил расстроенный, травник Анис отводил глаза и объяснял, что «отдушка» работает плохо, скорее всего, дело в том, что пыльца во второй раз оказалась неправильной. Возможно, её нельзя сразу сушить, она должна сперва полежать в тени. Наверное, сказал он, первая партия была обработана иначе. Был и другой вариант — первую везли в деревянных коробках, которые «дышали». А вторую доставили в стеклянном сосуде. Но сделать теперь уже ничего нельзя, до лета, и тогда посылать кого-то знающего в долину Цветов, присмотреть лично…

— Я хочу испытать ковёр, который не получился, — сказал я Анису. — Он где?

Мастер смутился.

— Троготт унёс его…

Почему-то стало тревожно от этих слов. Я вдруг понял — накопилось слишком много вопросов. Очень старых вопросов. Тайны с раннего детства окружали меня, и я до того сжился с их существованием, что воспринимал как нечто необходимое,

естественное; мне не приходило в голову взломать эти замки, как большинству нормальных людей не приходит в голову пробить стену своего дома, чтобы проверить, действительно ли за стеною находится улица, а не какой-то другой, невидимый снаружи мир.

Я. Боюсь. Троготта.

Как странно. Этого не может быть. Но страх довёл до озноба и слабости в коленях. Я не могу больше ждать.

Троготта не было в башне. Я обыскал её всю. Обошёл все дворовые постройки и расспросил мастеров и слуг…

Только Ниньо подсказал мне. Он сам спросил, кого я ищу.

— У него же есть домик в городе, — сказал он удивлённо. — Ты разве не знал?

А я не помнил. До сих пор Троготт сам всегда появлялся, если был нужен. Он казался вездесущим.

Домик окружала завеса тишины. Я чувствовал её, как будто сделанную из ваты. Занавесок на окнах не было, но всякий, кто посмотрел бы в них снаружи, увидел только черноту.

— Ты был там, внутри?

— Я? Был… или нет… не знаю! — удивлённо откликнулся Ниньо.

Я коснулся ладонью оконного стекла… Но это… не стекло — какой-то горный минерал, чёрный, невероятно твёрдый. Кажется, его называют «обсидиан». В нём выкристаллизовалась сила, которая была бы для меня абсолютно чуждой, недоступной… если бы не… Илле! Сила из самых глубинных недр. Она меня узнала, безо всякого призыва с моей стороны — просто распахнула черноту обсидиана, как зрачок.

На столе, на металлическом блюде лежал кристалл. Такой же, как у меня… когда-то.

Перед кристаллом застыл ребёнок. Незнакомый, лет десяти-одиннадцати. Троготт стоял за его спиною.

Ещё одна тайна. На этот раз такая, что Троготт даже потрудился спрятаться за непроницаемой магией огня и камня. Делайте, что хотите, захотелось крикнуть, только без меня…

…Ниньо я не стал брать. Да, жестоко. Он обидится. Но он добрый, он поймёт и простит. Потому что, если со мною что-то случится, у людей с Островов должен остаться хотя бы один настоящий ветряной маг. А Троготт, какие бы интриги ни плёл, какие бы делишки ни затевал — горло перегрызёт за то, чтобы сохранить ветряных магов. Ради Островов или по своим тайным соображениям — но это так. Он сбережёт Ниньо, особенно если тот останется единственным. И ни за что не оставит нас в покое,

если мы убежим вместе.

В глубине души я понимал, что вернусь. Наверное, Троготт тоже это поймёт. Вернусь, когда исполню что-то важное. Для себя. Или для всех нас…

Я должен измениться.

* * *

Угадайте, что самое удивительное на свете? Что не забыть никогда?..

У вас есть свои варианты ответа? Их у вас много? Они неправильные. Вы никогда не видели того, что видел я. И никогда не увидите.

Когда полная луна восходит над горной страной… Чёрные пропасти и серебристые пики, бледно-золотые хребты и просвеченная тонкими световыми нитями дымка… Всё это простирается дальше и дальше, в бесконечность.

Мне почти не холодно, хотя тут и там в воздухе сверкают искорки снега. Плечи и локти покрылись пупырышками, я смотрю на себя и вдруг понимаю, какой я маленький…

Раскинув руки, я наклоняюсь, чтобы броситься вниз, в самую глубокую, отчаянно чёрную пустоту. Мне кажется, что там, внизу, на дне, в тиши потаённой долины, течёт узенькая река. Там тепло и до невозможности уютно. Там никто не живёт, и даже звери обитают только самые крошечные, незаметные. Там растёт высокая, густая и мягкая трава…

В какой-то из самых последних моментов я останавливаюсь. Ветер пушисто щекочет колени, дожидаясь меня. Но я медлю. Отступаю от края. На другом краю пропасти мерцает желтоватый тёплый огонёк. Там кто-то живой. Может быть, такой же, как я.

…Они бы скрылись, улетели или просто спрятались. Я это понял по их глазам. Заканчивался ужин, наступило время чая. Когда я вошёл, все напряжённо стали смотреть на меня. Понадобились долгие мгновения, чтобы понять — они узнали. Узнали меня и решили, что пришёл я не просто так.

Часть 3. Белый корабль

— Это чего такое?

— Май у меня сохраняется. Майские запахи.

— Чудные… А это какие листья? Пахучие…

— Ага, не догадаешься! Обыкновенные листочки, только-только распустились — а я сорвала… Эти — с яблони, а эти, которые совсем меленькие, скрученные — грушевые; это вот тёрн, это — боярышник, а эти — большие, зеленые, — черёмуха, уже в горячие дни брала, когда масляника запахом с ног бьёт.

— Да листья никогда так и не пахли…

— А нужно дать им пустить сок, подвялить и только потом засушить.

— Ты их заваривать будешь, как чай?

— Ага, но зимой.

Водяник покачал головой, как делал его дедушка — и всем всегда непонятно было, одобряет старик Хлюпастый собеседника или осуждает.

Дзынь такая странная у себя дома! Будто дама из книжек. И говорит тихо, когда и почти торжественно, и ходит прямо, и даже глаз косить перестал. Дом у неё крохотный, с одной стороны — холм, с другой — большое дерево: укрывает кроной и дом, и половину дворика. С третьей стороны ручей. С чётвертой — непролазные кусты. Ежевика, тёрн. А за ними — овраг.

А самое удивительное в её доме — это Картина! Волшебная Картина волшебной Страны. Холст не такой уж большой — не больше окна. Но если встать перед ним и смотреть, замерев… картина распахивается, и ты летишь в тёмном небе, над высокими, тонкими башнями к сияющему огнями заливу…

Больше всего водянику хотелось спросить, откуда у Дзынь такая картина? Он не решился.

— Через час гроза, — сказала Дзынь. — Пойдём, в траве поваляемся.

Высокая густая трава скрыла от них весь прочий мир, отделила даже друг от друга — только трава — и небо.

— Если испугаешься — протяни руку, — сказала ведьмучка. — Я рядом.

Вчера на закате Брэндли видел Небесную Страну. Большие дождевые тучи торопливо разлетались, освобождая запад. Небо несколько раз сменило цвет, словно отыграв увертюру, а затем… появились Острова. Они были очень далеко, Брэндли не сразу это понял, а когда понял — захватило дух. До них были тысячи вёрст, даже голова кружилась, как далеко! А видно всё было чётко-

чётко. Небо стало как будто морем. Берега облаков-островов спадали в сияющие заливы отлогими серебристыми отмелями или обрывались тёмными кручами. На Островах были холмы и долины. А главный остров с самым большим холмом оказался увенчан, словно короной, дивным городом дворцов и башен. На склонах холма сказочной высоты деревья, как стражи-великаны вздымали над лесами свои белые кроны.

Теперь я всегда буду тосковать по Небесной Стране, подумал Брэндли.

* * *

Так хочется спать!

Только пытаешься раздвинуть занавесы — тяжёлые, цветные, в бессчётных узорах, — сны вспархивают с них и носятся пёстрой стайкой мотыльков. Если бы хватило сил вглядеться, увидел бы — рисунки на шторах, такие мелкие, что изучай их хоть в самую сильную линзу, прихотливым плетениям сюжетов и образов нет границ.

Я всё-таки открыл глаза. Вспомнил мотыльков. Настоящих. Вспомнил, как шагал по опушке леса, по краю балки. Цветочное море волнами запахов сводило с ума. То горячие, то прохладные; то свежие, то дурманные; сладкие и горькие, медовые и душно-пряные… Белая и жёлтая кашка, лиловый и розовый чабрец, серебристые облака ковыля, роскошная мальва, причудливо свитые в шарики пушистые нити незнакомых цветов — снизу их, как ладошки, обхватили два острых лепестка. И множество ярко-синих и алых звёздочек и колокольчиков…

Из-под ног при каждом шаге срываются и несутся трепещущим облачком жёлтые, сизые, синие мотыльки.

Как мои сны.

Здесь, на краю леса, встретил её… Сколько лет назад? Может, три, а может, и все пять? Нимо улетел один, куда-то на Север. Не признался даже мне, зачем. Улыбался загадочно. Это подарок будет, так надо. Так делали на Островах…

А я остался с Бродягами. И сразу сильно заскучал. Хорошо, Нимо хоть предупредил, что меня тоже без дела не оставят.

Мы прилетели в Долину Цветов в первый раз втроём на полуразбитом бурями плотике Бродяг. Древний Кивач и Филька остались на берегу речки. Кивач сказал, чтобы я сначала сходил в Долину один. Я удивился, но возражать не стал.

Шёл долго краем балки. Восточный ветер дул слева, нёс запахи трав из прохладного оврага и лугов за ним. Далеко-далеко я мог различить край неба со странными, синими, как лепестки колокольчиков, облаками. В те дни я уже почти не видел, брёл осторожно, опасаясь рытвин, кочек или колючих кустов.

Солнце жгло, а ветер летел сильный и ровный. Земли я не различал и, попав однажды в яркую, тугую волну запахов, словно перестал чувствовать твердь под ногами…

Я вздрогнул — как будто очутился на краю пропасти со своей старой чудесной летучкой. Прыгнуть и полететь… Кожа покрылась пупырышками, я погладил локти, колени, бёдра… вспоминая. Потом скинул одежду, бросил в траву.

Шёл, купаясь в щекочущих касаниях травинок, в запахах… Чудилось — бесконечно долго, но, наверно, не дольше четверти часа.

И был этот запах — прохладный, с иглами льда, пронзительный; и я обхватил плечи, но озноб схлынул почти мгновенно, я перестал чувствовать тепло и холод, воспринимал только ароматы и пушистую ласку травы, а тело растворилось и стало ветром.

А затем разом вспыхнули все краски.

И больше всего — зелёного и голубого, и первое, что я подумал — никогда не устану смотреть на небо и траву!

И я стоял и смотрел — долго. И вдруг испугался — волшебство кончится, а я так и не успею побегать. По-настоящему.

Я бежал. Я отвык бегать; один раз упал, запнувшись, но боль мгновенно ушла — я стряхнул её, точно муху с плеча.

Я захотел войти в лес и рассмотреть деревья. И тогда увидел…

Она улыбалась. Встала между двумя стройными деревцами, точно распахнула двери в лесной дом. Платье — из синих паутинок и искрящейся росы. Чуть прищуришься — кажется, смотришь на крошечную прогалинку в лесу, на которую выплеснулись ярким, озорным язычком васильки в сверкающих после дождя нитях.

Финетта — девочка из Долины Цветов.

Она улыбалась, разглядывая меня всего, а я, хоть и смутился отчаянно, не убежал, как будто знал уже, что именно Финетта разгадает тайну…

— Что с тобой? — спросила. — Ты как минуту назад родился!

— Глаза. Я же почти ничего не видел. Давно.

Она обошла меня, обхватила руками, прикоснулась ладонями к глазам. И вся оказалась прохладной и дышала какими-то

лесными ароматами — может быть, цветущей липой…

— Тебе повезло. Это распустились фирелли. Очень редкие цветы. А я как раз шла на них посмотреть. Мы не собираем с них ни пыльцу, ни лепестки. В лепестках фирелли слишком нежная краска, а свойства пыльцы не сохранишь дольше часа или двух.

* * *

…Заскрипели снасти, корпус корабля вздохнул, как человек, потягивающийся после сна.

Просыпаюсь — и непривычно, что «Бабочку» веду не я. Столько раз мы засыпали и просыпались с ней вместе… В полёте чувствуешь такелаж так, словно это ты сам широко раскинул руки, то напряжённый, то расслабленный, купаясь в потоках ветра.

Сколько времени прошло, а случается, утром вместе с радостью окатывает прохладный страх. Что всё было не взаправду. Что он мне приснился… И дразню себя, не бегу на палубу сразу, и жду, чтобы напиться мелодиями, которыми корабль перекликается с ветром, с другим своим ветряным магом. Нимо…

Его мелодии не такие, как мои. Он их как-то иначе чувствует, что ли. Будто не замечает вовсе. Из них невозможно выловить тона, и даже неясно, корабль это звучит или что-то другое, большое… такое, как само небо. Нимо не отдаёт команд, и желаний его нельзя различить — он просто летит. Летит, куда и как захочет, а корабль превращается в его глаза, в его руки…

* * *

…Я проснулся среди ночи от волны холодной свежести. Налетел ветер, смыл душную неподвижность. Наш дом будто качался под его порывами. На минуту сами собой закрылись глаза, стало страшно — домик раскачивался всё сильнее на вершине одинокой скалы…

Я снова очнулся, окончательно. Вспомнились истории о Бродягах. Вспомнилось, как мечтал сам превратиться в такое вот странное существо, дом которого сегодня притулился у городской стены Скальной столицы — а на следующую ночь скользит в лунном свете над чёрной гладью лесного озера, чтобы ещё через сутки замереть на карнизе над пропастью неприступных гор. А

спать можно когда угодно, по желанию, чтобы не пропустить самое интересное — рассвет над заливом, или огромную луну холодных северных холмов, или слепой ливень и бешеную грозу над многоярусным лесом Телемаа…

А главное — вспомнил, что эта ночь — последняя в старом моём доме, где прожил всю коротенькую прежнюю жизнь с бабушкой и дедушкой. Вот рёва… сижу — а вода так и течёт по щекам… И не случилось же ничего плохого, наоборот — только замечательное… И дом никуда не денется, и бабушка с дедушкой в нём остаются, и я могу приходить, когда захочу, и вот так же буду спать на этом самом диванчике…

Только что-то подсказывает — всё изменится теперь гораздо сильнее, чем я могу представить. Время рванётся, как освобождённая пружина. И прошлое стремительно будет улетать куда-то во мглу, оставляя след неосуществлённых возможностей… и неизбывную тоску по иному выбору.

Но ничего уже не изменить. Потому что утром ждёт меня Нимо…

…Он тихо засмеялся, когда я рассказал про летучку.

— Мы делали её для тебя. Так долго и тщательно, наверное, не делалась ещё ни одна летучка на свете.

…Ветер просто взъярился! И это внизу, почти у самого подножия Холма. А что творится на вершине? Что чувствует Нимо? Не страшно ему там, в башне?

Я понял, что не смогу ждать утра. Бабушка с дедушкой уже всё знают — на самом деле, они знали многое ещё раньше, с самого начала… Конечно, они расстроятся, что я не попрощался, но расставание — это невыносимо ужасно, и я уверяю себя, что ухожу ненадолго, буду возвращаться почти каждый день.

Самое главное — написать такую записку…

И когда она была готова, когда я в третий или четвёртый раз перечитал, гадая, что же такое важное забыл написать… Он постучал в окно.

— Залезешь? Давай руку!

Он помотал головой.

— Нет. Боюсь. Мне нехорошо, что я тебя увожу…

Опять эта вода в глазах, бесы болотные! Я прыгнул к нему. Нарочно не взял ничего из вещей.

— Я уже написал записку. Будто знал… Ты пришёл… что-нибудь случилось?

— Да. Но хорошее. Они прилетели на грозе… а до рассвета хотят убраться из города, чтобы люди не сплетничали.

— Бродяги?! — захватило дух. — А что им сплетни? И всё равно кто-нибудь увидит.

— Ну, так это ночью. Ночью вроде как пускай видят, всё по легендам…

Ночные улицы светятся, будто камни домов и мостовая — это соты, наполненные особенным, лунным мёдом. Мёд истекает, сочится отовсюду золотистым сиянием. Я остановился, мазнул по арке моста кончиками пальцев — вдруг и правда лунный мёд останется на них?

Нимо как-то по-птичьи замер — попытался угадать, что я сделал. Я не сдержался, дотронулся ладонью до его щеки. Фыркнул. Нимо сперва улыбнулся, потом тоже протянул ладонь. Я закрыл глаза.

— Давай побежим! — выдохнул он. — Я сто лет не бегал.

— А… как ты…

Он сжал мою ладонь:

— Я буду твоим ветром! — И засмеялся.

Как мы бежали! Кажется, ни разу так не бегал — улица тянется всё вверх и вверх, но будто и вправду ветер поднимает нас, так что я даже оглянулся — на самом деле мы бежим к вершине, или что-то неладное творится с дорогой?

Остановились. Нимо вскинул лицо, повернулся на пятке, будто оглядывался. Глаза его были широко раскрыты.

— Что, Нимо?

— Просто. Здорово…

— А я забыл летучку. Растяпа… Возвращаться?

— Да не нужно. Сегодня обойдёмся, а можем взять в башнях другую.

Во дворе башни горел костёр. А возле него, спиною к калитке, замерла тёмная, согнутая фигурка. Я нерешительно стал, сжал пальцы Нимо — спрашивать боязно, вдруг услышит.

Нимо потянулся вперёд, будто принюхался.

— Это Филька. Кивач, наверно, с Ниньо.

Фигурка шевельнулась, чуть повернула голову. Огонь точно сдвинулся в сторону, осветил её — Филька оказалась девчонкой. Как я это понял — неясно: Филька с ног до головы куталась в мешковатую куртку с чужого плеча, короткие волосы торчали во все стороны.

Бродяги казались мне тогда самыми загадочными существами в мире. Даже волшебный Нимо, последний ветряной маг со сказочных Островов — он вот он, настоящий и тёплый, его пальцы чуть дрогнули, точно в ответ на мои мысли. И не верится,

что всего неделю назад я понятия не имел, что Нимо существует на свете. Проще думать, будто он невидимкой сопровождал меня во всех играх и снах. Может, он подглядывал за мною в какой-нибудь магический кристалл? Он знал обо мне… давно. Спросить? Только, конечно, не теперь…

Филька разглядывала меня долго и подозрительно. Лицо у неё и верно какое-то совиное — высоко поднятые, изогнутые брови, и глаза в отсветах костра почти круглые.

— Интересно, — сказала она хрипло.

О Бродягах рассказал мне Нимо. В ту же ночь, перед рассветом, когда мы забрались на плот из заморского тэллио. С виду самый обычный, десяток тяжеленных на вид плах, и на них — шалаш. Наши плоты — речные, правда, — делают из кругляша, а тут брёвна вдоль распилены и как-то очень аккуратно обтёсаны. Я украдкой поколупал одно — твердокаменное, будто морёное!

Филька унесла в шалаш тюки с товаром: иголки-нитки всякие, хозяйственная мелочь для своих. Да стопку книг в кожаном мешке — Филька, оказывается, и сама любила истории всякие, и другие Бродяги почитать были не прочь.

Тихо-тихо поднимался плот. Я и не заметил, как оторвался он от земли — ветерок прохладный повеял, заколыхались ветки кустов, качнулись тени, и в груди стало как-то легко и свежо, и я засмотрелся на облако, ползущее к луне узкой и длинной призрачной полоской.

А потом темные, шелестящие волны полетели мне навстречу и скользнули вниз, а я думал, что это сам я лечу в коротком, кружащем голову преддверии сна…

— …Бродяги — это наш народ, с Островов.

Мы с Нимо уселись на краю плота. В шалашике светился огонёк: Филька «обнюхивала» добычу — книги. Кивач, наверное, уже задремал.

— После Волны уцелели немногие. На Совете, если не путаю, говорили, что за Большой круг отвели около ста двадцати кораблей. Половина из них — воздушные, да ещё кто-то захотел снарядить лодки сам — чтобы взять скарба побольше. На обычные корабли взяли по сто пятьдесят человек, считая двоих детей до четырнадцати лет за одного взрослого. На воздушные — от семидесяти до ста. Считалось, что загрузка вполне терпимая… Да только недооценили, какой силы будет удар Волны…

Из тех, что пошли морем, нашего берега не достиг никто. Впрочем, я слышал, будто часть кораблей направились на запад — но мы не знали, есть ли там какая-нибудь земля. Даже в самых древних книгах — никаких внятных свидетельств.

Сколько кораблей уцелело — неизвестно. Потому что выжившие разделились. Одни собрались вместе, чтобы решить, как быть дальше, их оказалось тысячи полторы. Избрали новый Совет, расселились по городам под видом беженцев с Севера, потому что на Совете решили держать в тайне, откуда мы на самом деле, чтобы местные не озлобились и не стали мстить — ведь это наши Золотые разбудили Огонь, породивший Волну.

Больше всего людей с Островов осталось в Скальной столице. Там же собирался и Совет, тайно. Вначале прятали уцелевшие корабли, боялись, что местные узнают правду. На них стали летать снова, только когда с предгорий потянулись добытчики с обломками. Сперва обломки считались просто диковинками, потом узнали их летучие свойства, и местные построили первые «новоделы». Летать-то мы летали, да совсем не так, как на Островах. Истинных ветряных магов почти не осталось — кто-то погиб; двое, говорят, сошли с ума от безумия стихии… Уцелели я и ещё четверо, принимавших лебеа. Я в то время вообще ничего знал о них. Другие маги очень скоро перестали видеть, и что с ними стало потом — Троготт так и не признался. Он не глава нового Совета, но я подозреваю — тайно манипулирует им. Я в то время не задумывался о таких вещах… — Нимо замолчал, будто поперхнувшись. — У меня тогда оказался запас стэнции на много лет. И я не знал, что у других она закончилась раньше.

Нимо стискивал мою ладонь. Я опустил взгляд, от неподвижных, чуть мерцающих звёзд — к земле. Горизонт надвигался на нас пугающе стремительно. Мир поворачивался, словно вал шарманки, покачивался, и мне стало страшно, лунный свет на миг исказил видимое, тёмное сделалось светлым, и наоборот, как на картинках мастера светописи Керентари…

Удивительно, что ветер не рвал нам волосы и рубахи. Он был лёгким, каким-то… будто растворяющим в себе, протекал сквозь тело, оставляя приятное покалывание, как от пузырьков ледяного кваса на языке.

Нимо повернулся ко мне. Глаза его были прищурены, казалось, он вглядывается вдаль. И тут он вздрогнул, разжал ладонь. Как будто видения из прошлого потеряли над ним власть, рассеялись, как обрывается грёза от внезапного звука.

Горячая волна воздуха, поднимавшегося с холмов, окатила нас. Ветер, с которым мы летели, умчался вверх, а плот заскользил дальше со скоростью лошади, бегущей рысью.

Я мучился, не знал, что сказать Нимо. Обычные слова, что он не виноват, даже если подозрения верны… Но для Нимо нужны слова другие, особенные. Такие, которых он ещё не повторял себе сам тысячу раз за эти времена. Я должен их найти, раз уж выпало

такое волшебное счастье — летать с ним, самым волшебным мальчиком на свете…

Но я не успел.

— Прости, — сказал Нимо. — Я первый раз это рассказываю, потому и раскис. Когда думал о тебе, обещал, что не стану сразу вываливать всякие страсти… а вот взял и выговорился! — Он улыбнулся. — Считается, мы, Ветряные, не умеем дружить. Слишком упиваемся своими переживаниями Воздуха, полёта. И мало замечаем, что творится с другими людьми. Поэтому я боялся… в тот раз, в саду. И сейчас. И раньше. Нормальный человек задумался бы обо всём вовремя. И о том, куда подевались остальные ветряные маги, и что происходит с запасами стэнции, и ещё о многих, многих других вещах. У меня ведь была тысяча поводов насторожиться. Теперь даже непонятно — на самом деле я такой раззява, или все эти мысли приходили в голову, да я отмахивался, откладывал трудные и неприятные загадки «на потом»? А в конце концов вместо того, чтобы разрубить узел, поговорить с Троготтом начистоту — взял да и сбежал к Бродягам.

Бродягами стали те, кого Волною забросило за Костяной хребет. Их разбросало по лесам и скалам, корабли почти все разбились, и восстановить хотя бы один так, чтобы он по-прежнему мог чувствовать воздух и ветряного мага — не сумели. Там, за Хребтом, людей встретить трудно, редкие охотники за диковинными зверями и горными самоцветами да полудикие племена, городов нет и в помине, нет ни мастерских, ни езжих дорог. Кто выжил — долго скитались, переделав остатки кораблей в «летучие дома» и плоты. Летают они, конечно, еле-еле, и самые первые могли подняться в воздух только с холма, при ветре. Но и то хорошо, иначе Бродяги просто не выжили бы.

Позже кто-то из них с помощью пещерных шаманов усилил летучие свойства тэллио. Если я верно понял, их заклинания дали частям кораблей снова «почувствовать» себя единым целым; тем, что когда-то летало и жило ветром.

И «дома» и плотики Бродяг поднимались в воздух даже при тихой погоде и без ветряных магов. Правда, кое без чего им всё-таки не обойтись — этакая путевая песенка, для постороннего она прозвучит то ли гудением, то ли свистом, то ли бормотанием — словно ветер играет в снастях…

Бродяги решили скрываться от людей. Не только от жителей королевства, но и от нас, тех, кто прижился на побережье. Они хотели оставаться самими собой, а если бы смешались с местными — скоро исчезли бы, лишились остатков тэллио и надежд на возвращение. Нас они избегали, потому что считали

Совет и магов виновниками катастрофы. Они не хотели быть втянутыми в новые интриги нового Совета, не желали больше жить по указке магов. Вот так они и стали таинственными и скрытными Бродягами. — Нимо грустно улыбнулся.

— А ты? Они же приняли тебя…

— Наверно, просто пожалели. Во-первых. Я сам тогда стал почти бродягой — убегал в отчаянии, куда глаза глядят. Во-вторых, в то время у них ещё не получалось по-настоящему летать на обломках тэллио, а во мне они увидели как будто осколок давней, потерянной светлой жизни — с Небом и Воздухом. Ну… и самое главное… наверное, они поверили мне… поверили, что я не собираюсь указывать им, как жить, выдавать их тайны Совету или людям из королевства. Ветряные маги всегда чурались власти и интриг, и Бродяги помнят это.

Давно растаяли позади последние огоньки городов. Лесистые холмы внизу темнели жутко и недоступно, а мне хотелось опуститься ниже, лететь над самыми верхушками древних дубов и сосен, трогать пятками ветки, заглядывать в чёрные двери таинственных троп.

В другой раз — непременно! — подумал я. Когда мы с Нимо останемся вдвоём, улетим в леса на много-много дней!

Небо светлело, начинался рассвет, а мы летели почти прямо в его середину. Путь к солнцу загораживали высоченные гряды гор. Леса внезапно кончились, скалы чернели неприступно, а ещё дальше и выше они седели от снега и льда. Внизу под нами сгустился туман, перекатывался волнами, порою дотягивался до плотика, и мои ноги исчезали в белесом киселе так, точно их и не было вовсе. Я наклонялся и черпал туман горстью…

— Дай мне! — смеялся Нимо, угадывая все мои движения. Я подносил к его губам хлопья тумана, он делал вид, будто пьёт — или правда пил их. Глаза его сияли.

— Скоро прилетим.

— А… где?

— Ещё чуть-чуть. Увидишь!

Он снова сжал мне ладонь — горная стена распалась надвое, впереди открылась Чёрная Щель — легендарное ущелье, о котором я слышал сказки и истории, но не помнил, чтобы в этих историях кто-то из обыкновенных людей долетал или доходил туда. Дорога к Щели была неизвестна штурманам воздушных кораблей, её не наносили на карты, а увидеть само ущелье можно было, лишь очутившись рядом.

Сердце заколотилось, как сумасшедшее, и куда-то делось —

плот нырнул в Щель, тишина надавила, отвесные скалы, чёрный камень и лёд, слева и справа, впереди и сзади, внизу и вверху… И вдруг — прямо в лицо вспыхнуло встающее солнце!

Отражённое от мириад кристалликов льда, окружённое сияющими полями тумана.

Я обнял Нимо — как же хотелось, чтобы он видел!

Он улыбнулся:

— Я вижу, Аль. ЭТО я вижу.

Позади на цыпочках, раскинув руки, стояла Филька. Она показалась мне птицей, странной и небывалой, длинноногой, заколдованной… Птица, превращённая в девочку… или даже не птица — какое-то другое создание, из дальних-предальних краёв, о котором у нас не придумали и сказки.

Древний Кивач тоже выбрался из шалаша и монотонно качал большой головой.

* * *

Домики Бродяг почти всегда маленькие. Но в них не тесно — у Бродяг мало мебели, и вещи только самые необходимые. То, что может потребоваться в любой момент. Ни запасов еды, ни лишней одежды. Не говоря уже обо всяких там коврах, столах или стульях. Спят они в гамаках, на полу или на низких полках у стен. Запасы у них имеются, но прихованы в тайниках — пещерах, лесных землянках.

— Большой дом летать будет худо-бедно. А налетит шквал, гроза — беда! — говорил Порень. — Тогда с ним сладу нет, понесёт неуклюжего, как траву перекати-поле.

В оконных рамах среди стёкол вставлены зеркала — блеском сигналы подавать. Домик будто оживает, чуть вздрагивая, когда встаёшь на порожек: вместо фундамента под полом — гнутые планки, чтобы мягче касаться земли. Раньше дома строили прямо на плотах, без всяких смягчителей. Старики по-прежнему в них живут, не любят, когда дом «шевелится». Ворчат: «Ежели летишь, так лети, а стоишь — так стой!»

Горная долина прячется в тумане. Он плотный, когда глядишь с вышины, и сияет под солнцем. Кое-где из тумана торчат скальные пики. Разглядеть домики непросто, я заметил только два, и те по блеску зеркал. Нимо говорит, обычно домиков тут не меньше десяти бывает одновременно — одни возвращаются из странствий, другие снимаются с места, отправляются в неизведанные края. Но есть и такие, которые не отрывались от земли много-много лет. «Приросли», как сами

Бродяги шутят.

— Ты чувствуешь? — тихо спросил Нимо. — Они все там, внизу, в тумане.

— Кто — «они»?

— Дети. Катаются на «летучках» со скал.

— В тумане?! — Я передёрнулся. — Ни за что не решился бы… Ведь там же… ничего не видно.

— Ниже туман не такой сплошной, как кажется. И воздух от капелек воды становится гуще, летучки движутся в нём чуть-чуть иначе — ты легко поворачиваешь, доска слушается мгновенно. Небольшие трещины и уступы не опасны, воздух тебя как бы сам отталкивает, главное — смотреть внимательно, держать в голове примерную картинку того места, где летишь.

— Держать в голове! — фыркнул я. — Всё равно — они тут все сумасшедшие.

Нимо виновато улыбнулся. Я почуял неладное, оглянулся на Фильку — она возилась с неуклюжей на вид, грубо обструганной летучкой. В её летучку были вдеты кожаные петли для ног — вроде как на лыжах. А ещё там были углубления — тоже по форме ступни.

— У нас Городе так не делают…

— Ну да, — откликнулась Филька. — У вас в Городе с летучками бегают с холма. А у нас на них летают. Иногда — вверх тормашками. — Она вынула из кармана какую-то хитрую штуковину величиной с ладонь — металлическую дужку, к концам которой была прикреплена катушка с намотанной бечёвкой. Один конец бечёвки, с крошечным карабином на нём, Филька прицепила к вделанному в середине доски кольцу. Встав на летучку, Филька размотала бечёвку, пока та не натянулась.

— Вот так на ней можно летать стоя, и хоть кувыркайся — она никуда из-под тебя не денется. Готово. Держи.

Я решил, будто она мне предлагает. Сердце ёкнуло — она что, думает, я туда прыгну?!

— Аль, я недолго, — шепнул Нимо. Стремительно шагнул на летучку — и исчез, метнулся в туман, легко и бесшумно, словно солнечный зайчик.

— Нимо… — Я подбежал к краю. Колени тряслись.

— Не дури. — Филька дёрнула меня за локоть. — Ничего с ним не сделается. Ему даже и летучка бы эта на фиг сдалась, он же тут всех летать учил. Уже тогда почти не видел ничего. Просто не хочет, чтоб малышня завидовала и сама без летучки сигать пробовала. Счас, окунётся в туман, воздухом ущелий подышит — и назад. Соскучился…

Увидев однажды закат в Авалиндэ — навсегда потеряешь покой, жить не захочется без того, чтобы возвращаться снова и снова в эту страну среди гор, Страну Облаков и Туманов, Авалиндэ — назвал её кто-то на древнем и почти позабытом языке Островов. Недаром она восхитила скитальцев бездомных — у них, на утраченной родине, таких не видали чудес, и лишь красота Авалиндэ, зыбкая, нежная, небесная — хоть как-то могла утишить боль потерь…

Все старики и кое-кто из детей собрались в Островерхом доме — самом большом доме Бродяг, который, как говорят, не поднимался в небо уже лет сто. Островерхий дом, полтора века назад перестроенный из разбившейся на Костяном хребте «Плясуньи», с великим риском провёл в Авалиндэ последний из островных корабельных мастеров Риммин.

Взрослых было мало — не так легко созвать добытчиков из разных уголков земли.

Вначале была Песня. Её пели и старики и дети на древнем языке Островов. Нимо потом рассказал, о чём в ней пелось.

— Я сам плохо понимаю этот язык. Только самые основные слова. Да и Бродяги тоже… Многие поют, зная только смысл фраз. А сами составить из слов новую историю уже не сумеют. Боюсь… — Он потупился. — Из тех, кого я знаю, хорошо владеет древним языком один Троготт… Правда, и Ниньо успел что-то выучить…

— Нимо… а почему ты именно здесь немного видишь?

— Точно не знаю. Троготт, может, и разгадал бы, но я не хочу ему говорить. Порень думает, дело в свойствах света, отражённого от мириад капелек воды. Или в сочетании этих свойств с высотой. Может, я так сильно полюбил эту долину, запомнил её тогда, в самый первый раз… а сейчас сила этих образов как-то «включает» зрение…

Внезапно все люди в доме встали. Встал и Нимо, потянув меня. Я испугался чего-то. Выступил вперёд Порень.

— Не будем долго говорить. Нашего Нимо вы все знаете. Теперь он привёл к нам своего… друга. Его имя — Альт. Он пока юн и неопытен, но по крови он — истинный алвэ и слышит голос Воздуха. Мы передадим ему знания, посвятим его в наши чаяния, ибо он — последний ветряной маг, и других, наверное, не будет, а Дар лебеа им не может быть принят, раз мы так и не сумели найти замену стэнции…

Кажется, я не дышал. Что творится?! Они думают, что я — маг? А я — ничего не знаю, ничего не умею… Нимо! Нимо…

Он сжал мою ладонь и как-то очень озорно улыбнулся.

Порень обращался уже ко мне:

— Никто из нас не потребует от тебя ничего такого, чего ты сам не пожелаешь сделать, Альт. Так было всегда — ветряные маги неподвластны воле людей, они — с Небом. Мы можем лишь дать тебе то, чем владеем, и надеяться, что ты распорядишься этим славно. Послушай нас. Мечтаем мы только об одном — вернуться на Острова, если от них остался хотя бы крошечный кусочек суши, пригодный для жизни. К сожалению, даже дивный Нимо не сможет провести остатки кораблей один. Лететь нужно много дней и ночей. Нужно много сил. Но если ты не решишься, мы не упрекнём тебя даже в мыслях. Последний ветряной маг Альт всегда будет нашим другом.

* * *

Брэндли родился через полтора года после Смертной Засухи, когда пропадали родники и ручьи, на Болотах исчезли комары, люди и водяники со страхом провожали глазами раскалённое солнце, тускло-красное от повисшей в воздухе пыли и пепла от пожаров. Тогда ночами было жарче, чем в летние дни других лет. Погибала пшеница, фруктовые деревья, уже в июне зелень холмов потускнела, а в июле листва на деревьях пожухла, травы стали сухими, изжёлта-серыми. А зной и засуха не думали кончаться.

Чёрный Гнилень на личном Его Величества корабле прибыл в Скальную Столицу для совещаний.

Возвратился недовольным.

— Делами заправляют бездельники и жульё. Они пытаются за счёт казны обстряпать свои делишки. Никто не захотел опустошить собственные сундуки с сокровищами, зато каждый знает, что нужно сделать на деньги других.

— Так что же они хотели от тебя, хозяин? — спрашивал распорядитель Дома на Буграх Хребетник.

— А чего они могли хотеть? Думали, я скажу тайное слово, наполнятся русла, закипят родники… Два часа я втолковывал этим безмозглым, что призвать воду можно, когда она есть! Так они захотели — ты поверишь?! — направить солёную воду Океана вспять, в пересохшие русла. Ещё два часа я объяснял им, что станется с их полями после этого… даже если бы я был властен над Океаном — но я не властен… Тогда они решили, что с меня не будет толку, и выпроводили восвояси, только уже не на королевском корабле, а предложив добираться, как знаю… Толстосумы, небось, решили, что я тайно торгую водой и

наживаюсь на засухе.

— Что же мы будем делать, хозяин?

— Я знаю, что я буду делать. Мне не нужен король с его Советом, теперь и я им не нужен, мы свободны друг от друга, так сказать. Передай Скоре, пусть соберет мою путевую суму, да чтоб не болтал лишнего никто! Я отправлюсь к ведьмам.

Хребетник прижал ладони к щекам, выпучил глаза:

— Их так давно не видели у Болот, хозяин! Как же…

— Это моё дело! — Гнилень потемнел лицом — сам распорядитель его таким не видел… лет полста. Недаром, значит, старейшего Хлюпастого прозвали «Чёрным».

…За границей Болот Гнилень вышел на дорогу. Широкая, торная — и пустая. Обезлюдевшими казались деревни, мужики подались кто куда — добывать пропитание. Охотой — в леса, рыбачить — к морю, разбоем — ближе к городам.

Гнилень семь раз заходил во дворы, пока не нашёл нужное. Хозяйка, изможденная голодом и жаждой, ждала смерть. Молодая или старая, не понять; лежала на лавке, еле слышно бормоча. Двое детей — близнецы лет десяти, мальчик и девочка, — прятались в углу, таращили на гостя глазищи.

Водяной присел перед умирающей. Положил холодную ладонь ей на лоб. Сознание женщины прояснилось.

— Чего тебе, гость?.. Дети… живы?

— Живы пока.

Она заплакала.

— Заберу их. Согласна ты?

— Всё равно… Дай попрощаться с ними… нет, не надо… пусть не видят… Отца прибили на их глазах за курицу… не надо.

Гнилень кивнул. Достал флягу.

— На, попей.

Костлявая рука дёрнулась, блеснул огонь в глазах…

— Нет… детям дай!

— Детям хватит. Пей напоследок.

Она пила жадно, как безумная, сотрясаясь всем телом. Фляга опустела. Женщина преобразилась — умиротворение разгладило её лицо, оно стало красивым и молодым; смотрела куда-то вверх. Глубоко вздохнула и закрыла глаза.

— Пусть примет тебя Вода! — проговорил Гнилень. Повернулся к близнецам, достал ещё одну флягу. — Пейте! Это вам.

Они боялись. Очень-очень боялись. Тянули шеи, тоненькие, как у птиц. Жались друг к дружку. Но пить хотелось сильнее. Девочка протянула руку. Гнилень из под бровей-кустов наблюдал.

Глоток… борется мучительно… ещё глоток… передала флягу мальчику. У того так тряслись руки, что флягу едва не выронил. Тоже отпил дважды, отдал флягу сестре.

Они пили долго. Гнилень знал, что воды хватит напиться вдоволь, но самим детям фляга казалась совсем маленькой.

— Как хорошо! — прошептал мальчик.

— Останетесь тут одни — умрёте, — сказал Гнилень. Дети вздохнули разом и посмотрели на мать. — Ещё хуже. По деревням сейчас ходят бандиты. Озверели от голода, убивают и жрут всё живое… даже детей.

Водяной не лгал. На королевском Совете говорили и о таких случаях.

Всё шло по-задуманному. Дети согласились идти с ним. Гнилень собирался было выходить немедленно — благо, вода из Лунного колодца давала удивительную силу, и близнецы вовсе не казались теперь погибающими птенчиками — версты три отшагают, а там ночной воздух утишит и горе…

Но потом решил-таки переночевать в доме. За ночь детишки окончательно поправятся, к ведьмам явятся свежими, надо будет не пожалеть воды, умыть… Лишь бы не хныкали. Гнилень недолюбливал человековских детей — сколько их видел, те вечно были когда злы, когда чрезмерно вертлявы, когда плаксивы, когда смешливы бессмысленно.

Эти, понятное дело, тоже намочили слезами подушку перед тем, как уснуть. Но — тихо-тихо, невнимательный и не заметил бы. Забылись, обнявшись, дышали почти неслышно.

Роскошный подарок, подумал Гнилень. Главное — докончить дело с умом, чтоб не заныли напоследок, не раздумали. Смысл Дара в том и есть, что они по своей воле отдаются. Хороши, хороши… За таких и просить не придётся, сами ведьмы ещё попросят… Водяной усмехнулся. Всё поглядывал на приоткрытые рты, на прядки волос на лбу — мальчишка вспотел, прядки слиплись. А девчонка пальцами шевелит во сне — забавно.

Может, перебьются? Демоны туманные, если как следует попросить — небось, не откажут и без подарка… А с другой стороны — ну, оставить их здесь, ну, даже в город отвести, в приют сдать — так и что? Там, небось, таких-то своих хватает — все милы, пока спят, а проснутся — есть просят, а кто в такую-то годину приютским хлеба подаст?

А вырастут… Ну, пойдут работать с зари до зари. Отупеют, одрябнут. Вся и разница — звери под кустами детей плодят, а люди в доминах своих плодятся. Плодятся, носятся в суетных заботах да ссорах — и мрут бесследно.

Заберут их ведьмы — может, оно и лучше. Все их мечты,

радости, память детская — сохранятся. Перейдут в уголок ведьминского сознания, да и будут там тихо жить. Может, тыщу лет, может, дольше… Говорят, ведьмы порой достают эти кусочки из тайников своих душ, на время превращаясь в тех, кого поглотили…

Что теперь жалеть — кабы поступать иначе, так матери ихней жизнь сохранять. А куда они — без матери? Ясно, к ведьмам. Роскошный дар, даже слишком.

* * *

Тропинка на дне ущелья вела вниз который час пути. Неприметная, между валунов, осыпей, трещин и колючих кустиков хредды. Последние версты Гнилень особенно внимательно приглядывал за близнецами — чтоб не расцарапались, не подвернули ногу, не свалились куда в конце концов. Приводить их в порядок уже некогда будет — логово Ха близко. Гнилень чуял растворённый в воздухе дымок менки — колдовской травы, которой ведьмы окуривают свои норы.

Несколько раз водяной даже переносил детишек на себе через самые опасные места. Близнецы вели себя на диво ладно — не ныли, не докучали расспросами и болтовнёй. Послушно обхватывали Гниленя за шею, когда приходилось тащить на закорках. И так же честно, как в первый раз, делились друг с дружком водой.

Скверно у Гниленя было на сердце. Щемило оно.

Большая Ха, как обычно, появилась внезапно, бесшумно выступив из клочка тумана.

Гнилень встал, как обычно, попытался смотреть древней ведьме в глаза, как обычно, не смог. Нету у неё глаз, нету. Одна белесая мгла в бездонных провалах.

— Ветра дождевого пришёл просить, чёрт болотный? — усмехнулась она. — Охота была ноги мять, прислал бы птицу, или ручьём подземным…

— Так вернее будет. Я с подарком к тебе…

— С подарком? — Ведьма будто удивилась, махнула взглядом по захолонувшим от страха близнецам. — Твои, что ль? Сам растил, пестовал?

— Кончай уж придуриваться, земля там гибнет, птицы мрут, из колодцев вода ушла.

Ведьма затряслась, захихикала.

— Веди назад бедняжек, не возьму их. И просьбу твою не

исполню.

— Чего?! Ты чего, думаешь, я погулять сюда шёл? Что нашло на тебя, ведьма?!

— А не могу я тебе нужный ветер призвать, водяничек. Сил моих на то нету, ясно тебе?

— Такого… я не припомню… — проскрипел Гнилень.

— То-то же. Не моя прихоть — а сидит там у вас в долинах человек — не человек, маг ветряной кличется. Существо из-за моря, чужое. И хочется ему сухих да горячих ветров, чтобы летать побольше. Глупышка ещё, хоть и лет ему как будто немало. Не знал у себя там, на острове посреди океана, засух горючих-горьких. Бед людских не знает. Даже и связать не пробует желания свои с тем, что людям они несут. Всё себе летает… А сказать ему некому — люди-то про него не ведают, даже королю о нём ничего не нашептали. Что королю — вон, ты, старый водяник, рот как раскрыл! Я сама хотела мальчишку навестить, да тяжеловата сейчас на подъём, в сушь такую. А тебе как раз — возвращайся, разыщи, вразуми… — Большая Ха опять хихикнула. — Если сумеешь.

Стоит Гнилень, думает. Слишком странно всё. Ведьма ухмыляется вроде — но взгляд пустых глаз изморный, не отпускает. Чего-то ждёт. Водяной близнецов за плечи ухватил и за спину себе спрятал — мало ли.

— А ведь наследника у тебя до сих пор нет. Достойного… — прошептала вдруг Ха. Гнилень вздрогнул. К чему она? Хотел сказать: есть, мол, наследник, а что не в отца, хваткой и силой не вышел — так какое же её, ведьминское, до того дело?

— К чему тебе мои наследники? Поправить хочешь? Разве у ведьм с водяными потомство бывало? — усмехнулся. — Да и не смогу я с тобой сойтись, больно глаза у тебя черны… — Молвил и пожалел. Никогда ещё и никто не осмеливался ведьме, да ещё Древней, о глазах её так, в лицо сказать.

Но не рассердилась.

— Ты мне по душе, водяник. Мало с кем я дела вести снисходила. С тобою — ничего, можно. Столкуемся, как человечьи купцы говорят… Я тебе наследником обзавестись помогу, самая пора… Идите-ка, детки, сюда, идите, не бойтесь… — И сама шагнула, и двумя руками потянула к себе близнецов.

— Стой, ведьма! Не дам их, стой, отпусти!

— Да не шебуршись, дурной, зря малышей напугаешь. Не выпью их. Как лучше всё устрою.

Отпрянул Гнилень, сел на валун обессилено. Взяла Большая Ха девочку за плечи, притянула ближе, глаза в глаза смотрит…

Девочка не противится, приоткрыла рот. Долго так стояли. Мальчик от переживания Гниленю руку стиснул — человеку до синяка стало бы.

Девчонка отступила, замигала. Завертела головой растерянно — будто проснулась. Брат кинулся к ней, да ведьма его перехватила…

…— Дала я им столько, сколько могли они принять — чтобы только собою остаться. Думаешь, ведьмы лишь брать умеют? Правильно, которые попроще да поплоше. А мне уже и брать незачем, водяник; то, что накоплено, переполняет, не разорвало бы… Идите, детки, сюда… Опомнились? — Те кивнули. Рука в руке, взглянули друг на друга удивлённо, словно новыми глазами увидели.

— Идите теперь под тот куст, там и травка зазеленела, густая да мягкая. Никто вас не потревожит… А ты, — посмотрела Большая Ха человечьими глазами на водяного. — Ко мне иди, чёрт болотный…

* * *

— А теперь слушай. Подрастут они — уже не много времени ждать, год либо два, — не мешай им быть вместе. Появятся у девчонки близнецы… всё хорошо пройдёт, не дёргайся, я позабочусь! Девочка, что родится, моя будет, не пугайся, окажется страшненькой. Мальчишка — водяник будет, настоящий, чистокровный, твоего рода, даже сомнений не держи. Хоть сыном себе считай, хоть внуком, то уже твоя забота. В своё время утешение в нём найдёшь. И этих деток не забывай, нельзя их в человековскую клоаку выгонять, особенные теперь они, хоть чуть-чуть, а всё-таки наши.

* * *

Долго разыскивал Гнилень чужака — загадочного ветряного мага. Те, что при воздушных кораблях состояли — не о них речь у ведьмы шла, водяной сразу вник. Обычные заклинатели, не маги никакие, так, чуть-чуть шаманы, чуть-чуть обманщики. Ясно, прячется где-то народ с легендарных Островов — да больно хорошо прячется! Тщетно потратил два дня старший Хлюпастый на поиски в Скальной столице. Потом только догадался — не в столице надо высматривать. В Городе-на-Холме неведомые маги

воздвигли четыре башни полтора века тому назад, как раз после Волны. Для защиты, дескать, воздвигли. Но Гниленю в то верилось с трудом — чудное было в тех башнях колдовство. Непостижимое.

Близнецов — Тони и Тонику — с собой всюду брал. Домой, на Морхлые Болота, отсылать одних боялся. Да смех сказать, вовсе страшился хоть на час оставлять, даже и не потому, что поверил ведьме, но сам чуял эту связь — дивную, небывалую — словно сделались близнецы не то что его родными, а даже собственной его частью, такою важной, в которой смысл всей жизни.

Учил их — грамоте, истории всякие рассказывал, а когда выпадало удобное время (кому признаться — на смех подымут!), играл с ними как дитя малое. С сыном так не забавлялся, помнится.

Девчонка, Тоника, расцветала на глазах. Уже не скажешь, что лет десять ей, за неделю, считай, года два прибавил бы. Красавица такая стала, даже грудки как будто налились — или не замечал сперва… что и не диво, на кой ляд бы ему человечьих девчонок так разглядывать?

А тут — даже волнение в груди, кипит что-то, не поймёшь, нежность ли отцовская, томление ли мужское…

А Тони по-иному изменился. Такой же тоненький и по-детски круглолицый, но в глазах появилось что-то… нездешнее. Не от водяных, нет. Но словно видел он глазами своими странными иные горы и моря за горизонтом. И держался не по-обычному, не по-мальчишечьи — даже если играл либо смеялся, снаружи — забава, а глубоко внутри — какая-то умудрённость тысячелетняя, водяниковому уму непонятная.

Так Чёрный Гнилень — смешно сказать! — бывало взгляда этого робел. И тянулся к нему. Видел в мальчишке для себя недосягаемое, но такое большое, дивное, желанное.

В Городе-на-Холме меньше было примет великой засухи. Лица людей светлее, дети смеялись, бегали, на базарах продавали фрукты-овощи, хоть и мало, и дорого. Даже родники городские жили — малыши плескались у стишковых мостиков, городской достопримечательности. Наверное, в этих самых родниках и был источник благополучия — крестьяне со всей округи съезжались к ним за водой, на рассвете появлялись вереницы подвод с бочками. Вода в Городе по уставу оставалась бесплатной, но взамен Старший Часовщик обязал торгующих соблюдать цены на привозное — договорились на двойных против всегдашних.

…В то утро ребятня будто с ума посходила — столько топота, визга, смеха неслось с улицы. Даже Гнилень был растерян.

Близнецы с любопытством вертели головами, удивлённо переглядывались. Наконец Гнилень не выдержал, остановил важного бородача в алом вышитом жилете.

— Скажите, сударь, что тут сегодня затевается?

Тот, даром что шагал с озабоченным лицом, заулыбался.

— Так Карнавал Августа! Вечером ряженые выйдут на улицу, понесут фонари, представления начнутся. А с утра детишки с летучками прыгают с Майского Звона — он во-он там, видите, пестрит всё? Сводите своих-то обязательно, такое только у нас увидишь!

Ближе и громче музыка. Древний водяник растерянно вертит головой — такого не бывало, он больше себе не хозяин. Пронзительные, вскрикивающие звуки тянут, рвут, вертят, как хотят. Он пойдёт, куда позовут. Яркие рубашки детей — или это флажки? Лица мелькают, как сны в утреннем забытьи. Глаза смеются, тормошат, спешат, волнуются. Сбивчивое, горячее дыхание. Никогда бы не поверил, что куча человековских детей, толкущихся вокруг, так околдовать способна…

Тони и Тоника рвутся, будто птички на привязи. Робость и необычность Карнавала заставляют их жаться к водянику. Но музыка и свет в глазах встречных тянут, вот-вот оторвут.

Карнавал ещё не начинался, а на улицах столько удивительного! Вон идёт — не идёт, плывёт! — женщина, а на ней пёстрых одежд столько, что сорви их ветер — разукрасится вся улица. На голове — башня волос, в которые вплетены цветы. А на плечах — большие красно-синие птицы. Птицы временами выкрикивают что-то странными, хриплыми голосами.

…Едет повозка, а на повозке — гранёный, сверкающий шар из хрусталя, а возле шара сидит старуха и пускает синий дым — изо рта, из ноздрей, из ушей даже. Кольца дыма разлетаются и плывут над улицей, не тают.

…Шагает великан, да не простой великан — гора мускулов, а перед ним семенит карлик с барабаном; с невероятной, чудесной быстротой мелькают ручки-палочки, дробь барабанная околдует, уведёт кого угодно.

…Тоненькая девочка в лиловом трико с блёстками бежит, встав на обруч, кажется, такая лёгкая, что случайным вздохом её унесёт, как семечко-пушинку…

И вдруг, как ветром опахнуло — толпа на улице в стороны раздалась, ахнула. Кто-то завизжал, кто-то вскрикнул. Мальчишка позади завопил пронзительно:

— Улька летит, во, психа, во даёт!

Улица поднималась впереди всё круче, и над домами в сотне шагов от водяника вздымались две башенки, а меж ними, аркой

— ажурный лёгкий мостик. С этого-то мостика и спрыгнул паренёк. Спрыгнув, присел в падении, обеими руками вцепившись в досочку, которую ухитрился подвести себе под ноги. Да не упал, заскользил над головами, едва не задевая макушки. Уже пронёсшись дальше вдоль улицы вниз, он выпрямился на подрагивающих ногах, пролетел стоя — и снова присел, лихо повернул, чуть не зацепив угол дома, и спрыгнул, и пробежал по мостовой — а под конец всё-таки споткнулся, приложился коленкой.

Толпа ахнула, кто-то кинулся поднимать, но Улька встал сам, пошагал, сияющий и гордый.

Гнилень, почувствовавший, как вздрогнул Тони, когда Улька упал, теперь сам выдохнул облегчённо. Надо ж, как зацепило…

— Во даёт Улька, во бесовка, теперь летучку у неё небось до весны отнимут! — балабонил рядом пацан.

Девчонка, удивился Гнилень. Слыхал он когда-то про эти затеи местной ребятни, слыхал, но своими глазами видел впервые. Хватает за душу, ничего не скажешь — вон, как у близнецов глазищи рассиялись!

И тут — мысль эта дикая, дурная… Нельзя рисковать близнецами, раз Ха сказала, что у них наследник водянику должен появиться. Нельзя… но как удержаться? Быть может, такой подарок искупит зло… Может, не всё искупит, но детишки, наверное, не знают, что мог бы Гнилень спасти их мать. Мог. Они-то не знают…

Ах, не рисковать бы… Но как не рисковать — если всё сбудется, как сказала Ха, то вот-вот утратят близнята детскую лёгкость, и тогда уже небо не для них. Почему так, Гнилень не знал.

Встряхнулся Хлюпастый, расправил плечи, вспомнив о том, кто он есть. Ухватил Тони и Тонику за ладошки.

— Идёмте! — сказал. И зашагали — быстро! — к ратуше.

Старший Часовщик как раз выходил на площадь. Гнилень его помнил. Упрямый старик, подумалось. Как бы ломаться не принялся.

Часовщик Гниленя тоже узнал. Обрадовался.

— Впервые у нас на Карнавале? Очень рады! А кто с вами?

— Это мои… приёмные дети. — Брови Часовщика взлетели: ну и дела! — Господин Старший Часовщик. У меня к вам большая просьба.

Старик насторожился — что-то больно официально. Не таков Хлюпастый…

— Нам нужны… Я хочу купить две эти… доски… на которых прыгают… летучки.

— Да ведь… день Карнавала же. Они все выданы. Их у магистрата в собственности всего пять штук, и не продаются они по закону.

Гнилень открыл было рот — что-то посулить, назвать чудовищную сумму, такую, чтобы Часовщик глаза вытаращил и отказать не смог, пригрозить, в конце концов… и не сказал ничего. Повернулся, увлекая за собой близнецов. Шагал решительно, пытаясь спрятать за этим растерянность. Он, хозяин Болот, глава древнего рода водяных — не знает, что делать. Он вообще не привык просить у людей, и тем более, никогда не делал этого дважды.

— Погодите… Погодите! Да постойте же-е! — Кто-то нахально дёрнул Гниленя за рукав. Чудной человек, скособоченный, угловатый, словно изломанный. А взгляд прячется, не даётся.

— Вам нужна доска-а… У меня одна-а есть. Одна-а… Но очень хорошая-а…

Что-то отвратительное было в человеке. Гнилень бы отказался. И не просто отказался — отшвырнул бы этого уродца, и в ручье бы поскорее ополоснулся, чтобы забыть.

Но время бежит. Он представил толкотню и сумасшедшие человековские очереди у мостиков. Его детям придётся промучиться там полдня, чтобы один раз попробовать прыгнуть. А ещё — предстоит искать этого ветряного мага!

— Где она есть? Это далеко?

— Сичас-сичас! Одну крошечную секундочку-у! — Человечина мигнул на них круглыми глазами, метнулся в сторону, исчез.

…Залитый солнечным светом луг на южной стороне холма. Далеко позади остались башни и стены, лестницы и мосты, яркие флаги на шпилях и звонкие голоса… Впрочем, голоса ветер порой доносит и сюда, обрывки чьих-то выкриков, а ещё — треск хлопушек, трели дудок, смех. Всё это растворяется в шелесте ветра и птичьем перекличьи — справа прячется овраг с рощей.

Неприятный провожатый крутится тут же — объясняет близнецам, как обращаться с летучкой. Гнилень с огромным облегчением избавился бы от него.

Тоника пробовала первой — ухватила летучку за петли, подняла над головой, побежала… И Гнилень каким-то чутьём сразу и ясно понял — не получится. Не полетит, не оторвутся ноги от земли. Какая-то тяжесть в её беге… или… не тяжесть — связь с землёю, близость к ней, женственность.

И тут водяник ошибся. Тоника тихонько вскрикнула, поджала

ноги — и скользила, скользила на усиливавшемся ветре.

Гнилень елё отвёл взгляд. Увидел Тони — какими отчаянными глазами смотрел тот на сестру. Потом встретил взгляд человечины-Одоринуса — так он, кажется, представлялся. Одоринус изменился. Глаза пронзительные, тёмные. Усмехнулся краем рта. И водяной как будто уловил его мысль: Тонике помогли…

Тони взял летучку, точно она была бабочкой. Большущей бабочкой, готовой вспорхнуть, рвущейся в небо — и надо было её удержать и не повредить хрупкие крылья.

Чуть оттолкнулся — заскользила под ногами трава. Свалилась одна сандалия, Тони смешно дёрнул ногой и сбросил вторую. Метёлки травы щекочут пятки — Гнилень так отчётливо себе представил. Тони не поднимался высоко, словно щекочущие прикосновения травы были необходимы ему для полёта так же, как ветер.

— Возможно, ваш мальчик сможет летать дольше и лучше, чем другие, — тихо проговорил Одоринус. — Мы учим этому детей в школе ветряных магов, в Лисипке. Подумайте об этом, господин. Но не затягивайте с решением, у него не так много времени, может быть, год. Потом… он перестанет летать, и никто не в силах будет это отменить.

* * *

Задули холодные ветра. Мы ушли в полдень, не взяли с собой ни еды, ни питья. Нимо услышал попутный ветер, схватил куртку, сказал, чтобы я тоже взял.

Мы стояли лицом к Свистящему перевалу. Понятно, Нимо что-то задумал. Ветер подталкивал в спины, солнце горячило плечи. Нимо взял меня за руку, прыгнул. Я не успел сообразить, что он делает — уступы и трещины замелькали под нами, понеслись мимо, бежать к вершине оказалось так легко, что я с тревогой подумал: что случится за перевалом — ветер нас просто швырнёт в небо! А мы… мы даже не взяли летучки!

Я крепче вцепился в ладонь Нимо. Перевал распахнул под нами чашу Диких лесов — бесконечные восточные склоны. Яркая зелень и пятна теней от облаков. Я невольно сжался, подогнул ноги, чувствуя, как тяжелею от страха. Обругал себя, но бесполезно. И тут увидел глаза Нимо — он поднырнул под меня и летел лицом вверх. Теперь Нимо взял меня за обе руки — и на миг я испугался ещё сильнее, ведь Нимо не видит, куда летит!

Ветер — мои глаза! — Он это прошептал, или я за него подумал, не знаю. Ветер прижал нас друг к другу, нос Нимо ткнулся мне в щёку, и стало смешно. И не страшно. Я вдруг понял, что даже если забудемся и налетим на скалы — мы не разобьёмся. Ветер отшвырнёт нас, как упругие мячики…

— А куда?..

— К ведьмам, — шепнул Нимо в самое ухо. Я вздрогнул и посмотрел Нимо в глаза. Он шутит? Сколько можно меня удивлять?! Кажется, у Нимо это будет получаться бесконечно.

Я и не понял, испугался или нет. Про ведьм я слышал только страшилки-сказки, но никто не видел ведьм взаправду. Никто из тех, кто рассказывал все эти истории.

— Ты знаешь ведьм?

Нимо долго молчал. Было так странно, что глаза его близко-близко. Видит он сейчас меня? В зрачках Нимо ослепительными точками отражалось солнце. В какой-то миг я потерялся в узорах серого и голубого — как будто к искорке-солнцу по синему небу всё летели и летели сизые облака — и падали в чёрную бесконечность зрачка.

И вдруг Нимо мигнул, показал мне язык и… исчез.

— Тебе уже не страшно. — Он всё ещё держал меня за руку, но летел рядом, а подо мною трепетал только ветер.

— Только не бросай меня совсем!

Он мотнул лохматой головой, чему-то улыбнулся.

— Когда-то, очень давно… я знал одну ведьму. Это было в самый первый год после Волны. Она была как будто обыкновенная девчонка. Я… дружил с ней. Что она ведьма, я узнал потом. Когда она… ушла. Мне было очень плохо тогда, в тот год, мы всё потеряли, и наступила первая в моей жизни зима, и я не мог летать… Совсем-совсем не мог, Аль!

Я будто почувствовал холод, поднявшийся из памяти Нимо. Так захотелось его обнять… Даже ветер словно стал холоднее.

— Значит, ведьмы могут быть обыкновенными девчонками?

— Да. На время. Это жутковатые вещи… Троготт мне рассказал… потом. Ведьмы иногда поглощают людей. Но эти люди не исчезают совсем. Они словно живут в памяти ведьм, а иногда случается — выходят наружу, и тогда ведьма становится другой — она полностью превращается в того человека…

Я представил Нимо рядом с жутким существом из сказок, питавшимся душами людей… Бр-р-р!

— Не бойся, ведьма не проглотит человека, если тот понимает, что происходит, и не хочет делиться душой. Обычно ведьмы подбирают отчаявшихся, обездоленных — и дарят им избавление от страданий, и забвение, и долгую-долгую жизнь.

— Это они так говорят? — засомневался я.

— Нет. Я не встречался с ними после того, как… Ивенн ушла. Но я читал записки магов, Охотников — были такие; правда, очень давно и не много. Орден Охотников создал один могущественный колдун этой страны лет пятьсот назад. Ведьма взяла у него внука. Через много лет этот же колдун нашёл ведьму и выяснил, что всё случилось не так, как он думал, потому что мальчик убежал из-за отчима, не веря, что кто-нибудь его защитит. Правда, колдун узнал правду поздно — Серебряной Иглой, оружием, которое он создал, уже убили многих ведьм, и те расторгли древний договор с королями. Колдун убедился в своей ошибке и распустил Орден, а сам то ли замуровал себя в башне, то ли ушёл куда-то. Но его книга осталась, она до сих пор считается самым достоверным рассказом о природе ведьм.

Мы опустились на берег маленького лесного озера, почти идеально круглого, с полоской белого песка вдоль воды. Я подумал: чистое и тёмное, оно должно быть бездонным, этот глаз сказочного лесного великана, которым он смотрит в небо. Наверно, глаз иногда закрывается, когда великан засыпает — а озеро исчезает.

Нимо стоял на берегу, поворачивался то к лесу, то к воде, весь — натянутая струна, я не мог понять, что он делает — слушает, пробует запахи или всё-таки пытается что-то высмотреть, что-то притаившееся в лесной полутьме, в глубине озера.

— Ты видишь?

— Немного. Как через неровно закопчённое стекло. Небо тусклое, деревья почти не различаю, зато вода так светится…

— Мы уже прилетели? Это здесь?

— Да. Это их озеро. Их тут нет, но они чувствуют…

— Ты знаешь?

— Кажется, что знаю. У Ивенн были картины… Она любила придумывать сказки про них. На одной — это озеро. Сейчас понятно, что на самом деле это были не сказки. Может, отголоски знаний ведьм просочились в её память случайно, или Ивенн чувствовала, кто она такая — и хотела таким вот способом передать мне тайны…

Жарко. Пока мы летели, ветер и солнечные ладони играли с нами, и горячий ветер нёс, не обжигая.

— В этом озере можно купаться?

— Наверно… — Нимо присел, потрогал ладонями воду — будто гладил её. Я тоже подошёл к воде — так, чтобы она едва-

едва коснулась ног. Закрыл глаза. Жара укачивала, несла куда-то; мгновенные видения проносились, свиваясь вихрями, вспыхивали картинками из калейдоскопа — раскалённая пустыня, океан, густые и мягкие травы, а я бегу сквозь них… Открывать глаза не хотелось — тогда бы видения исчезли. Я снял рубашку, сделал ещё шаг, оказавшись по щиколотку в удивительно тёплой воде. И разделся совсем, чуть стесняясь — но от этого было ещё необычней и приятней.

Казалось, прошло несколько часов. Мы плескались, лежали на песке. Песок без единого камешка, чистый и тонкий, словно просеянный на мелком сите. В конце концов, мне стало неважно — есть на свете ведьмы, или Нимо просто придумал сказку, для интересности.

Придумывать тайны! Я вздохнул, упиваясь счастьем, и снова зажмурился. Нимо сыпал на меня песок, струйки текли, щекотали кожу, я не хотел открывать глаза. А потом солнце вдруг спряталось, опустилась прохлада, и кожа покрылась гусиными пупырышками.

Стало тревожно. Встретил взгляд Нимо — сейчас он всё видит, я знал. Что-то случилось? Нимо прислушивался — к ветру или к чему-то другому, непонятно.

И нужно было скорее вставать, одеваться, к нам двигался кто-то чужой… и ясно, что Нимо это понимает. Меня тут нет, отчаянно подумал я. Я невидимка!

— Нимо… и Альт. Нимо, я тебя так долго не видела. Ты хорошо прятался! От меня, от него… Привет.

Это была, наверное, Ивенн. Я подумал, что она красивая, но дело не в этом…

— Альт! — Я удивился: как изменился её голос! Как будто… она боится. — А ты прости меня, я очень хотела встретиться с тобою раньше… Но в этих дурацких книжках… — Она снова глянула на Нимо. — В них написано много чего… может, ерунды, но как это проверишь? Там сказано, что вы, ветряные, не должны знать тех, от кого появились на свет… это мешает летать. Но раз уж сам великий Нимо не выдержал…

— Если б ты не сказала…

Ивенн высунула язык.

— Бэ-э-э!.. Мне уже надоело корчить тут с вами умников. Не забывай, что мне всегда шестнадцать, и я не так уж часто выгадываю денёк, чтобы побыть сама собой… да ещё и с людьми. А мы занимаемся ерундой!

— Кто же тебе не даёт? — фыркнул Нимо.

— Никто. Наверное, я просто боюсь сделаться чересчур

умной… Как ты, например!

Нимо вскочил. Плеснул в неё водой. Глянул озорными глазами на меня, отбежал к деревьям.

* * *

Замелькали странные дни.

Мы спали на деревьях, кроны которых были такими густыми, что по ним можно было бегать. Иногда рыли гроты в песчаном берегу реки или просто ложились в густую траву. Ивенн что-то пела комарам, и они не трогали нас.

Мы учились ловить рыбу руками, смеялись друг над другом, потому что рыбёшки оказывались быстрее нас; потом Ивенн ложилась на дно ручья, пока какая-нибудь любопытная форель не заплывала сама в её ладони.

Мы хватали Ивенн за руки и летели всё выше, пока земля не начинала качаться под нами отражением в капле росы. Рассвет или закат… невозможно угадать, как в этот раз будут растекаться краски, разведённые в облаках. Но самым удивительным оказался восход полной луны, показавшейся над горизонтом на востоке в тот миг, когда солнце коснулось края земли на западе… Мне было больно от радости.

…Пошёл дождь. Он был тёплым сперва, мы долго стояли под деревьями, вдыхая запахи сырого леса, и не заметили, как промокли. Вдруг похолодало. Ивенн побежала в темноту, где деревья смыкались.

Когда мы догнали её, она стояла у провала в холме: пещеры, закрытой корнями. Дождевые струи так стекали по лицу Ивенн, что мне казалось, будто она плачет.

— Он хочет поговорить с вами, — сказала она. — Твой опекун…

* * *

— Не собирался вам мешать, гуляйте хоть сто лет, да и не могу я вам помешать…

— Конечно, не можешь, — сказал Нимо.

— Я тут всё рылся в старых книгах… Ветряной маг Ирис и его друг Тидэй изучали свойства стэнции и лебеа. Тидэй хотел найти заменитель стэнции, на всякий случай. Чтобы помочь ему в опытах, Ирис надолго переставал принимать стэнцию.

Заменитель так и не нашли, но Тидэй написал в заметках, будто Затмение Лебеа преодолимо, если «два мага живут в одном ветре». Точный смысл фразы я не расшифровал, а Тидэй добавлял, что практической пользы в этом мало, потому что и первый, и второй должны быть магами воздуха, но если один из них не примет лебеа — он скоро перестанет быть магом, а если примет — то хотя бы одному из них всё равно необходимо использовать стэнцию.

— Значит, я вижу потому, что со мною Альт?

— Да, Нимо. Это самое правдоподобное объяснение. Я очень надеялся, что наблюдения Тидэя окажутся верными… Жаль, что среди Ветряных было так мало настоящих учёных. Во всяком случае, у вас есть время… немного, может быть, два года, вряд ли больше, пока Альт не подрастёт… Если вам… нам… повезёт, за это время можно попытаться исправить ошибки.

— Какие ошибки, Троготт?

— Во-первых, мои. Когда собирали на корабли самое необходимое, запасы стэнции распределили по всем кораблям. Наши учёные писали, что стэнция очень капризна, и заставить её семена прорасти очень трудно. Семена я разделил на две части, одну оставил у себя, вторую — на корабле, который потерялся в Волне. Мне так и не удалось добиться, чтобы семена взошли, может быть, они переохладились зимой или слишком долго лежали в сухом контейнере — не знаю. Но пока вас двое, и вы оба способны летать и видеть — вы можете попытаться сделать то, что Нимо не сумел в одиночку. Что не сумел я. Найти Острова, узнать наверняка, погибли они окончательно или всё-таки нет. Вы можете попытаться найти народ алуски — мне это не под силу. Вы можете попробовать отыскать те корабли, что считаются погибшими. Времени у вас немного — скоро Альту придётся или принять Букет Лебеа — или перестать летать.

* * *

— Нимо… Ты пробовал раньше искать Острова?

— Да. И один. И снаряжали корабль. В одиночку я не мог найти это место — то ветер относил меня назад, когда я засыпал, то я терялся в звёздах и не мог понять, насколько приблизился к цели. Первый год после Волны я был слишком слабым, чтобы летать. А потом… потом исчезла Ивенн и начались эти приступы страха… страха высоты. И в конце концов закончилась стэнция. Корабль посылали дважды. И чем дальше, тем труднее лететь и плыть. Там ветра и течения будто взбесились. Первый раз мы не

смогли одолеть даже трёх четвертей пути, я уставал, и ветер меня почти не слушался. Во второй раз с нами был Ниньо и ещё один взрослый, который пытался говорить с ветром амулетами. По расчетам штурмана мы оказались в том самом месте и ничего не нашли. Но Троготт, когда мы вернулись, сказал, что, возможно, приборы обманули нас. Правда это или нет, разобраться мог только сам Троготт, но ему нельзя надолго уходить в Океан.

— Нельзя?

— Это его тайна. Он не говорил прямо, но я догадался. Он знает, что я это понимаю.

— А водяные? Они не могли позвать алуски?

— Наших магов воды не осталось с нами после Волны. А к тому народу, что живёт здесь, на Болотах, мы не обращались… я не знаю, почему. Я про них даже не знал очень долго. А Троготт, наверно, избегал иметь с ними дело. Про местных водяников Троготт сказал, что они не слышат Океан. Но если это правда, мне кажется, так стало именно после Волны. Тогда многое изменилось… Думаю, Троготт вообще боится ведьм и водяников, боится, что они узнают о нём что-то опасное. Он прячет самые опасные тайны даже от меня, хотя я не очень-то лезу в его дела.

— Получается, у нас очень мало времени, да, Нимо? Пока я не перестану летать… А стэнции не будет… Нимо, значит я смогу стать таким же, как ты, но перестану видеть и… расти…

— Не думай об этом пока, Аль. У тебя ещё есть время. Не приняв лебеа, нельзя повелевать ветром и летать свободно, без тэллио. Но впереди целый год, а может, и больше, ты будешь летать и видеть… Со мной или на летучке. Мы что-нибудь придумаем, Аль! Обязательно! Это раньше у меня не было надежды. Теперь… я буду драться изо всех сил!

* * *

Большая Ха по-настоящему удивилась, обнаружив неподалёку от Нор Гниленя с детьми. Пронзительно пахло дымом. Это был запах тоски и утраты. Запах шёл от подземных ручьёв, которые питали силой Норы, ручьи струились, омывая корни старого водяного, и сама Ха не знала, куда деться от этой отравы.

— Свинья найдёт болото! — зло прошипела ведьма. — Во что тебе хватило мозгов влезть, гнилая колода, я не чуяла такой дряни с тех пор, как три века назад от чумы подохла целая человековская долина! Ты не смог ИХ сберечь?!

— Тоника цела… Посмотри, что с ним случилось…

Ха присела перед закутанным наглухо в плащ мальчиком.

Отвела край, содрогнувшись ещё до того, как увидела… Руки задрожали, обхватила костлявыми пальцами голову Тони, притянула, впилась губами в губы…

Тоника закрыла руками лицо.

— Что ты делаешь? Ты его вылечишь?

— Не знаю! — Ведьма отстранилась, подхватила Тони на руки, шагнула к широкому, тёмному зёву Норы. — Идём. Зови воду, водяник, тащи её откуда хочешь, настоящую, хрустальную, быстро!

Собиралась вокруг мальчика большая капля, а он будто уснул; лежал на каменном полу пещеры, словно в чаше, и одежда на нём растаяла, а вместо неё тело спеленали серебристые паутинки. Дрогнула капля, осветилась изнутри на миг — и погасла, застыла.

Большая Ха устало опустила руки.

— Не трави себя, дед… — прошептала она. — Ты не виноват. Кто знал… Давным-давно я сама вот так же попалась в ЕГО сети.

— Он обещал, что Тони будет летать! А Тони так хотел… И я решил, что обойдусь… без наследника. Есть же сын, который…

— Знаешь, водяник, самое дурное во всём этом ужасе, что не виноват никто — и виноваты все сразу. Если бы я не плевалась от этого слова, я бы сказала, как любят повторять людишки: «Судьба!» Когда-то давно ОН хотел, чтобы я подарила его народу нового ветряного мага. Теперь же, когда я вложила в этого мальчика искру, которую носила в себе много-много лет — на неё попался ОН же, и решил, что Судьба поднесла ЕМУ подарок — человечка, который способен воспринять их заморскую отраву, чёртову лебеа… воспринять — и выжить.

— О чём ты, Ха?

— Так… Древний клубок тайн… Я растеряна, водяник, понимаешь…

— Тони выживет?

— Он не умрёт. Не умрёт так, чтобы исчезнуть, как исчезают люди.

— Ты! Выпила его?!!

— Не веди себя, как человековский дурак, водяник! Я его сохранила. Он спит. Ты мог бы с ним поговорить, но не думаю, что сейчас от этого будет польза хоть кому-то.

— Что мне делать теперь…

— Делом займись! Не сиди, выдирая остатки волос. И жди… наследника.

— Что?..

— Что слышал. Тоника у меня останется… пока.

— Я… найду эту падаль… этого колдуна… заокеанского…

— Не вздумай. Он, конечно, та ещё тварь… Но никому не будет лучше…

— Думаешь, не придушу его?!

— Думаю, он тебя придушит. И Болота твои высушит и через мелкое сито просеет, так что червяка не останется. Утихомирься, водяник. Жди. Как я жду. Долго жду…

* * *

С вечера зарядил дождь. Он лил всю ночь, и Брэндли то и дело просыпался, прислушиваясь к хлюпающим звукам воды за окном. В доме Дзынь было тепло и уютно, мерцали угольки в печке, пахло дымом, чуть-чуть — подгоревшим пшеном и жареными грибами с луком. Брэндли вспоминались праздники в старинном замке Хлюпастых — даже не сами праздники, а приготовления к ним, когда целый день Дом на Бугре жил взбудораженной, радостной суетой — а к вечеру замирал в ожидании. Воцарялся усталый и как бы смутный от перемешавшихся за день переживаний покой, хрупкая тишина. Появлялся управившийся с делами Сам, Хозяин. Дед. Обыкновенно хмурый, суровый, в Доме его все побаивались. Побаивался и юный водяник, хотя Брэндли, сколько он себя помнил, и пальцем не трогали. Брэндли, правда, не отличался проказливостью, однако знал, что отца его, Сидоруса Водохлёба, случалось, вытягивали хворостиной и за вовсе малые провинности, а Брэндли — не трогали. Почему так, водяник не понимал, да и не задумывался особо.

Праздники водяник любил, но был в них один неприятный промежуток, о котором Брэндли и не рассказал бы никому, и сам старался забыть побыстрее и вспоминать пореже. Момент этот наступал, когда всё семейство Хлюпастых выходило во двор, чтобы встретить гостей. Их, гостей, оказывалось не очень много — три-четыре семьи родичей и других водяных из соседних владений, да случались, хоть и редко, человековские гости. И всякий раз в числе приехавших и приплывших были семьи с детьми, и детишки эти, робея и стесняясь, первые минуты жались к мамам, а мамаши прижимали их к себе, гладили по волосам…

Брэндли знал, как это безумно приятно — когда у тебя есть мама, которая может приласкать. У самого Брэндли мамы никогда не было, во всяком случае, в доме Хлюпастых о ней ни разу не упоминали, а водяник так и не смог заставить себя спросить взрослых. Что-то мешало… Однажды, когда Брэндли

заболел, в замок возвратился из отлучки Сам, Гнилень. Болезнь скоро отступила, но ещё несколько дней водяник лежал слабый, дед приходил к нему, брал голову внука на колени и прохладными, жёсткими пальцами гладил, прогоняя хворь. Брэндли млел — ничего приятнее он в жизни не испытывал, и потом, видя, как другие мальчишки уворачиваются от материнских ласк, с содроганием обзывал их про себя «дураками».

Обязательно теперь спрошу, пообещал себе водяник, ныряя в забытье под шум дождя. Даже если умерла — я больше не могу про неё не знать. Наверное, с нею случилось какое-то несчастье — а дед и отец потому и не наказывают меня строго… я читал в книжках, сирот нехорошо обижать. Правда, теперь-то наверняка накажут — за ТАКОЕ! Я сбежал из дома, по-настоящему сбежал. А если будут бить — я тогда снова убегу… Интересно, согласился бы я, чтобы была мама, но и наказывали меня как других мальчиков, розгами или оплеухами? Не знаю… Наверно, моя мама всё равно не позволила бы меня обижать. Наверное, если она умерла, то когда болела, строго-настрого запретила деду и отцу меня наказывать, как других. А теперь… теперь они, конечно, очень сильно рассердились… Нет, отец не очень сильно. Он… он… ему всё равно!

Брэндли задохнулся от внезапной догадки, сел. Отец же меня не любит, подумал он. Я просто не понимал этого. Он никогда не сердился на меня, не наказывал. Он делал всё, чтобы со мной не случилось ничего плохого — но точно так же это мог делать другой. Даже суровый и немножко страшный Гнилень — роднее, интереснее. С ним жизнь казалась тревожнее и ярче. А отец, Сидорус, был равнодушным, бесцветным; ни плохим, ни хорошим — никаким.

Никого у меня нет на свете! Со сладкой болью от жалости к себе водяник скорчился на кровати, обливаясь слезами. Беззвучно. Дождь за окном шумел намного громче, водяник был уверен, что Дзынь не услышит ничего подозрительного.

Вот только он ошибся. Ладошка Дзынь ухватила его локоть, быстро пробежала к плечу. Брэндли замер.

— Это дождь виноват, — прошептала Дзынь. — Такой он сейчас прилетел, грустный. Хочешь, я зажгу свечу?

Водяник хотел отказаться — зачем Дзынь видеть его зарёванным? — но икнул и кивнул. Ладошка ведьмучки сделалась горячей, стёрла мокрые полоски со щёк.

— Покажу тебе кое-что. Совсем особенное. Я оставила это для какого-то такого, важного случая, когда или очень грустно или удивительно радостно. По-моему, сейчас самое время…

— Ты странная, — сказал водяник, пока не зажглась свеча. — И храбрая, и сильная — и всё понимаешь.

Ведьмучка промолчала — только дёрнула Брэндли двумя пальцами за нос.

— Смотри, — чуть погодя сказала Дзынь. — Так умеем только мы, ведьмы!

Она открыла дверь в кладовку и подвела водяника к дальней стене, занавешенной серой холстиной. Справа и слева лежали и висели мешки и мешочки со всякими припасами, пучки трав, стояли пыльные кадки. Дальняя стена была почти свободной, и кладовка при свете свечи показалась Брэндли слишком большой для крохотного домика Дзынь. Он хотел спросить, это ли имела в виду Дзынь, но не решился.

Ведьмучка сорвала холстину.

— Ох…

— Этой картины у меня раньше не было. Кажется, её принесла сюда Ха… как и другую, с заморской страной… — Дзынь промолчала. — Но я ни в чём не уверена. И… та картина никогда не показывала людей.

На картине была пещера. Тьму подземелья разгоняли огоньки маленьких светильников. Посреди пещеры бежал ручей — удивительно прозрачный, искрящийся, — такой хрустальной, чистой воды даже Брэндли сроду не видел, но было ясно: ручей — настоящий, написан не по фантазии таинственного мастера, а существует — или существовал где-то на самом деле.

На дне ручья спал мальчик. Струи воды омывали его лицо, а Брэндли чудилось, будто не вода, а ветер играет волосами мальчишки, трогает ресницы. Лицо у него было бледное, но водяник понимал, что это не смертельная белизна, а просто кожи мальчика давно не касался солнечный свет.

У ручья лежал большой округлый камень. Приглядевшись, Брэндли сообразил, что валун нарочно обработан так, чтобы на нём было удобно сидеть.

— К нему кто-то приходит, — прошептала Дзынь. — Я ни разу не заставала того, кто появляется у ручья, но иногда знаю наверняка, что каменюка ещё не успела остыть. Один раз даже слышала шаги по гальке. А застать — не могла. Я не знаю, может… она нарочно прячется…

— Она?

— Ага. Я думаю, это женщина. Человековская женщина.

— Она — его мама?!

Ведьмучка пожала плечами.

— Вообще-то я не очень часто сюда прихожу. Почему-то страшно… И я не знаю, чего боюсь. Что увижу её… или что

картина меня утащит. Разбужу его нечаянно, и что тогда случится?

— Значит… всё это есть по правде?

— Наверно.

Они молчали. Какой он удивительный, думал водяник. Светлый. Наверное, мама любит его так сильно, что живёт только им. И не может ему помочь. Разбудить… спасти. Снятся ли ему сны? Может быть, он даже всё слышит? И ручей рассказывает ему о том, что случается в мире…

* * *

Я увидел его на рассвете.

Солнце поднималось между двумя вершинами заросших лесом холмов, склоны внизу укрывал туман, в какой-то миг ослепительно вспыхнувший двумя громадными белыми крыльями. Словно пылающий цветок распустился. Солнце восходило выше и выше, а над распадком появилась и начала расти ещё одна сияющая белая точка. Я замигал изумлённо и повернулся к Нимо — спросить, видит ли он её тоже, или от яркого света у меня случился обман зрения.

Нимо улыбался. Щурился. Белый лепесток, отлетевший от солнца, увеличивался с каждой минутой.

— Корабль!

— Ага. «Лунная бабочка». Самый лучший из уцелевших со времен Волны. Его нашли Бродяги далеко на севере, давным-давно. Они подарили его мне, и я летал на нём, и знаю, какой он хороший. Много лет уже им почти не пользовались, потому что я сейчас редко летаю на кораблях. А теперь он будет твой, Аль.

— Мой?! Но я же… я не умею, я ничего не умею!

— Он тебе понравится, правда. Он будет послушным, как будто станет частью тебя. Это случится очень быстро, ты удивишься, как это легко и чудесно! Я знаю, Альт. Ты — очень хороший ветряной маг, я знаю это так же точно, как то, что у меня две руки. Может быть, ты даже лучше меня, а я считался самым лучшим на Островах. Скоро ты сам почувствуешь, Аль…

— А как же… Нимо, но ведь я не принимал Лебеа.

Он обхватил меня за плечи, он дрожал и смеялся, как будто сам только что узнал что-то важное, радостное.

— Не сейчас. Аль, сейчас не нужна тебе никакая Лебеа — ветер ластится к тебе, как щенок, твоя сила, такая ослепительная… Может быть, это из-за Ивенн, может, я разбудил,

или мы все вместе — не знаю, но у тебя есть время, Аль, бесконечно много времени — год или даже два… Смотри, Аль, я сам так давно его не видел, смотри, какой он прекрасный!

«Лунная бабочка» падала на нас, белая, словно вспышка самого яркого утреннего сна.

— А кто её ведёт? Ниньо?

— Что ты?! На «Бабочке» сейчас её хранитель, замечательный человек, Ба Цзинь, он не маг, хоть и умеет управляться с ветряными амулетами и очень много знает. Он мудрый и славный… Смотри!

Она огромная, но не страшная. Травинки под нею чуть-чуть шевелятся, мне кажется — «Бабочке» немножко щекотно, от этого она улыбается. Она ничего не весит, она касается травинок, она, как рыбка у морского дна, она любопытная, даже смешливая. Она как-то смотрит на меня, тихо дышит — совсем не устала после полёта. Её нос — нос любопытного котёнка: стоит мне отвести глаза, он легонько ткнётся в плечо — и быстро отодвинется… А если протянуть руку — она замрёт, напружинится, и что-то звонко щёлкнет внутри — как будто чихнёт забавно.

Людей не видно. С борта до самой земли тихо перекинулся трап. Нимо присел передо мной, тронул пальцами ремешок сандалий…

— Сними, — улыбнулся. — Иди босиком.

Доски тёплые и будто звенят под ногами. Кажется, будто моя кровь течёт по жилкам живого дерева, а его сок бежит ко мне, аромат заморской смолы впитывается в кожу, я даже понюхал свой локоть — он уже пахнет странной, чужой и дикой травой, горячей от солнца.

Ба Цзинь смеется беззвучно откуда-то издали. Не подходит — наверно, не хочет мешать. Тишина, только ветер. Я стою так высоко — и всё равно ко мне одинаково близок и ветер (он же — небо!), и трава, которая шелково колышется подо мной, гладит, щекочет, играется. Я тоже смеюсь, раскидываю руки широко, как могу, и даже растопыриваю пальцы, щупаю — всё-всё-всё! Ветер струится, гудит. Горячо. Холодно. Тепло и упруго — вот так совсем хорошо! Солнце вдруг скакнуло вперёд и сверкнуло в глаза пронзительно, но не больно — «поиграй и со мной!» Я смеюсь и пытаюсь свистеть что-то — никогда не умел свистеть песни, но, наверное, что-то выходит, потому что корабль вокруг отзывается и дрожит…

— Аль-ка! — обнимает меня Нимо — весёлый, горячий, тоже звонкий. — Не надо так быстро пока!

И я понимаю, что лечу. Летит мой корабль, моя «Бабочка»!

* * *

Мне снилось море.

Бесконечное. Я лечу над ним, лечу, наверное, тысячу лет. Мне не скучно. Я знаю, что у моря не было начала и не будет конца. Над морем нет даже птиц. Только дует ветер, и бегут волны — так же бесконечно. Море никогда не кончится. Никогда. А я буду лететь над ним вечно. Всегда.

* * *

А потом сон закончился. Началась тревога. Она неслась отовсюду и была, как музыка. По морю шли кипучие валы. Ревело небо. Проблескивали молнии.

Я думал, что упаду. Это было не страшно. Просто вечность кончалась, и начиналось что-то другое. И я ждал.

* * *

Я снова уснул, потому что ждал долго. Мне снился горячий и твёрдый берег. Или скала. Я сидел на ней, а внизу море и небо перемешались, и если бы я был человеком, то решил бы, что они убьют друг друга. На самом деле они не могли причинить друг другу вреда.

Да хватит уже! Хотелось закричать. Давайте снова бесконечность и горячий свет. И лететь!

И скала подо мной заревела грохотом, и мир задрожал. Блеснул огонь — выплеснулся из меня и тёк такой страшной рекой, что я сжимался и разрывался от боли и смеялся от счастья.

* * *

И снова кончился сон. Наступил новый покой. Горячий ветер обсушил мои волосы, а ладони стали мокрыми от брызг. Маленькие ветерки носились вокруг, сбивая гребешки волн и бросаясь ими в меня. Такого раньше никогда не было — в прошлой вечности. И я открыл глаза и понял, что лечу не один. Подо мною, заслоняя полмира, летел чёрно-золотой дракон. Почувствовав моё узнавание, он чуть-чуть вздрогнул.

Теперь всё будет хорошо, сказал он. Всегда.

* * *

Я очнулся в горячей спальне от ледяного сквозняка. Кто-то высокий, в чудной шляпе, надвинутой на глаза, сидел рядом. За окном ветер резко сорвал облака, и сверкнула луна, отразившись в зрачке человека. Зашумели птицы, огромной стаей пронеслись над домом. Шелест крыльев затопил шепот человека, но я разобрал:

— Не бойся, Альт, я ничего тебе не сделал. Чуть-чуть приоткрыл для тебя Кристалл. Чтобы ты увидел… А сейчас — ухожу. Не бойся меня, Альт! Ничего не бойся!

Я закрыл глаза. Страх уходил, правда. Когда я снова очнулся, в комнатке было тихо и уютно. Потрескивала печка у дальней стены. Я понял, что наступила зима.

Нимо, прошептал я. Сел, нащупал пальцами гладкие доски пола. Тихо прошёл в дверной проём.

Он стоял у полки с книгами. Непривычно сутулился. Мокрые щёки, губы какие-то… не его. И пальцы… холодные. Нимо…

Я схватил его за руку. Нимо!

— Снова зима… Аль… Что я наделал!

— Нимо, ты самый чудесный! Если б ты только знал… Я сам это всё решил… решился… что бы ни было… И мы победим.

— Я бы всё равно не решился… сейчас. Ещё тянул бы… пока только можно… Может быть, опоздал бы…

— Мы всё правильно сделали. Сейчас мы не долетим в Страну Цветов, а весной для меня может быть уже поздно. Бродяги уверены, что это те самые цветы, они же не обманут, да?!

— Они знают их только по книжкам, Аль… И даже если так… всего два цветочка… Так мало!

Я вздохнул. Захотелось ветра, хотя бы такого, с зимы.

— Давай выйдем, там сейчас луна.

…Ночь оказалась не очень холодной. Быстро неслись облака, и я вспомнил самые тревожные мгновения сна. Горы вдали внезапно придвинулись, я вскрикнул, вцепился Нимо в плечо.

— Аль!

— Мне страшно! Я падаю…

— Алька, держи меня крепко, ничего… Сейчас доведу до кровати… Это скоро пройдёт… Я знаю…

— Холодно… Я так испугался высоты! Что-то получилось неправильно, я не смогу летать?!

— Нет, это пройдёт. Уже к утру. Это было… и со мной. Так же. Ветер тебя растревожил, ничего.

— Огонь!

— Что?!..

— Огонь! Он то ослепляет, то гаснет! Я не вижу…

— Это пройдёт к утру, Аль… Прости… что я наделал… Позвать Троготта? Он даст какую-то травяную дрянь, но она успокаивает и…

— Нет, не хочу, чтобы Троготт… Посидишь со мной?

Небо грохнуло. Разорвалось огнями салюта…

— Что это?!

— Ох… В городе какой-то праздник… А! День… или, вернее, Ночь Первого Снега…

Я улыбнулся. Стало хорошо и грустно.

— Уже ничего. А я и забыл совсем. Завтра все побегут кататься на санках.

— Это точно. Воплей будет!

— Мы пойдём?

— Ага! Я сто лет не катился кубарем по снегу!

— И будем швыряться снежками! И построим крепость!

— Непобедимую цитадель. Ты, я и ветер.

Конец книги первой

notes

Примечания

1

«Колёсики» — доска с продольной щелью. В доску вставлены два металлических стержня с надетыми колёсиками из твёрдой древесины каменного жобла. Дети на таких «колёсиках» катаются, представляя, будто «колёсики» — это летучки. Чаще на «колёсиках» катаются малыши, лет до семи-восьми, которым «летучки» пока ещё не дают вовсе. Но временами и среди старших появляется мода на «колёсики».

2

Народ Водяных.

З

Обращение к магам Воздуха, также, как Эдэли — общее имя Огненных, Адэви — Водных.